МБ
П52
Поллок Ф.
История политических учений
г. Москва
1898.

ИБ
752

Ф. Поллокъ,
Проф. Оксордскаго Университета.

ИСТОРІЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ.

Переводъ съ англійскаго.

151/3

МОСКВА.
Изданіе магазина „Книжное Дѣло“,
Моховая, домъ Венкендорфъ.
1898.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
№ 615571.

Дозволено цензурою. Москва, 4 Января 1898 года.

Типогр. А. Г. Кольчугина, Волхонка, д. Михалкова.

Начало политической науки. — Наука въ греческой философіи.

Ни одинъ добрый браминъ не начнетъ литературной работы безъ того, чтобы не обратиться съ установленной формулой привѣтствія къ Ганезѣ—богу съ головой слона, покровителю ученія. Мы люди запада, не такъ мелочны въ формахъ; тѣмъ неменѣе и мы до нѣкоторой степени подобнымъ же образомъ не можемъ начать нашъ философскій и научный очеркъ, не почтивъ память Аристотеля. Какъ Греція мать почти всего, что придаетъ цѣну нашей жизни, такъ Аристотель является отцомъ науки и научнаго метода; и въ продолженіи вѣковъ, когда уроки Греціи позабылись, имя и произведенія Аристотеля оставались единственнымъ звеномъ, связующимъ новый міръ съ эллинскимъ.

Что касается до нашего предмета, то въ этомъ отношеніи права Аристотеля несомнѣнны и очень значительны. Общимъ голосомъ потомства онъ признанъ основателемъ политической науки. И до него существовало политическое мышленіе, но онъ первый подвергъ политическія явленія тщательному анализу и неуклонному изслѣдованію, являющимся существенными при-

знаками и достоинствами научнаго труда. Наука политики, подобно многимъ другимъ нашимъ знаніямъ и научнымъ опытамъ, ведетъ свое начало отъ Аристотеля. Какъ и въ другихъ случаяхъ, его организаторскій геній собралъ разсѣянный предшественниками матеріалъ и соединилъ его въ одно стройное цѣлое. Начавъ съ Аристотеля, мы попытаемся прослѣдить судьбу и развитіе этой науки. Это не будетъ повѣствованіемъ о постоянномъ и быстромъ прогрессѣ, какъ при исторіи точныхъ или хотя-бы тѣхъ естественныхъ наукъ, въ которыхъ математическая точность недостижима. Напротивъ, мы здѣсь найдемъ много дикихъ разсужденій и грубыхъ ошибокъ. Но мы найдемъ также и достаточную степень дѣйствительнаго развитія, если мы больше обратимъ вниманія на то, что сдѣлано научными изслѣдователями, чѣмъ на то, что выдавалось подъ именемъ науки въ эпохи соціальной и политической агитаціи, и не дадимъ ошибкамъ скрывать отъ нашихъ глазъ истину.

Прежде чѣмъ приступить къ исторіи, не мѣшаетъ бросить хотя бы бѣглый общій взглядъ на то мѣсто, которое занимаетъ политическая наука среди человѣческихъ знаній. Многіе, навѣрное, будутъ вовсе отрицать существованіе политической науки. Если они подъ этимъ подразумѣваютъ, что въ ней нѣтъ правилъ, изучивъ которыя первый министръ могъ-бы безошибочно располагать большинствомъ, то они въ дѣйствительности будутъ правы, но за то суживаютъ гораздо болѣе обширное понятіе этой науки. Политическая наука—наука въ томъ же смыслѣ и въ томъ же или почти томъ же объемѣ, какъ и наука морали. Что бы ни проповѣдывали моралисты, но представляется по крайней мѣрѣ сомнительнымъ, насколько пригодны для людей всѣ системы нравственной философіи въ рѣшеніи вопросовъ дѣйствительнаго поведенія. Что касается до меня, то въ дѣлахъ совѣсти я скорѣй послѣдую совѣту разумнаго и добраго друга, чѣмъ всѣмъ моралистамъ-философамъ на свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе лишь немногіе изъ развитыхъ людей откажутся признать законность и пользу

изслѣдованій возникновенія и природы нравственныхъ правилъ; немногіе будутъ утверждать, что безполезно также возводить ихъ исторически или отвлеченно въ общіе принципы. Люди, какъ существа нравственныя, склонны разсуждать о природѣ права и неправа, какъ о дѣйствіяхъ совѣсти; будучи же гражданами, они склонны разсуждать о природѣ государства, дѣятельности правительства и о возникновеніи и силѣ гражданскихъ обязанностей. Послѣднее изслѣдованіе имѣетъ больше практическаго значенія, чѣмъ первое, такъ какъ наиболѣе общія политическія теоріи имѣютъ значительное вліяніе на общественныя дѣла, чего, по моему мнѣнію, нельзя сказать объ этическихъ теоріяхъ. Такъ декларація правъ человѣка, обнародованная французскимъ конституціональнымъ собраніемъ, не осталась безъ практическаго дѣйствія. Она состоитъ изъ положеній о томъ, чего люди, какъ таковые, имѣютъ право и на самомъ дѣлѣ по справедливости могутъ требовать. Если положенія эти вѣрны, то они имѣютъ огромную важность для политиковъ и законодателей, если же ложны, то они въ высшей степени вредны. Въ обоихъ случахъ они должны служить предметомъ обсужденія политической науки. Въ 1848 г. Бартелеми С. Илеръ объявилъ міру, что они вѣнецъ и итогъ всей политической науки прежнихъ вѣковъ. Съ поддержкой такого авторитета и при дѣйствительномъ вліяніи на умы, провозглашенные принципы не могутъ быть оставлены безъ вниманія, и научной критикѣ предстоитъ утвердить или опровергнуть ихъ. Людямъ, отрицающимъ надобность или возможность философіи, въ отвѣтъ можно указать на то, что критическая философія во всякомъ случаѣ необходима хотя бы для того, чтобы выставить въ истинномъ свѣтѣ разныя ученія, ложно называемыя философіями; такимъ же образомъ должна существовать и существуетъ политическая наука, хотя бы единственно для того, чтобы опровергать нелѣпые политическіе теоріи и проэкты. Чтобы показать какое мѣсто я опре-

дѣляю политикѣ въ общей схемѣ нашихъ знаній, я принимаю старинное дѣленіе наукъ на естественныя и нравственныя *).

---

*) **Наука или философія** (въ самомъ широкомъ смыслѣ)

Естественная философія. или наука (въ спеціальн. смыслѣ).

—

Физическія науки (съ ихъ объектомъ включительно до человѣка, разсматриваемаго какъ животное или часть природы).

Нравственныя науки или нравственная философія (въ общемъ смыслѣ).

Человѣкъ какъ разумный дѣятель.

Познаніе.

—

Логика.

—

Психологія.

—

Метафизика.

Дѣятельность.

—

(какъ личность).

Психологія.

—

(какъ членъ общества).

Экономія.

Политич. экономія.

—

(какъ членъ особенно устроеннаго общества).

Политика.

Этика.

Теорія знанія. Теорія поведенія.

Философія въ спеціальномъ смыслѣ (или аналитическая психологія какъ

При этомъ я не думаю связывать себя какой-либо общей доктриной. Я не вижу, почему должна существовать одна какая-нибудь классификація абсолютно правильная, и почему нельзя употреблять для различныхъ цѣлей различныхъ классификацій. Съ извѣстной точки зрѣнія будетъ цѣлесообразнѣе совершенно пренебречь различіями, которыми я думаю пользоваться, какъ это и сдѣлано напр. Гербертомъ Спенсеромъ въ его *опытъ классификаціи знаній*. Въ конечномъ анализѣ это различіе должно исчезнуть. Въ данную минуту, мнѣ не зачѣмъ доводить свой анализъ до конца, мнѣ нужно только разсматривать политическія науки, какъ принадлежащія къ извѣстному роду изслѣдованій, достаточно отличныхъ для обыкновенныхъ практическихъ цѣлей отъ другихъ изслѣдованій. Въ естественныхъ наукахъ мы имѣемъ дѣло съ міромъ матеріальнымъ и, какъ съ его частью, съ физическимъ организмомъ человѣка. Въ нравственныхъ наукахъ мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, какъ съ существомъ разумнымъ, и изучаемъ законы его интеллектуальной дѣятельности Въ общемъ цѣль и методъ тѣ же—открытіе истины посредствомъ изслѣдованія фактовъ; но средства далеко не тѣ же. Въ естественныхъ наукахъ разработкѣ подвергаются явленія, воспринимаемыя органами чувствъ, непосредственно и съ помощью ручныхъ инструментовъ. Въ нравственныхъ наукахъ предметъ является только въ разсужденіи, и орудіями служатъ—языкъ и книги. Отсюда громадная разница въ способѣ работы изслѣдователя, въ природѣ достигнутыхъ результатовъ и въ возможности ихъ провѣрить; и слѣдуетъ замѣтить, что сравнительная неточность нравственныхъ наукъ зависитъ не отъ людей, посвятившихъ имъ свои дарованія, но, какъ справедливо замѣтилъ Аристотель, отъ природы самаго предмета. Подраздѣленіе естественныхъ наукъ насъ не касается **). Нравственныя науки могутъ быть раздѣлены

**) Не пытаясь сдѣлать полное дѣленіе, я намѣренно оставляю много вопросовъ открытыми: должны ли чистыя науки о простран-

на два отдѣла, спекулятивный и практическій. Въ первомъ мы разсматриваемъ человѣка какъ существо познающее и мыслящее; въ послѣднемъ, какъ существо чувствующее и дѣйствующее. Является вопросъ, удержится ли это дѣленіе въ окончательномъ анализѣ. Мое мнѣніе—что нѣтъ, т. е. что знаніе и дѣятельность въ сущности нераздѣльны; но это дѣленіе соотвѣтствуетъ довольно отчетливому различію, которое проводятъ между ними въ обыденной жизни. Къ спекулятивной области или къ области законовъ мысли, мы причисляемъ логику (какое-бы мѣсто она ни занимала между спекулятивными науками или рядомъ съ ними) и метафизику, которая приводитъ насъ къ всепоглощающему вопросу изъ вопросовъ, — что есть знаніе и насколько оно возможно. Такимъ образомъ отъ теоріи познанія въ спекулятивной области, а также отъ этики въ практической, мы подходимъ къ философіи въ спеціальномъ смыслѣ, которая стоитъ особнякомъ и отъ нравственныхъ и отъ естественныхъ наукъ; въ организованное познаніе особыхъ видовъ явленій нельзя включать анализъ самого познанія. Объ этомъ я упоминаю только мимоходомъ, чтобы указать, что философія не будетъ изгнана ни какимъ остроумнымъ распредѣленіемъ наукъ. Она смѣется надъ отлученіемъ, произносимымъ ей Огюстомъ Контомъ, и при всякомъ случаѣ возвращается съ реваншемъ на старое мѣсто. Психологія принадлежитъ нѣкоторымъ образомъ и къ спекулятивной и къ практической областямъ, будучи тѣсно связана и съ метафизикой и съ этикой. Съ практической стороны мы можемъ разсматривать ее, какъ изу-

---

ствѣ и числѣ стоять во главѣ физическихъ наукъ или отдѣльно отъ нихъ, какъ не касающіяся явленій природы, но выдѣляющія общія условія точнаго знанія внѣшняго міра. Затѣмъ я не высказываю своего мнѣнія о логикѣ, исключая того, что она принадлежитъ къ спекулятивной области, отличной отъ практической стороны нравственныхъ наукъ. Здѣсь возникаетъ вопросъ (аналогичный вопросу о чистыхъ наукахъ), спеціальная ли она наука, и другіе трудные вопросы объ ея отношеніи къ психологіи и метафизикѣ.

ченіе дѣйствій человѣка, разсматриваемаго просто, какъ личность. Но мы не можемъ удовлетвориться изученіемъ человѣка только какъ отдѣльной личности. Люди живутъ обществами, и мы не знаемъ того времени, когда они жили иначе. Дѣйствія человѣка въ обществѣ составляютъ предметъ дальнѣйшаго его изученія, которое обыкновенно зовется соціологіей. Всякому ученому это названіе рѣжетъ слухъ, какъ варварская смѣсь двухъ различныхъ словъ, и хотя теперь уже поздно спорить объ его употребленіи, тѣмъ не менѣе я предпочитаю слово экономія, какъ общее названіе изученія общественной жизни людей, кромѣ спеціальныхъ отношеній ихъ къ государству. Такое употребленіе этого термина довольно близко соотвѣтствуетъ употребленію его Аристотелемъ. Важную отрасль этой науки составляетъ то, что намъ извѣстно подъ именемъ политической экономіи, которая замѣчательна, какъ часть нравственныхъ наукъ, получившая на половину точный характеръ. Намъ не зачѣмъ пытаться разбирать, на сколько такой характеръ ей по справедливости можетъ быть приписанъ. Другая отрасль—этика, если, подобно грекамъ, разсматривать ее какъ имѣющую главнымъ образомъ дѣло съ человѣкомъ въ его отношеніяхъ къ себѣ подобнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, чтобы ни думали о существованіи абсолютныхъ, чисто для самого себя имѣющихъ значеніе обязанностяхъ, или о возможности возникновенія нравственнаго чувства помимо жизни въ обществѣ, всетаки остается внѣ сомнѣнія, что значительная часть нашихъ нравственныхъ обязанностей имѣютъ значеніе по отношенію къ другимъ лицамъ. Оставляя въ сторонѣ спорные вопросы, мы можемъ, слѣдовательно, классифицировать этику, какъ общественную науку. Наконецъ, намъ приходится разсматривать человѣка не только, какъ члена общества, но какъ члена особаго общества, особымъ образомъ организованнаго и распространяющаго верховную власть на своихъ членовъ; другими словами, мы разсматриваемъ человѣка, какъ гражданина и гражданина въ его отношеніяхъ къ

государству. Такимъ образомъ опредѣлилось поле дѣятельности политической науки, имѣющей дѣло съ такимъ богатымъ и разнообразнымъ матеріаломъ, что въ самомъ началѣ она казалась загроможденною этимъ богатствомъ; о подраздѣленіяхъ этой науки лучше всего упомянуть тогда, когда мы дойдемъ до того періода ихъ исторіи, гдѣ они болѣе обозначаются; пока же достаточно только сказать, что основаніе и общее устройство государства, формы и администрація управленія, принципы и методъ законодательства какъ-бы естественно распадаются на отдѣльныя главы, между которыми группируются основныя положенія политической науки, хотя строго точное и исключительное дѣленіе ихъ врядъ ли возможно. Къ этому мы должны прибавить еще одну главу, яснѣе отдѣляющуюся отъ другихъ — это представленіе государства, какъ особой и совершенной единицы высшаго порядка, способной къ опредѣленнымъ отношеніямъ къ другимъ подобнымъ единицамъ.

Аристотель, какъ мы уже сказали, основатель этой науки; но и самый великій человѣкъ не могъ бы создать науку изъ ничего, а потому заслуживаютъ упоминанія тѣ люди и условія, которые сдѣлали возможнымъ трудъ Аристотеля. Всякая теорія государственнаго устройства и политики можетъ существовать только тогда, когда уже существуютъ просвѣщенные политики и государственные люди, такъ же какъ и теорія этики можетъ существовать только въ обществѣ уже нравственномъ. Политическое мышленіе зародилось благодаря различію политическихъ учрежденій въ греческихъ городахъ, и развилось главнымъ образомъ благодаря блестящей политической дѣятельности въ городѣ городовъ, гдѣ сила и красота эллинскаго генія достигли своего высшаго развитія въ искусствѣ, литературѣ и гражданской жизни, въ городѣ, который Мильтономъ, художникомъ и эллинистомъ, вопреки его пуританизму, былъ воспѣтъ, какъ око Греціи, и который Суинбернъ, изучившій греческую поэзію и искусство такъ же глубоко,

какъ и Мильтонъ, прославилъ въ своемъ „Erechtheus“ въ строкахъ достойныхъ трагиковъ этого города

О городъ безсмертный, великій, святой,
Гдѣ люди не знали вельможъ и князей,
Питомникъ свободныхъ своихъ сыновей,
Воспитанныхъ дивной твоей красотой.
Ни чьими рабами они не бывали.
Твой холмъ, твое море—отчизна чудесъ;
Увѣнчанъ ты славой какою едва ли
Кто бъ могъ похвалиться подъ сводомъ небесъ,
Увѣнчанъ ты миртой, оливой багряной,
Легендами славы безсмертной твоей
И звуками пѣсни красы несказанной,
Блестишь надъ міромъ ты солнца свѣтлѣй
И именемъ славнымъ Аѳинъ
Внѣ всякихъ сравненій ты блещешь одинъ.

Периклъ, первый изъ аѳинскихъ государственныхъ мужей, былъ въ то же время величайшимъ изъ когда-либо жившихъ государственныхъ людей. Рѣчь, произнесенная имъ при погребеніи Аѳинянъ, павшихъ въ первую Пелопонезскую войну, и переданная намъ Ѳукидидомъ представляетъ описаніе и идеалъ государства, сдѣланные хотя и въ смѣлыхъ и общихъ чертахъ и ради эффекта, но могущіе помочь намъ изучить почву, заранѣе подготовленную уже для Платона и Аристотеля. Дѣйствительно мы не можемъ быть вполнѣ увѣренными, что Периклъ дѣйствительно произнесъ слова, приписываемыя ему Ѳукидидомъ; но мы можемъ быть увѣрены, по крайней мѣрѣ въ томъ, что въ нихъ заключается именно то, что по мнѣнію Ѳукидида, Периклъ долженъ бы былъ сказать, и что одобрили бы Аѳиняне; а принявъ во вниманіе общенародное значеніе и торжественность случая, и число лицъ (Ѳукидидъ, по всей вѣроятности, и самъ былъ между ними), которыя должны были сохранить живую память о томъ, что слышали‘ я сильно расположенъ думать, что въ Ѳукидидѣ мы

имѣемъ существенно правильную передачу того, что было сказано Перикломъ. Изучающій политическія науки долженъ замѣтить, что все въ рѣчи сводится на понятіе о городѣ, не только какъ о мѣстѣ обитанія или матеріальной безопасности, но и какъ о сферѣ высшей дѣятельности человѣка. Все осуществляется въ городѣ, въ его законахъ, обычаяхъ и учрежденіяхъ; это образецъ и идеалъ жизни гражданъ. И слава Аѳинъ причиной того, что ихъ идеалъ лучше другихъ; Аѳины достигли высшей степени цивилизаціи, возможной для того времени, и представляютъ школу для всей Эллады. Они стремятся произвести лучшій типъ человѣка, чѣмъ другіе города. При равныхъ природныхъ дарованіяхъ способности человѣка въ Аѳинахъ достигли болѣе полнаго всесторонняго развитія, чѣмъ гдѣ бы то ни было. И это достигнуто не педантичнымъ и скучнымъ ученіемъ (какъ то было у Лакедемонянъ), но свободнымъ и благороднымъ воспитаніемъ утонченной жизни. „Мы стремимся“, сказалъ Периклъ, „къ жизни прекрасной, но безъ излишествъ, и созерцательной безъ недостойной мужа вялости; богатство въ нашихъ глазахъ должно служить не для чванства, а для разумнаго употребленія; и мы считаемъ постыднымъ не пребываніе въ бѣдности, а недостатокъ усилій побороть ее“ — слова изъ которыхъ наше современное общество можетъ многому поучиться. И эта возвышенность стремленій, эта оцѣнка достоинства человѣческой жизни оправдываютъ домогательство Аѳинами первенства между греческими государствами. Если бы Периклъ пользовался языкомъ современныхъ дипломатовъ, онъ сказалъ бы, что миссія Аѳинъ въ томъ, чтобъ показать возможно достижимый примѣръ цивилизованной общины. И по этому онъ приглашаетъ Аѳинянъ мужественно стоять за дорогой имъ городъ и рѣвновать къ славѣ ихъ отцевъ и ихъ собственнымъ подвигамъ, зная что слава ихъ будетъ сохранена не хвалебными пѣснями поэтовъ, которыя могутъ быть дурны или преувеличены, но прочными отмѣтками ихъ подвиговъ въ исторіи. На этой части

рѣчи мы можемъ теперь остановиться; но позволительно надѣяться, что каждый англичанинъ, прочтя это, ощутитъ нѣчто болѣе, чѣмъ симпатію космополита къ людямъ, которые освободили Элладу отъ непобѣдимой армады персидскаго деспота и разносили имя и славу Аѳинъ всюду, куда плыли ихъ корабли. Это представленіе государства было такимъ образомъ живой дѣйствительностью для Аѳинянъ, среди которыхъ родился и жилъ Сократъ. И вспоминая многіе предметы его неутомимыхъ вопросовъ и рѣчей, мы найдемъ, что этотъ предметъ представлялъ немалый интересъ для его слушателей. Тѣмъ не менѣе, мы не можемъ съ увѣренностью сказать, что онъ много распространялся о немъ. Мы можемъ только предположить, на основаніи словъ Платона, что онъ сказалъ болѣе объ этомъ предметѣ, чѣмъ намъ сообщаетъ Ксенофонтъ. Ксенофонтъ передалъ только то, что самъ могъ понять, и, вѣроятно, мы никогда не узнаемъ, что потеряли мы благодаря Ксенофонту, человѣку очень ограниченному, человѣку, который унизился до того, что сталъ на половину Лакедемонянином (худшее что можно про него сказать) и забылъ аттическое письмо. Какая бы ни была причина, но мы находимъ у него только скудныя начатки политической науки въ разговорахъ Сократа. Про то мѣсто, гдѣ Сократъ призываетъ къ повиновенію существующимъ законамъ, сравнивая гражданина, нарушающаго законы, потому что они могутъ измѣниться, съ солдатомъ, который бѣжитъ съ поля сраженія, потому что можетъ быть миръ,—можно сказать, что оно содержитъ [1]) ученіе о гражданской вѣрности. Мы находимъ также въ общихъ чертахъ классификацію формъ правленія [2]). Встрѣчающіяся названія таковы: княжество, тираны, аристократія, плутократія и демократія. Термины монархія и олигархія здѣсь не попадаются, а появляются въ *Политикѣ* Платона. Платонъ же первый разработалъ ту теорію, слег-

[1]) Xen Mem. 10, 4, 14.
[2]) Op Cit ib 6, 12.

ка затронутую Сократомъ, что управленіе есть особое искусство и какъ всякія другія искусства плодотворно только въ рукахъ компетентныхъ лицъ[3]). Это составляетъ часть ученія Сократа „что всякаго рода превосходство, включая и нравственную добродѣтель, аналогично превосходству въ спеціальныхъ искусствахъ, которое, какъ всякому извѣстно, пріобрѣтается путемъ соотвѣтственнаго ученія и не можетъ быть пріобрѣтено иначе“. Повидимому, Сократъ давалъ примѣненіе своему ученію, практически увѣщевая обладающихъ политическою властью относиться къ ней серьезно. Платонъ же развилъ его до фантастическихъ, имъ самимъ признанныхъ неосуществимыми, требованій для правительства абсолютнаго и въ совершенствѣ мудраго деспота, который, не будучи связанъ неизмѣняемыми общими правилами, можетъ дѣлать то, что подходитъ къ каждому данному случаю. Разработанное имъ устройство идеальной республики въ его *Республикѣ* проводитъ подобные принципы. Однимъ словомъ, въ дѣйствительныхъ условіяхъ жизни политическія привиллегіи не могутъ постоянно совпадать съ политическою компетентностью, хотя бы и можно было найти непогрѣшимо компетентнаго судью: и единственное примѣненіе положенія, выставленнаго Сократомъ, можетъ быть въ усиліи содѣйствовать тому, чтобы лица, долженствующія обладать политическою властью, не были ея лишены. Я полагаю, что „Республику“ Платона нужно разсматривать, какъ блестящее упражненіе въ философскихъ мечтаніяхъ, а не какъ вкладъ въ политическую науку. Послѣднее произведеніе Платона „Законы“ представляютъ нѣчто вродѣ компромиса между идеями „Республики“ и условіями практической политики. Но и въ этомъ онъ не имѣлъ успѣха. Возбудивъ критику Аристотеля, оно не играло никакой роли въ развитіи систематическаго мышленія въ вопросахъ политики. Кромѣ того, совсѣмъ не слишкомъ смѣло сказать, что у Платона никогда не было теоріи

---

[3]) Op. Cit. ib 6, 12.

государственнаго устройства. Въ „Политикѣ“ онъ старается опредѣлить характеръ идеала государственнаго человѣка и только намекаетъ на дѣйствительныя и практически возможныя формы правленія. Лучше всего было бы управляться однимъ вполнѣ мудрымъ правителемъ, свободнымъ отъ какихъ бы то ни было законовъ, но хуже всего быть въ рукахъ правителя, не обладающаго мудростью и не сдерживаемаго законами. Такъ какъ мудраго правителя, о которомъ мечтаетъ философъ, едва ли найдешь, пока свѣтъ не измѣнится; то до тѣхъ поръ управленіе строго опредѣленными законами и признается хотя довольно хлопотливой и непріятной вещью, но всетаки болѣе сносною, чѣмъ тиранія,—это единственный выборъ. Въ „Республикѣ“ Платонъ снова обращается къ характеру индивидуальнаго человѣка и его свойствамъ. Какъ это свойственно греку и какъ это дѣлалъ и Периклъ, онъ признаетъ сильную зависимость этого отъ типа и учрежденій государства, гражданиномъ котораго является данный человѣкъ. Каждая личность для Платона есть городъ въ миніатюрѣ; и чтобы опредѣлить понятіе о справедливости,—задача, съ которой онъ начиналъ діалоги своей Республики, и къ разрѣшенію чего сводится все содержаніе ихъ, — онъ возводитъ человѣка въ государство. Чтобъ создать понятіе о совершеннѣйшемъ гражданинѣ, Платону приходится создавать идеальное государство. Эта точка зрѣнія оставляетъ значительный слѣдъ и на трудахъ Аристотеля, въ трактатѣ котораго о политикѣ, въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ, теорія воспитанія занимаетъ восьмую часть всего труда. Это не соразмѣрно по современнымъ понятіямъ, ибо отводитъ субъекту слишкомъ много мѣста для случайнаго разсужденія, и слишкомъ мало для монографіи. Какъ бы ни было, но лучше имѣтьтеорію воспитанія гражданина, хотя и въ несовсѣмъ подходящемъ для этого трактата мѣстѣ, чѣмъ совсѣмъ не имѣть никакой, чего мы были лишены вплоть до недавняго времени, съ тѣхъ поръ, какъ традиціи возрожденія превратились въ грубую рутину.

Аристотель избралъ иной и совершенно новый путь. Съ самаго начала онъ дѣлаетъ значительный шагъ впередъ, отдѣливъ этику отъ политики. Не только этого нѣтъ въ сочиненіяхъ Платона, но даже наоборотъ: въ Республикѣ напр. человѣкъ разсматривается, какъ микрополисъ, а государство, какъ гражданинъ. Другой и едва ли менѣе важный пунктъ представляетъ методъ Аристотеля въ обращеніи съ политическими фактами и задачами. Не теряя изъ виду идеальнаго устройства государства, какимъ оно должно быть, онъ старается изложить исторію естественнаго развитія существующаго государства. Онъ начинаетъ не съ идеала, но съ современныхъ условій существованія человѣческаго общества и образованія государства. Онъ вполнѣ и тщательно изучаетъ существующій строй греческихъ городовъ и собираетъ массу свѣдѣній и матеріаловъ, которые къ несчастью большею частью затерялись [1]). Мы тѣмъ болѣе сожалѣемъ объ этой потерѣ, что знаемъ, какъ аккуратенъ былъ Аристотель и болѣе довѣряемъ ему, чѣмъ кому-либо изъ его предшественниковъ и преемниковъ. Правда, мы не встрѣчаемъ у него яркаго блеска воображенія и красотъ языка Платона, но за то имѣемъ точное наблюденіе надъ людьми и вещами и основательное практическое сужденіе, что даетъ намъ твердую почву и обезпечиваетъ дальнѣйшее развитіе. Воздушный шаръ очень хорошая вещь, если вамъ не нужно отправляться въ опредѣленное мѣсто; ѣзда—вещь обычная и подчасъ непріятная, но благодаря ей вы достигаете безошибочно своей цѣли. Платонъ—это человѣкъ въ шарѣ, направляющійся къ новой невѣдомой странѣ, который отъ времени до времени улавливаетъ сквозь туманъ ея очертанія, Аристотель — работникъ-колонистъ, который идетъ и прокладываетъ дороги. Чѣмъ болѣе разсматриваешь его произведенія, тѣмъ болѣе цѣнишь его здравый смыслъ, его умѣнье разсмотрѣть и поставить во-

---

[1]) Недавно найденное „Государственное устройство Аѳинъ“ составляетъ единственное исключеніе.

просъ самымъ лучшимъ образомъ, какой только возможенъ былъ для него при данныхъ условіяхъ, и его правдивость въ отношеніи къ читателю.

Если онъ не видитъ пути къ критическому анализу или не старается тамъ и сямъ его употреблять, а основывается на данныхъ, доставляемыхъ обыденнымъ языкомъ и мнѣніемъ, онъ всегда открыто говоритъ, что онъ это такъ именно дѣлаетъ. Онъ всегда точно знаетъ, за что онъ берется, и работаетъ съ заботливой внимательностью къ частностямъ. Его практическая точка зрѣнія рѣдко ошибочна *).

Даже тѣ пункты произведенія Аристотеля, которые такъ затасканы постоянными ссылками и намеками на нихъ, что мы склонны теперь считать ихъ общими мѣстами, даже они оказываются ни излишними, ни общими мѣстами; доказательствомъ тому служатъ ошибки ученыхъ людей, понимавшихъ ихъ однако не такъ, какъ должно.

Такія достоинства больше всего проявляются въ общемъ вступленіи, составляющемъ первую книгу Аристотелевой „Политики“. По своему обыкновенію, онъ безъ всякихъ предисловій приступаетъ къ аналитическо-

*) Привожу первый попавшійся примѣръ. По *Eth. Nic.*, кн. 8 (хотя эта книга и не принадлежитъ самому Аристотелю, но сущность ея взята у него) вредъ, который одно лицо можетъ нанести другому раздѣляется на четыре степени: *ατοχημα* или вредъ по несчастной случайности, *ἁμάρτημα* или вредъ отъ небрежности, при чемъ онъ могъ быть предвидѣнъ заранѣе, (*οταύ μη παραλόγως*); *ἀδίκημα* или зло, нанесенное сознательно, но не преднамѣренно и наконецъ *ἀδικία* или *μοχθηρία*, гдѣ зло нанесено съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. Если только эти свѣдѣнія, почерпнутыя мною изъ лекцій покойнаго Копа, которому я обязанъ своимъ знакомствомъ съ „Политикою“,—приведены мною безошибочно, то, по мнѣнію Копа, это раздѣленіе очень продумано. Оно, какъ и вся классификація, такъ близко подходитъ къ традиціи, принятой правомъ современныхъ цивилизованныхъ странъ, что принимая во вниманіе первобытное состояніе общественнаго права во время Аристотеля, мы должны болѣе удивляться ему, чѣмъ критиковать его. Быть можетъ, я долженъ упомянуть, что обработывая этотъ этюдъ, я не имѣлъ возможности пользоваться „Политикою“ въ изданіи Ньюмана, появившемся нѣсколько лѣтъ спустя.

му изслѣдованію. Государство—община, а всякая община существуетъ для блага своихъ членовъ (потому что каждое человѣческое дѣйствіе имѣетъ цѣлью достиженіе чего-нибудь, считающагося благомъ). Государство есть такая община, которая имѣетъ своею цѣлью благо въ самомъ общирномъ смыслѣ этого слова. Государство, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ людей, отличается отъ домохозяйства и семьи лишь количествомъ членовъ. Мы убѣдимся въ этомъ, разсматривая его элементы. Во-первыхъ, человѣкъ не можетъ жить въ одиночествѣ; соединеніе двухъ половъ необходимо для продолженія жизни, а система правленія и повиновенія для безопасности жизни. Такимъ образомъ отношеніе мужа и жены, хозяина и слуги, опредѣляютъ домохозяйство. Домохозяйство, соединяясь вмѣстѣ, образуютъ сельскую общину или племя. Правленіе старѣйшаго мущины въ семьѣ есть первоначальный типъ монархіи. Такъ государство является общиною высшаго порядка, единицами которой являются сельскія общины или племена. Оно образовалось для обезпеченія безопасности жизни, а продолжаетъ существовать для ея улучшенія.

Отсюда слѣдуетъ,—и въ этомъ первое главное положеніе Аристотеля, — что государство не есть продуктъ какого бы то ни было договора, а естественное и необходимое завершеніе того процесса, ступенью котораго является семья. Семья и сельская община не независимы и не довлѣютъ сами себѣ въ государствѣ. Мы ищемъ обезпеченія общественнаго житья. Государство есть учрежденіе естественное въ двоякомъ смыслѣ: во 1-хъ оно предписывается человѣку общими и постоянными условіями его жизни, какъ единственная жизненная форма, въ которой онъ можетъ наиболѣе выполнить то, на что онъ способенъ. Человѣкъ рожденъ быть гражданиномъ, *Ἄνθρωπος φύσει πολιτικὸν ζῶον*. Во всей греческой литературѣ трудно найти фразу, болѣе заслуживающую войти въ пословицу, чѣмъ эта. Она повидимому, очень проста, но это одна изъ тѣхъ истинъ, которыя кажутся намъ тѣмъ содержательнѣе, чѣмъ болѣе

увеличиваются наши познанія. Аналогичное встрѣчается даже въ точныхъ наукахъ. Вся важность третьяго Ньютонова закона о движеніи, какъ она была сознана и объяснена имъ самимъ, ускользнула отъ вліянія его современниковъ; ученые представители науки не понимали всего значенія этого закона, пока развитіе современнаго ученія объ энергіи не бросило на него новый свѣтъ, и Ньютоновъ законъ, въ собственныхъ же Ньютоновыхъ выраженіяхъ, былъ возстановленъ лордомъ Кельвиномъ и профессоромъ Тэтомъ и занялъ подобающее мѣсто, — во главѣ математической физики. Мы можемъ съ увѣренностью ждать, что наши дѣти найдутъ гораздо болѣе мудрости и свѣта въ сочиненіяхъ Дарвина, чѣмъ мы сами. Точно также и въ философіи мы слышимъ, что въ Германіи возвращеніе къ Канту стало всеобщимъ лозунгомъ, и самъ профессоръ Максъ Мюллеръ прервалъ свои занятія, чтобы дать Англіи новый переводъ главнаго сочиненія Канта къ сотой годовщинѣ его выхода въ свѣтъ, — работа, значительная даже и для человѣка, неимѣющаго другихъ занятій. Это не значитъ, что философія съ Канта была безплодна, а только то, что цѣлаго вѣка, вѣка крайне замѣчательнаго философской дѣятельностью и интересомъ къ ней, было мало, чтобы понять все величіе Канта. По отношенію къ Аристотелю мы можемъ сказать, что двадцать столѣтій было недостаточно, и что повторялись моменты, когда очень нуженъ былъ умный и здравомыслящій человѣкъ, который пригласилъ бы людей, путающихся въ политическихъ заблужденіяхъ, вернуться къ Аристотелю, — и такого человѣка не оказывалось.

Вышеприведенная аксіома Аристотеля заранѣе противорѣчитъ худшему и распространеннѣйшему изъ современныхъ заблужденій,—теоріи общественнаго договора, которая, при послѣдовательномъ примѣненіи, можетъ повести только къ безумному индивидуализму и полной анархіи. Если бы нашелся человѣкъ, говоритъ Аристотель, дѣйствительно не принадлежащій ни къ

какой общинѣ (но только не оторванный отъ нея какою нибудь политическою случайностью, — Аристотель, очевидно, разумѣетъ изгнаніе, или совершенное паденіе общины случившееся напр., въ его родномъ городѣ), то, что могли бы мы сказать о такомъ человѣкѣ? Онъ долженъ быть или сверхчеловѣкомъ или ниже всякаго презрѣнія; онъ долженъ находиться въ естественномъ состояніи постоянной войны съ рукой поднятой на всѣхъ. Между тѣмъ этотъ *ἄπολις*, этотъ человѣкъ внѣ общины, котораго Аристотель считаетъ за какое-то чудовище—и есть какъ разъ естественный человѣкъ по Гоббсу и Руссо. Это то самое существо, которое теоретики школы общественнаго договора берутъ какъ единицу для основанія государства. Мы хорошо знаемъ, что изъ этого выходитъ. Руссо и его общественный договоръ появились на почвѣ революціонной Франціи и, я думаю, мы теперь имѣемъ полное право по опыту сказать, насколько Аристотель правъ и насколько неправы Руссо и Гоббсъ (предполагая, разумѣется, что Гоббсъ дѣйствительно высказывалъ, что ему приписываютъ). Итакъ, по Аристотелю, государство необходимо и естественно для человѣка; въ отношеніи разумности, оно даже выше отдѣльнаго человѣка, потому что внѣ государства полная и безопасная жизнь невозможна. Поскольку государство состоитъ изъ отдѣльныхъ семей и хозяйствъ, возникаетъ рядъ предварительныхъ вопросовъ, которыя Аристотель включаетъ въ общій терминъ *экономіи* (отъ *οἰκία* домъ, которой является единицей, составляющей *πόλις*); затѣмъ онъ переходитъ къ изученію общества совершенно независимо отъ отдѣльныхъ формъ правленія. Нечего или почти нечего сказать о пресловутой защитѣ Аристотелемъ рабства. Читатель долженъ помнить, что Аристотель оправдываетъ рабство лишь при условіяхъ, значительно болѣе мягкихъ, чѣмъ оно существовало въ то время. Болѣе существенный интересъ возбуждаетъ отдѣль о томъ, что Аристотель называетъ искусствомъ торговли или накопленія богатствъ (*χρηματιστική*),—кото-

рое, по его мнѣнію, не заключается въ общую систему соціальной жизни, а является лишь чѣмъ-то придаточнымъ и вспомогательнымъ. Было-бы преувеличеніемъ называть Аристотеля отцомъ политической экономіи за это случайное разсужденіе, хотя дѣйствительно онъ первый имѣлъ точное понятіе о научномъ значеніи экономическихъ задачъ. Мы встрѣчаемъ у него нѣсколько ясныхъ и вполнѣ здравыхъ замѣчаній относительно обмѣна и конкурренціи. Лордъ Шербрукъ (котораго порицанія изученію древнихъ классиковъ являются лишь amantium irae) цитировалъ ихъ съ громаднымъ эффектомъ въ статьѣ о биметаллизмѣ. Правда, Аристотель ошибается относительно роста на деньги, и его ошибку повторяли впродолженіе многихъ вѣковъ государсвенные люди и моралисты. Наши законы о ростовщичествѣ отмѣнены менѣе одного поколѣнія тому назадъ. Экономія трактуется Аристотелемъ, какъ нѣчто побочное, содѣйствующее общему благоустройству государства и осуществленію желаемаго типа жизни. Новѣйшіе экономисты сочли необходимымъ выдѣлить и разработать ея задачи отдѣльно, какъ будто богатство было само по себѣ цѣлью, предоставляя государственнымъ людямъ воспользоваться достигнутыми ими результатами и привести ихъ въ должное соотношеніе съ болѣе широкими цѣлями и стремленіями общества. Но это создаетъ опасность забыть, что въ жизни есть другія, высшія цѣли и, не останавливаясь на экономическихъ заблужденіяхъ Аристотеля, намъ будетъ полезно поучиться въ этомъ отношеніи у него или, лучше сказать, у грековъ вообще, такъ какъ въ этомъ Аристотель является представителемъ всеобщаго мнѣнія образованнаго греческаго общества его времени.

Прежде чѣмъ пускаться въ подробности, Аристотель расчищаетъ путь критикой болѣе раннихъ политическихъ построеній—Платоновыхъ и другихъ. Хотя легко видѣть, что въ своей „Республикѣ“ Платонъ рисуетъ идеалъ безъ всякой мысли о приложеніи его къ практикѣ, тѣмъ не менѣе, Аристотель критикуетъ его, какъ

будто дѣло идетъ о какомъ-нибудь практическомъ проэктѣ. Но это не вредитъ внутреннему достоинству мнѣній Аристотеля, сохранившихъ свое значеніе и по настоящее время не смотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло столько столѣтій и накопилось много опыта и наблюденій. Не вредятъ и увеличеніе опыта и наблюденій въ прошедшія съ тѣхъ поръ столѣтія. Его полнѣйшее осужденіе коммунизма остается справедливо и въ силѣ и понынѣ, и я не боюсь сказать, что оно теперь даже необходимѣе, чѣмъ когда-нибудь. Никто лучше не выразилъ того, что въ наше время называется магической силой собственности. Къ тому, что принадлежитъ наибольшему количеству лицъ, люди относятся безпечнѣе всего; потому что они больше всего заботятся о своей собственности, и меньше всего объ общественной. Правильно регулируемая частная собственность совмѣщаетъ предполагаемыя выгоды коммунизма съ особаго рода наслажденіемъ. Высшій и единственно вѣрный коммунизмъ въ людскомъ обществѣ есть коммунизмъ пословицы: „У друзей все общее“. Какимъ образомъ поощрять и поддерживать это состояніе великодушнаго дружества, при которомъ человѣкъ готовъ дѣлиться съ другимъ благами жизни,—вотъ высшая соціальная задача, рѣшенія которой коммунисты избѣгаютъ, а истинно государственные люди должны преслѣдовать. „Наслажденіе, получаемое нами отъ какой-либо вещи, значительно увеличивается, если мы чувствуемъ, что эта вещь—наша собственность. И я думаю, что эта привязанность человѣка къ тому, что онъ считаетъ своимъ, вовсе не случайна, а лежитъ въ корнѣ человѣческой природы“ *). Аристотель доказываетъ, что всѣ тѣ сѣтованія, которыя и въ наше время служатъ конькомъ для коммунистовъ, какъ были и въ его время, не имѣютъ необходимаго и дѣйствительнаго отношенія къ существованію частной собственности; и критикуя ихъ, онъ повторяетъ предостереженіе, что нужно разсматривать

*) „Политика“ II, 5, 5—8.

государство не какъ громадную семью или какъ союзъ независимыхъ и подобныхъ другъ другу единицъ, а какъ специфическій организмъ, составленный изъ разнородныхъ частей, работающихъ за одно, причемъ каждый изъ нихъ приспособленъ для своей спеціальной функціи. Также точно онъ смотритъ и на проектъ раздѣленія собственности между гражданами на равныя части, пользовавшійся большою популярностью въ его время. Онъ прямо подходитъ къ корню дѣла своимъ мѣткимъ замѣчаніемъ. Это отлично, говоритъ онъ, строить планы раздѣленія собственности или ограниченія накопленія богатствъ ея въ рукахъ отдѣльныхъ собственниковъ; но если бы предположенія эти дѣйствительно осуществились, то смертность и рождаемость въ теченіи одного поколѣнія измѣнили бы отношенія во взглядахъ гражданъ на собственность и разрушили бы всѣ ваши разсчеты. Вслѣдъ за вопросомъ о собственности неизбѣжно долженъ выступить вопросъ о размножаемости населенія, а какъ вы къ этому отнесетесь? Наконецъ, едва ли можно говорить о равенствѣ, какъ о дѣйствительномъ благѣ; какое же напр., благо равенство во всеобщей бѣдности. Далеко не все было бы сдѣлано даже, если бы можно было опредѣлить разумную и достаточную норму собственности и дать ее каждому; „гораздо важнѣе сдѣлать равномѣрнѣе потребности человѣка“ — Вотъ другое важное и глубокомысленное изреченіе Аристотеля. Еслибъ мы помнили его, то не испытали бы разочарованія во многихъ блестящихъ надеждахъ. Невозможно и несовмѣстимо съ нашими цѣлями разсматривать здѣсь подробнѣе взгляды Аристотеля на идеальное и дѣйствительное государственное устройство. Достаточно сказаннаго, чтобъ составить себѣ общее понятіе объ его критическомъ методѣ.

Еще менѣе можемъ мы заниматься той спеціальной частью труда Аристотеля, гдѣ онъ говоритъ объ учрежденіи образцоваго государства и о различныхъ формахъ правленія. Но объ общей части мы должны сказать нѣсколько словъ. Третья книга „Политики“ занимается

вообще предварительными вопросами. Она устанавливаетъ общую терминологію и классификацію формъ правленія (которая, сказать мимоходомъ, удержана политическою наукою до сихъ поръ) и оканчивается разсужденіемъ о томъ, что мы теперь называемъ теоріей верховной власти. По пути онъ разрѣшаетъ вопросъ, кого слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ гражданина въ полномъ смыслѣ этого слова? Вполнѣ гражданинъ, по Аристотелю, тотъ, кто пользуется правомъ принимать участіе въ законодательствѣ и судебной администраціи. Это поразительно совпадаетъ съ англійскимъ понятіемъ о „законномъ“ правоспособномъ человѣкѣ, и близко подходитъ вообще къ современному пониманію политическихъ вольностей въ конституціонныхъ государствахъ, хотя ни Аристотель, да и никто послѣ него въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, и не думалъ о посредствующей формѣ законодательной власти, въ силу которой граждане пользуются правомъ посылать представителей для образованія законодательнаго собранія. По греческимъ понятіямъ государство опредѣлялось количествомъ гражданъ, имѣвшихъ возможность принимать непосредственное участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Вавилонъ весь былъ окруженъ валомъ,—и все таки онъ не былъ городомъ въ древне-греческомъ смыслѣ; греческій городъ не могъ быть взятъ съ одного конца непріятелемъ (какъ легенда гласитъ о Вавилонѣ), между тѣмъ какъ другой конецъ цѣлыхъ два дня даже и не подозрѣвалъ этомъ *).

Въ чемъ же состоитъ единство государства,—не въ совмѣстномъ ли жительствѣ за одною оградой? Поколѣнія племени живущаго подъ руководительствомъ государства не мѣшаютъ его единству, подобно тому какъ рѣка всегда остается тою же, хотя въ ней постоян-

*) Масса непрерывныхъ построекъ въ графствахъ Мидлессексъ, Сёрри и Кентъ, наконецъ обращающаяся въ оффиціальный Лондонъ и образующая „графство“ въ административномъ смыслѣ, повергла бы въ безпадежное уныніе древняго грека, но въ одномъ онъ могъ быть увѣренъ и правъ,—именно, что это тѣмъ не менѣе *πόλις*.

но одна волна смѣняется другой. Нѣтъ, этого недостаточно, говоритъ Аристотель; какъ трагическій и комическій хоръ не одно и тоже, хотя бы тотъ и другой состоялъ изъ однихъ и тѣхъ же людей. Для государства необходима непрерывность государственнаго строя. Послѣ революціи, измѣнившей типъ правленія, государство не остается тѣмъ же, хотя можетъ и не измѣнять названія. Аристотель, повидимому, совершенно не принимаетъ въ расчетъ международныя отношенія, которыя совершенно перепутались бы при примѣненіи его мѣрки; напримѣръ, всѣ договоры, въ которыхъ Франція принимала участіе, должны были бы постоянно уничтожаться въ теченіе послѣдняго столѣтія. Но даже и много времени послѣ того не составилось никакой теоріи отношеній между самостоятельными государствами. И даже съ чисто естественно — исторической точки зрѣнія Аристотеля можно было бы многое возразить противъ его опредѣленія.

Опредѣливъ, что такое государство и граждане, какъ найдемъ мы однако критерій относительнаго достоинства отдѣльныхъ конституцій? Отвѣтъ ясенъ и простъ. Нормальна и правильна та конституція, которая основана и направляется для общаго блага всѣхъ, будетъ ли власть въ рукахъ одного, немногихъ или многихъ лицъ. Конституція, основанная на исключительныхъ выгодахъ одного класса, составляющаго даже большинство, есть конституція несправедливая и извращенная. Монархія, аристократія и народоправство (*πολιτεία*) суть нормальныя формы государства; ихъ извращеніями являются тиранія, олигархія и демократія: тиранія есть извращеніе монархическаго правленія ради выгодъ монарха во вредъ подданнымъ, олигархія есть правленіе привиллегированнаго класса, эксплоатирующее бѣдныхъ въ пользу богатыхъ; и демократія есть правленіе толпы большинства, несправедливое къ богатымъ въ пользу бѣдныхъ. *Тиранія* всегда, а *олигархія* обыкновенно употребляется и теперь въ дурномъ смыслѣ; что касается до демократіи, то на политическомъ

языкѣ этому слову не придается теперь Аристотелева значенія, потому что его терминъ для нормальнаго состоянія этой формы правленія недостаточно опредѣленъ. Можно было бы обозначать словомъ *республика* хорошее народное правленіе, а словомъ демократія дурное въ смыслѣ Аристотеля; но этого никогда не дѣлается.

Прибавимъ еще нѣсколько словъ о греческихъ государственныхъ идеалахъ для тѣхъ, кто думаетъ, что въ этомъ отношеніи намъ нечему поучиться у грековъ. Гербертъ Спенсеръ приглашаетъ насъ заглянуть въ будущее, въ періодъ окончательнаго просвѣтлѣнія въ политическихъ дѣлахъ, „когда законъ будетъ только поддерживать условія полноты жизни, развивающейся въ обществѣ“. Говоря это, онъ какъ бы утверждаетъ, что прожившіи столько вѣковъ, мы наконецъ достигли точки зрѣнія Аристотеля или даже Перикла. Потому что, по мнѣнію Аристотеля, полнота жизни въ государствѣ есть стремленіе и конечная цѣль правительства. Для этого только и существуетъ государство, и правительство, которое честно не стремится къ этому, не имѣетъ права существовать. Всякія другія стремленія только побочныя. Всѣ иныя цѣли и основанія, приписываемыя государству въ болѣе поздніе эпохи (а Спенсеръ, повидимому, полагаетъ, что они должны быть таковы, каковыми они представляются во мнѣніи большинства) представились бы Аристотелю безсмысленными или ошибочными*). Что касается однако до насъ, то мы должны помнить, что задачи нынѣшней государственной дѣятельности гораздо шире и сложнѣе, чѣмъ встрѣчаемыя у греческихъ политическихъ философовъ. Какъ бы то ни было, граждане, для блага которыхъ, по утвержденію Аристотеля, государство существуетъ, даже въ самой демократической тогдашней общинѣ,

---

*) Юридическое ученіе объ авторитетѣ закона — совершенно другое дѣло. Оно принадлежитъ къ исторіи суверенитета и о немъ мы скажемъ ниже.

были лишь ограниченнымъ привиллегированнымъ классомъ. Они были людьми досуга и образованія; имъ не приходилось жить трудами рукъ своихъ. Создать истиннаго гражданина изъ ремесленника, не пользовавшагося этимъ досугомъ, было по мнѣнію Аристотеля, безнадежной мечтой, и это даже относительно людей, занимавшихся болѣе изысканными ремеслами; что же касается до другой черной работы, то, по мнѣнію Аристотеля, она должна исполняться рабами, которые совершенно исключены изъ сферы политической жизни. Не то, чтобы Аристотель совершенно не заботился о благополучіи низшаго класса свободныхъ людей или даже рабовъ. Онъ заставляетъ государственныхъ людей думать объ ихъ пользѣ и содѣйствовать ихъ счастью въ той мѣрѣ, по скольку что при такомъ положеніи возможно. Но они неспособны извѣдать счастья въ полномъ и истинномъ смыслѣ этого слова. Мы давно упразднили это раздѣленіе и потому приложить идеалъ греческаго государства-города къ нашимъ огромнымъ и разнороднымъ политическимъ организмамъ — чрезвычайно трудно. Если мы и не особенно преуспѣли въ сравненіи съ греками, — за то наша задача больше и цѣль выше. Достойно сожалѣнія, что еще существуютъ и теперь правительства, препятствующія просвѣщенію, правительства, которыя, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать развитію полноты жизни своихъ гражданъ, преднамѣренно мѣшаютъ ему и подавляютъ его въ разныхъ отношеніяхъ, употребляя для этого даже самыя недостойныя средства. Въ этихъ случаяхъ однако виновата не цивилизація, а тѣ гнусныя поддѣлки подъ нея, которыя варварскій законъ пускаетъ въ ходъ. Но съ другой стороны про грековъ съ трудомъ можно сказать, что они сдѣлали серьезный прогрессъ въ управленіи странами, находившимися отъ нихъ въ зависимости. Непрерывный союзъ самостоятельныхъ колоній съ метрополіей во главѣ въ дѣлахъ внѣшней политики — едва ли былъ даже сознанъ ими. Аристотель нашелъ бы много для себя интереснаго въ попыткѣ создать федерацію высшаго порядка, которая

нынѣ близка къ осуществленію; и хотя ни одинъ разумный англичанинъ или американецъ не считаетъ другія цивилизованныя націи ниже, чѣмъ свою, тѣмъ неменѣе онъ могъ бы замѣтить нѣкоторую аналогію съ эллинскими стремленіями его времени въ возрастающемъ идеалѣ англо-саксонскаго братства.

Аристотель былъ въ особенно счастливомъ положеніи для изученія политической жизни. Въ силу обстоятельствъ, ни мало не подрывающихъ его личнаго кредита, онъ могъ не принимать никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ. Онъ разсматривалъ греческій міръ, какъ безпристрастный наблюдатель, и выгоды этого наблюденія увеличивались еще спокойствіемъ, наставшимъ во время македонскаго владычества, когда практическое уничтоженіе греческой независимости не принесло еще плодовъ въ видѣ явнаго упадка политической жизни. Послѣ Аристотеля этотъ упадокъ насталъ быстро и его проявленія были поразительны. Говорятъ, послѣдователи Аристотеля продолжали разработывать теорію политики, но ихъ книги утрачены, и очень немного извѣстно о результатахъ ихъ трудовъ. Въ позднѣйшихъ греческихъ школахъ замѣтенъ застой политическаго мышленія. Древній общественный духъ замѣнился чѣмъ-то въ родѣ космополитическаго равнодушія. На римскихъ завоевателей греческіе риторы смотрѣли такъ же, какъ нынѣшніе брамины смотрятъ на англичанъ, правящихъ въ Индіи,—то есть какъ на господствующихъ варваровъ, посланныхъ рокомъ, но дѣла и учрежденія которыхъ не имѣютъ никакого значенія для философствующаго ума. Исключенія были рѣдки, но я думаю, что вообще ни одинъ греческій авторъ за весь періодъ Римскаго владычества не выказываетъ никакого интереса къ латинской литературѣ и не считаетъ римлянъ въ умственномъ отношеніи равными грекамъ. Какъ бы то ни было философскій интересъ того времени направился въ сторону этики, изучая поведеніе лица не какъ гражданина, а просто какъ человѣка, живущаго между людьми. Во многихъ отношеніяхъ школы

послѣ Аристотеля не только не пошли впередъ, но даже сдѣлали значительный шагъ назадъ. Такъ, въ области политической науки онѣ не прибавили ничего достойнаго вниманія. У Эпикура мы находимъ въ зародышѣ общественный договоръ *), а у стоиковъ только ту плодотворную мысль, что міръ есть нѣчто въ родѣ большой общины, въ которой отдѣльныя государства подобны семьямъ. Эта идея (особенно часто высказываемая Цицерономъ) при другихъ условіяхъ могла бы повести къ уясненію взаимныхъ соотношеній независимыхъ государствъ и, можетъ быть, содѣйствовала бы развитію чего то въ родѣ международнаго права. Но тогда уже не оставалось независимыхъ государствъ; римское могущество поглотило весь цивилизованный міръ, а внѣ его были лишь малоизвѣстныя и болѣе или менѣе варварскія племена и царства. Въ началѣ римскаго періода мы встрѣчаемъ единственнаго грека, занявшагося серьезнымъ изученіемъ римскихъ учрежденій; это былъ Полибій. Его похвалы римскому государственному устройству замѣчательны; они представляютъ въ ясной формѣ конкретныя примѣненія теоріи смѣшанной и уравновѣшенной власти,—которая была такъ въ модѣ у англійскихъ публицистовъ XVIII вѣка и теперь не считается еще устарѣлой у ихъ подражателей на материкѣ Европы.

Римляне были великими правителями и администраторами и создали систематическое право. Но въ философіи они остались простыми учениками и подражателями грековъ и оказались столь же малоизобрѣтательными въ политикѣ, какъ и во всякой другой отрасли знанія. Цицеронъ, писатель и государственный человѣкъ, посвятилъ большую часть своей жизни тому, чтобы сдѣлать латинскій языкъ философскимъ языкомъ. Ему удивительно удалось выразить ходячія идеи греческихъ школъ, особенно стоиковъ, на языкѣ гораздо болѣе привлекательномъ и краснорѣчивомъ, чѣмъ у его

*) *συνβήκη τις ὑπὲρτὸυμὴ βλάπτειν μηδὲ βλάπτεσθαι.*

греческихъ образцовъ эпохи, слѣдовавшей за Аристотелемъ. Чего-нибудь больше этого онъ не пытался сдѣлать и не сдѣлалъ. Насколько я знаю, никто не нашелъ ни одной новой идеи во всѣхъ философскихъ или полуфилософскихъ сочиненіяхъ Цицерона; и тѣ мѣста изъ его „Государства“, которые дошли до насъ въ отрывкахъ, не представляютъ исключенія. По теоріи онъ стоикъ и главной отличительной чертой его труда было довольно полное историческое изслѣдованіе римскаго государственнаго устройства, которое онъ, по примѣру Полибія, восхваляетъ, какъ совмѣщающее выгоды всѣхъ формъ правленія. Даже римское право, истинно великое и оригинальное произведеніе римскаго генія, своей теоретической стороной обязано греческой философіи. Не наше дѣло разбирать здѣсь, какъ много оно ей обязано. Юриспруденція есть только вѣтвь политической науки и вѣтвь столь спеціальная по своей исторіи, что ее неудобно включать въ такой общій очеркъ, какъ нашъ. Но какъ мы уже сказали, сами греки перестали создавать что-либо имѣющее жизненный интересъ. Тяготѣвшая надо всѣми мощь римской имперіи, приравнивая людей всѣхъ племенъ и народовъ подъ общій уровень подданнаго, закончила дѣло, начатое македонской гегемоніей, и вмѣстѣ съ политической независимостью угасло и научное изслѣдованіе въ области политики. Послѣдовалъ многовѣковой сонъ, прерываемый лишь полусознательными средневѣковыми попытками. Встрѣчаются блестящія попытки и замѣчательные предшественники, но серьезный интересъ къ теоріи политической науки воскресъ лишь во времена Возрожденія. Эра этого новаго расцвѣта политическаго мышленія и постепеннаго роста его, повліявшаго такъ на цивилизацію новѣйшей Европы, начинается съ Гоббса и во всякомъ случаѣ не должна быть отнесена ранѣе появленія Макіавелли.

II.

Средніе вѣка и эпоха Возрожденія.

Во времена римской имперіи отсутствіе независимой политической жизни съ одной стороны, а съ другой чрезвычайное развитіе муниципальнаго права и администраціи не оставляли мѣста теоретической политикѣ. Для римскихъ юристовъ было достаточно того, что верховная власть надъ римскимъ міромъ сосредоточивалась въ рукахъ цезаря. Такъ все оставалось до паденія имперіи. На ея развалинахъ мало-по-малу возникъ новый общественный строй, а вслѣдъ за нимъ и новое общественное право. Недоставало все-таки условій для возникновенія политической философіи. Просвѣщенный досугъ, на которомъ воспитывалось греческое мышленіе и который, по мнѣнію Аристотеля, необходимъ даже простому гражданину для сохраненія политической компетенціи, окончательно исчезъ и ждалъ возстановленія. Новыя или по крайней мѣрѣ обновленныя общественныя учрежденія, скрѣплявшія расшатанные устои европейской цивилизаціи, съ натяжкою можно назвать политическими въ собственномъ смыслѣ этого слова. Какъ хорошо замѣтилъ Джемсъ Брайсъ, средніе вѣка были существенно чужды политикѣ. Одинъ только великій вопросъ всплылъ въ XIII и XIV вѣкѣ и привлекъ всю мощь и весь интересъ умовъ того времени къ теоретическимъ обсужденіямъ государственныхъ дѣлъ; это былъ вопросъ о соперничествѣ между свѣтской и духовной властью. Общимъ основаніемъ какъ той, такъ и другой спорящей сторонѣ служило вѣрованіе, что папство и имперія были божественными установленіями и каждое изъ нихъ въ своей сферѣ имѣло неограниченную юрисдикцію надъ христіанскимъ міромъ. Спорнымъ пунктомъ

служили лишь отношенія обѣихъ этихъ юрисдикцій другъ къ другу. Долженъ ли въ крайнемъ случаѣ свѣтскій правитель подчиняться духовному, какъ меньшее свѣтило большему? Или ихъ достоинства были равны и совмѣстимы? Все царствованіе Фридриха II,—замѣчательнѣйшаго человѣка своего времени даже по признанію его враговъ,—было непрерывною войной между императоромъ священной римской имперіи и римскимъ первосвященникомъ. Фридрихъ, пользовавшійся при вступленіи особымъ благоволеніемъ св. Престола, скоро очутился въ открытой враждѣ съ нимъ и умеръ формально отлученный отъ церкви. Есть указанія, что онъ старался не только поддерживать независимость имперіи, но и пытался внести раздоръ въ непріятельскій лагерь. Онъ стремился сдѣлаться верховнымъ главою какъ свѣтской, такъ и духовной власти. Его планы неясны въ подробностяхъ, но главная ихъ цѣль очевидна. Онъ открыто пренебрегалъ рѣшеніями папы, не признавая за нимъ никакого авторитета, и приписывалъ себѣ титулы, исключительно пріуроченные духовному властителю. Онъ звалъ себя,—и побуждалъ своихъ приверженцевъ къ тому же,—намѣстникомъ Бога на землѣ, реформаторомъ своего вѣка, новымъ Иліей, избивающимъ жрецовъ Ваала. Папу же онъ называлъ „фарисеемъ, умащеннымъ елеемъ лжи, возсѣдящимъ на сѣдалищѣ продажнаго суда, лженамѣстникомъ Христа, льстивой змѣею, растлѣвающею міръ изъ зависти къ величію и процвѣтанію имперіи“. Думаютъ, что онъ мечталъ объ основаніи новой церкви, подчиненной императору, центромъ которой должна быть Сицилія *). Нельзя сказать, чтобы государства и народы Европы глядѣли непріязненно на антипапскую политику Фридриха. Но въ самомъ разгарѣ успѣха ей помѣшала почти внезапная смерть императора, внушающая, до сихъ поръ, ко-

*) Huillard - Bréholles. Vie et Correspondance de Pierre de la Vigne. Ученый авторъ проводитъ остроумную параллель между Фридрихомъ II и его министромъ Петромъ Винеа и англійскимъ Генрихомъ VIII и Томасомъ Кромвелемъ.

нечно, разныя подозрѣнія. Память отлученнаго императора была омрачена слухомъ о его чудовищной ереси и богохульствахъ, который римская церковь всегда распускаетъ относительно своихъ враговъ. Пока онъ былъ живъ, клеветамъ этимъ мало довѣряли. Даже св. Людовикъ французскій, образецъ католическихъ королей, не хотѣлъ ихъ слушать. Фридрихъ самъ съ негодованіемъ отвергалъ и отрицалъ ихъ. Но онъ сознательно совершилъ непрощаемое преступленіе, заключивъ дружественный договоръ съ султаномъ Египта, чѣмъ слишкомъ опередилъ политическія идеи его вѣка; а вражда власти, переживающей цѣлыя династіи императоровъ, ничего не забывающей и никогда не прощающей, съ теченіемъ времени сдѣлала свое дѣло. Дантъ почувствовалъ себя обязаннымъ помѣстить Фридриха II въ аду между невѣрующими, хотя всѣ его симпатіи принадлежали этому императору, всю свою жизнь боровшемуся съ римской куріей *).

Распря, которую Фридрихъ II не успѣлъ завершить, стала наслѣдіемъ, которымъ воспользовались средневѣковые діалектики. Явилась значительная литература, среди которой особенно выдаются двѣ книги авторовъ, которые противоположны по взглядамъ, но одинаково безсмертны по славѣ. Притязанія папы защищаются въ трактатѣ „*О правленіи государей*“,—сочиненіи, начатомъ Ѳомою Аквинскимъ, но неоконченномъ и продолженномъ его ученикомъ Птоломеемъ изъ Лукки. Самостоятельность имперіи отстаивается Дантомъ въ его же извѣстной книгѣ *De Monarchia* **).

---

*) Это доказывается словами Петра Винея въ „Аду“ (XIII—64—75).

**) Что касается *De Regimine Principum*, то я держусь мнѣнія Franck'a (*Réformateurs et Publicistes de l'Europe*, Paris, 1864), что двѣ первыхъ книги, внѣ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ св. Ѳомѣ; третья представляетъ позднѣйшее прибавленіе, написанное хотя и непосредственно послѣ смерти св. Ѳомы. Четвертая книга не имѣетъ ничего общаго съ первыми тремя и относится, повидимому, къ эпохѣ Возрожденія.

Нельзя сказать, чтобы эти произведенія развивали полную политическую теорію. Но и въ послѣднемъ отношеніи они представляютъ безсознательную реакцію отъ Аристотеля къ Платону въ способѣ анализа этого предмета. И имперіалистъ, и приверженецъ паиства совершенно пренебрегаютъ распредѣленіемъ власти на раціональныхъ началахъ между различными элементами государства. Оба указываютъ на неограниченную монархію, какъ на единственное средство къ поддержанію мира и проповѣдуютъ вѣру въ Провидѣніе, одаряющее правителя премудростію. *) Дантъ идетъ даже дальше, чѣмъ св. Ѳома. Онъ думаетъ, что монархія есть не только лучшая форма правленія, но что всемірная монархія необходима для благополучія человѣческаго рода. Онъ полагаетъ, что всемірный монархъ не имѣя соперниковъ, которыхъ онъ могъ бы бояться, и не имѣя поводовъ для честолюбія, можетъ только мудро и справедливо управлять миромъ. Монархъ, какъ его понимаетъ Дантъ, есть „рожденный свыше“ государственный человѣкъ *ανηρ βασιλικὸς* Платона, перенесенный съ почвы древне-греческой городской общины на болѣе широкую средневѣковую христіанскую арену. По мнѣнію Данта, истинная свобода для людей возможна только при такихъ условіяхъ правленія и это обусловливаетъ его всемірность. Такимъ образомъ, ученіе Аристотеля о томъ, что достоинство правительства опредѣляется степенью его содѣйствія общему благу, было всецѣло принято Данте.

„Если монархъ исполненъ любви къ людямъ, по причинамъ, указаннымъ выше, онъ будетъ заботиться о благѣ всѣхъ людей, чего не можетъ быть при извращенномъ государственномъ устройствѣ;**) ихъ великій

*) Св. Ѳома не одобряетъ тираноубійства, но думаетъ, что тиранъ—правитель можетъ быть по праву низложенъ, въособенности при избирательной монархіи.

**) „Quod esse non potest apud oblique politizantes“, что имѣетъ соотношеніе съ *παρεκβάσεις* по Аристотелевой классификаціи.

философъ въ своей „Политикѣ“ говоритъ: „Въ республикѣ съ извращеннымъ государственнымъ устройствомъ, добрый человѣкъ является дурнымъ гражданиномъ; но гдѣ государственное устройство основано на справедливости, тамъ термины добрый человѣкъ и добрый гражданинъ могутъ быть употреблены одинъ вмѣсто другого. А цѣль такого правильнаго государственнаго устройства есть свобода, представляющая каждому человѣку возможность жить для своего собственнаго блага. Не граждане существуютъ для блага консуловъ, и не народъ для государя; но наоборотъ консулы существутъ для блага гражданъ и государь для народа. Не республика подчинена законамъ, но законы республикѣ; и люди, поступающіе по законамъ, не дѣлаютъ этимъ услугу законодателю, но онъ дѣлаетъ законами услугу имъ. Таково мнѣніе великаго философа въ трудахъ оставленныхъ имъ по этому вопросу. Изъ этого ясно видно, что хотя консулы или государи въ отношеніи средствъ являются повелителями другихъ; но въ разсужденіи цѣли они являются слугами народа, и величайшій изъ монарховъ можетъ быть по праву названъ слугою всѣхъ“.

Мы не будемъ останавливаться на схоластическихъ аргументахъ въ пользу монархіи, вытекающихъ изъ мысли о внутреннемъ превосходствѣ единовластія надъ многовластіемъ и употребляемыхъ какъ Дантомъ, такъ и св. Ѳомой; точно также мы не можемъ остановиться и подробно показать причины, въ силу которыхъ Данте отождествлялъ своего идеальнаго монарха съ дѣйствительнымъ государемъ, носившимъ въ то время корону обновленной Западной римской имперіи. Тѣмъ не менѣе о нихъ стоитъ сказать нѣсколько словъ, хотя бы для того, чтобы показать, что занимало мѣсто политической науки даже въ лучшихъ умахъ того времени. Едва ли найдется въ литературѣ что-либо любопытнѣе употребленныхъ во второй книгѣ *De Monarchia* доказательствъ того, что римскій народъ предназначенъ Богомъ къ обладанію міромъ. Псалмопѣвецъ,

Аристотель, Цицеронъ, Виргилій и Ѳома Аквинскій цитируются какъ равные авторитеты, согласные между собою въ этой основной мысли. Примѣненія изрѣченія второго псалма къ разсужденію о римскомъ владычествѣ такъ искусны, какъ и обращенія канцлера и придворныхъ къ Фридриху II. Побѣды римлянъ надъ всѣми другими народами земли разсматриваются не какъ простыя завоеванія, а какъ правомѣрные боевые поединки въ спорѣ изъ-за мірового владычества, результатъ котораго должно признавать за судъ Божій *). Но любопытнѣе всего доказывается то, что Римская имперія утверждена наивысшимъ авторитетомъ во время Христовыхъ страстей. Грѣхъ Адама получилъ наказаніе въ лицѣ Христа; но никакого наказанія не можетъ быть внѣ компетентной юрисдикціи; а такъ какъ Христосъ являлся представителемъ всего человѣческаго рода, то единственно компетентной могла быть въ этомъ случаѣ юрисдикція всемірной власти т. е. римской, представителемъ которой явился Пилатъ. Въ третьей и послѣдней книгѣ Дантъ доказываетъ, что авторитетъ Римской имперіи исходитъ непосредственно отъ Бога и никоимъ образомъ не отъ папы или отъ церкви. Его тщательныя опроверженія доказательствъ, приводимыхъ съ папской стороны въ сравненіяхъ солнца съ луной, его разсужденія о приношеніяхъ волхвовъ, о двухъ мечахъ и т. д. кажутся намъ теперь такими же смѣшными, какъ и самые поводы для этихъ доказательствъ.

Но въ произведеніи Данта, хотя и неясно, слышится серьезная попытка—найти твердое основаніе для настоящей системы европейскаго общественнаго права. Монарха онъ считаетъ не всемірнымъ деспотомъ, а пра-

*) „Formalia duelli“, которыя Дантъ считаетъ условіемъ разрѣшенія справедливо начатой и правильно ведомой войны, разумѣется, въ высшей степени неопредѣленны. О разрѣшеніи споровъ посредствомъ боя въ раннія эпохи см. у Фюстель де Куланона *La Monarchie Franque*, стр. 454, у Нельсона *„Trial by Combat“* и Поллока и Майтленда *Hist. Eng. Law*, II, 597, 630.

вителемъ высшаго порядка, поставленнаго надъ государями и правителями отдѣльныхъ народовъ для умиротворенія ихъ; говоря современнымъ языкомъ, онъ представляетъ собою нѣчто вродѣ международнаго судебнаго трибунала. „Гдѣ есть раздоръ, тамъ нуженъ судъ, и поэтому монархъ является судьей въ раздорахъ, возникающихъ между независимыми государями". Желаніе такой власти, повидимому, не ощущалось греческими философами. Дантъ ничего не говоритъ о способахъ осуществленія на практикѣ императорской юрисдикціи или о средствахъ исполненія его приговоровъ. Онъ какъ будто знаетъ, что его идеи слишкомъ далеки отъ осуществленія. Даже теперь мы сдѣлали лишь немного нетвердыхъ шаговъ для осуществленія ихъ. Но идея его была благородна, и мы можемъ приложить къ Данту его же собственныя слова о его учителѣ Вергиліи: Onorate l'altissimo poeta! *).

Вообще, мы можемъ сказать о всѣхъ средневѣковыхъ писателяхъ и о политикахъ то же, что сказали о Платонѣ, но лишь гораздо въ большей степени, а именно что, строго говоря, они совсѣмъ не имѣли теоріи государства. Они стремятся оправдать дѣло папства или имперіи, смотря по обстоятельствамъ, но безпристрастное теоретическое занятіе политикою было свыше ихъ пониманія. Даже у англичанина Брактона (или у того, кто дополнялъ послѣ него его текстъ), хотя и встрѣчаются намеки на конституціонное ученіе, но они такъ жалки, что могутъ лишь показать, какъ его вѣкъ былъ бѣденъ систематической мыслью по такимъ вопросамъ. Онъ отвергаетъ положеніе, что англійскій король — неограниченный властитель. Король находится подъ властью закона, и если онъ попытается противиться закону, вельможи государства, какъ сотоварищи короля въ правленіи, должны ему воспрепятствовать. Но какъ и какою властью они

*) „Воздайте честь великому поэту". „*Адъ*" переводъ Н. Голованова, изд. Байкова и К⁰ 1896 г.

могутъ ему воспрепятствовать, объ этомъ ничего не говорится, какъ не говорится ничего и о томъ, гдѣ высшій государственный авторитетъ, если представителемъ его не является король. Марсилій Падуанскій, писавшій еще раньше, въ XIV столѣтіи *), отчасти возвращается къ методу и результатамъ Аристотеля и выказываетъ знакомство съ его „Политикой", терминологію которой даже заимствуетъ. Онъ защищаетъ большинство тѣми же самыми аргументами, какъ и Аристотель,—считая такое правительство наиболѣе пригоднымъ при несовершенномъ устройствѣ современныхъ общинъ. Конечно, весь народъ въ цѣломъ неспособенъ къ управленію, но за то онъ можетъ судить, хорошо ли или худо онъ управляемъ, подобно тому, какъ не будучи сапожникомъ, можно судить, хороши ли сапоги или плохи. Въ одномъ мѣстѣ есть намеки на представительное правленіе, и во всякомъ случаѣ предположеніе составлять законы черезъ выборныхъ представителей. Кромѣ того Марсилій опредѣленно указываетъ на отдѣленіе исполнительной власти (которую онъ называетъ ея нынѣшнимъ терминомъ) отъ законодательной; даже болѣе, онъ провозглашаетъ совершенное отдѣленіе свѣтской власти отъ духовной, утверждая, что свѣтскіе законы и судьи не должны дѣлать никакого различія между гражданами различныхъ религіозныхъ мнѣній. Ревностный имперіалистъ, Марсилій отрицалъ главенство папскаго престола даже и въ дѣлахъ духовныхъ и, конечно, подвергся отлученію отъ церкви. Полвѣка спустя у него является послѣдователь, съ неменьшей силой и успѣхомъ (хотя болѣе въ галликанскихъ и патріотическихъ, чѣмъ въ имперскихъ, цѣляхъ) продолжающій его дѣло въ извѣстномъ французскомъ діалогѣ, носящемъ названіе *Songe du Verger* или по латыни *Somnium Vi-*

*) Его книга была, кажется, напечатана въ первый разъ въ Базелѣ въ XVI столѣтія (Opus insigne cui titulum fecit autor Defensorem Pacis etc, 1522). Въ каталогѣ Британскаго Музея она значится съ латинизированнымъ именемъ автора *Menandrinus*,— что Бодлей въ своемъ каталогѣ считаетъ ошибкою.

ridarii *). Авторомъ этого сочиненія обыкновенно считается Рауль дю Прель **).

Новая эра въ политической наукѣ, строго говоря, начинается лишь съ Макіавелли. Не то, чтобы онъ внесъ въ теорію этой науки что-либо опредѣленное или прочное, какой-нибудь принципъ, чреватый новыми выводами. Нѣтъ, его сочиненіе болѣе занимается подробностями относительно искусства управленія, чѣмъ анализомъ понятія о государствѣ. Но мы встрѣчаемъ въ немъ, впервые послѣ Аристотеля, чистую и безпристрастную любознательность человѣка науки. Мы находимъ у него раздѣленіе этики отъ политики, которымъ такъ долго пренебрегали; онъ не только возстановилъ это раздѣленіе, но даже положилъ его въ основаніе всего своего разсужденія, доводя его часто до крайности, до очевиднаго парадокса или скандала. Макіавелли совершенно не хочетъ брать въ расчетъ нравственность; онъ утверждаетъ, что государь или народъ долженъ имѣть извѣстныя цѣли; изъ его собственной жизни мы знаемъ, что Макіавелли самъ имъ часто не сочувствовалъ и много отъ нихъ страдалъ. Но онъ относится, какъ къ чисто теоретической задачѣ къ вопросу о томъ, какими средствами италіанскій государь XVI вѣка могъ лучше всего достигать этихъ цѣлей. Съ его точки зрѣнія религія и нравственность не болѣе какъ простыя орудія въ рукахъ правителя,— не наставники, даже невсегда безопасные руководители,

*) Повидимому впервые это сочиненіе появилось по латыни. По французски („Le songe du vergier, qui parle de la disputacion du clerc et du chevalier“) оно было впервые напечатано въ Ліонѣ Жакомъ Малье въ 1491 году. Единственное позднѣйшее изданіе появилось въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ „Traitez des droits et libertès de l'Eglise Gallicane, 1731). По латыни оно напечатано въ Парижѣ въ 1516 году. Діалогическая форма, повидимому, заимствована у Вильяма Оккэмскаго „Disputatio inter clericum et militem super potestate praelatis ecclesiae atque principibus terrarum commissa“.

**) О взаимномъ состоніи обоихъ этихъ авторовъ см. у Franck. стр. 135—151, 219—250. Къ сожалѣнію въ прекрасной книгѣ Франка не достаетъ библіографическихъ указаній.

но просто полезные слуги и агенты. Искусство правленія зависитъ отъ постоянно дѣйствующихъ принциповъ и мотивовъ человѣческаго эгоизма. Подробности его можно почерпать изъ исторіи и опыта. Свѣдѣнія объ отношеніи самого Макіавелли къ его идеямъ и о томъ, какъ составлялся его извѣстнѣйшій (хотя, можетъ быть, далеко не самый важный) трудъ, находимъ мы въ письмѣ къ его другу Франческо Веттори; это письмо не оставляетъ ничего желать въ отношеніи ясности. Оно знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ Макіавелли проводитъ дни внѣ своего дома.

Онъ, смотря по времени года или охотится, или надсматриваетъ за рубкой лѣса, потомъ болтаетъ, бражничаетъ или играетъ въ карты въ придорожной харчевнѣ, ближайшей къ его помѣстью, собираетъ новости и наблюдаетъ характеры. Но истинно счастливое время для него—это вечеръ; тогда онъ сбрасываетъ съ себя грубое и грязное деревенское платье и наряжается какъ прилично государственному человѣку, отправляющемуся въ избранное общество. Это избранное общество составляютъ древніе писатели; онъ проводитъ время, погружаясь въ ихъ исторію, въ ихъ мысли и забывая свою бѣдность и несчастія. „Я написалъ“, разсказываетъ онъ, „трактатъ „De Principatibus“, въ которомъ достигаю величайшей возможной для меня глубины умозрѣнія при обсужденіи этого предмета, разсматриваю сущность верховной власти *), различные виды ея, какъ она достигается, какъ поддерживается и по какимъ причинамъ утрачивается“. Онъ разсматриваетъ свой трактатъ совершенно какъ естественно-историческій этюдъ, какъ изслѣдованіе того, какими средствами деспотическіе государи, (а такихъ въ Италіи было много,—и большихъ и малыхъ) успѣшно или безуспѣшно

*) *Principato* Макіавелли трудно перевести точно; подъ этимъ словомъ онъ разумѣетъ всякаго рода личное правленіе въ противоположность правленію народному (repubblica); это два главныхъ раздѣленія формъ правленія, наиболѣе пригодныхъ, какъ онъ думаетъ, для его цѣлей.

упрочиваютъ свою власть. И въ самомъ дѣлѣ, его книга именно такова. Макіавелли вовсѣ не одобряетъ обмановъ или предательствъ, какъ его въ томъ обвиняютъ. Его собственное общественное поведеніе на государственной службѣ, (а онъ находился на ней много лѣтъ), по скольку оно намъ извѣстно, безупречно во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ только указываетъ, что власть, пріобрѣтенная извѣстными способами, должна и поддерживаться соотвѣтствующими средствами. Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что человѣкъ, жившій между итальянскими политиками, такими, какими они были въ то время и какими онъ ихъ наблюдалъ и описывалъ, смотритъ на отдѣленіе политики отъ нравственности, какъ на непоправимое зло, съ которымъ неизбѣжно приходится мириться. Это не даетъ основанія утверждать, что онъ совсѣмъ не считаетъ это зломъ. Точно также не слѣдуетъ считать пагубнымъ плодомъ его совѣтовъ то обстоятельство, что деспоты и узурпаторы позднѣйшихъ временъ съ успѣхомъ употребляли средства, рекомендованныя имъ, какъ напримѣръ Наполеонъ III. Ни одинъ человѣкъ никогда еще не научился деспотизму изъ книги.

Тѣмъ не менѣе всегда утверждали, что Макіавелли своими политическими сочиненіями преслѣдовалъ какія-нибудь другія цѣли; и много противорѣчивыхъ предположеній было потрачено на разгадку того, каковы именно были эти цѣли. Высказывались самыя разнообразныя сужденія, начиная съ вульгарнаго обвиненія, что Макіавелли былъ циничнымъ совѣтникомъ коварства, и кончая панегириками новѣйшихъ писателей, ставящихъ Макіавелли наряду съ Дантомъ и Мадзини въ числѣ главнѣйшихъ дѣятелей и піонеровъ единства Италіи *). Послѣдняя точка зрѣнія во всякомъ случаѣ ближе къ истинѣ, чѣмъ первая. Хотя и республиканецъ по воспитанію и убѣжденіямъ, Макіавелли тѣмъ не менѣе отчаялся въ возможности возникновенія сильной и

*) Costèro, предисловіе къ „Il Principe“ Миланъ, 1875.

стойкой республики въ Италіи, какою онъ ее зналъ. Настоятельной необходимостью для возстановленія благосостоянія Италіи было изгнаніе чужеземцевъ, французовъ, нѣмцевъ и испанцевъ, разорявшихъ и грабившихъ ее, а это, какъ казалось Макіавелли, могъ сдѣлать только какой-нибудь итальянскій государь, болѣе мудрый, счастливый и болѣе честолюбивый, чѣмъ другіе; ставъ главой Италіи онъ могъ направить ея силы, расходовавшіяся въ междоусобныя войны, на изгнаніе чужеземцевъ. Для такой священной въ глазахъ итальянца цѣли, всѣ средства политики были въ то время хороши, а въ виду возможности достигнуть ее вопросы о муниципальной политикѣ и формахъ внутренняго управленія казались слишкомъ ничтожными. Національное единство и независимость должны быть высшей цѣлью, даже если бы она могла быть достигнута только путемъ военнаго деспотизма. Мы, свидѣтели объединенія Германіи (принимая конечно во вниманіе разницу въ степени цивилизаціи и въ нравахъ) почти тѣми же средствами, какія рекомендуетъ Макіавелли, ни въ какомъ случаѣ не можетъ думать, что его идея была химерой. Нѣтъ сомнѣнія, что она была дѣйствительно руководящей его идеей. Это не только очевидно изъ послѣдней его главы „О Государѣ“, но этимъ только и можно объяснить то, что во всей его книгѣ внутренняя политика подчинена внѣшней. Для Макіавелли, какъ и для Данта, вопросъ объ обезпеченіи политической жизни вообще долженъ быть разрѣшенъ прежде, чѣмъ начать подробно разсматривать, какая форма политической жизни лучше другихъ. Если рѣчь идетъ о томъ, чтобы *γίγνεσθαι τοῦ ζῆν ἕνεκεν*, какъ говоритъ Аристотель, то вопросъ, какъ *εὖ ζῆν* отходитъ на задній планъ. По этому даже Макіавелли со всей его наблюдательностью и практической мудростью стоитъ только у преддверія политической науки. Его ученіе есть теорія охраненія государствъ, а не теорія государственнаго устройства.

Въ трактатѣ Жана Бодена „О республикѣ“ мы впер-

вые находимъ точное опредѣленіе по крайней мѣрѣ одного главнаго пункта новѣйшаго политическаго ученія. Ему вмѣстѣ съ Гоббсомъ принадлежитъ честь основанія современной теоріи государства; и о немъ можно сказать, что ему удалось уловить самый жизненный пунктъ ея въ самое раннее время. Я разумѣю ученіе о верховной политической власти. Въ каждой независимой общинѣ, управляемой по законамъ, должна быть власть, представителемъ которой является или одно лицо или нѣсколько,—власть, отъ которой исходятъ законы. Эта власть, являясь источникомъ законовъ, сама должна быть выше закона,—но не выше долга и нравственной отвѣтственности, какъ заботливо поясняетъ Боденъ, а выше того, что на нынѣшнемъ языкѣ называется положительными законами, которые она создаетъ и предписываетъ. Лицо, или лица, которыя государство облекаетъ такими постоянными полномочіями, какъ бы ихъ ни называли, и являются верховной властью. Верховная власть есть власть надъ гражданами и подданными, не связанная законами. Такая власть необходима для независимаго государства, и ея наличность есть доказательство національной независимости. Таковъ въ общихъ чертахъ принципъ верховной власти, установленный Боденомъ, повторенный вѣкъ спустя Гоббсомъ и принятый всѣми новѣйшими публицистами съ бо̀льшими или меньшими измѣненіями. Въ наше время онъ кажется удивительно простой вещью. Исторія англійской политики и законодательства способствовала особенной его доступности и широкому его усвоенію; англичанамъ и англійскому юристу отчасти трудно представить себѣ, что кто-нибудь когда-нибудь думалъ иначе. Но стоитъ только немного вникнуть, и намъ станетъ очевидно, что это положеніе приняло опредѣленную форму не ранѣе XVI столѣтія. Законное верховенство государства мыслимо только тогда, когда государство пріурочилось уже къ опредѣленной территоріи и создало постоянную организацію. Средневѣковая система Европы нѣ была системою государствъ ни въ нашемъ нынѣшнемъ ни въ

древнегреческомъ смыслѣ. Это было собраніе группъ, связанныхъ во-первыхъ узами личной зависимости и личной вѣрности, личными отношеніями, однородными на всѣхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Вассалъ и сюзеренъ,—отъ императора до мельчайшаго феодальнаго барона,—вотъ звенья той стальной цѣпи, которыя удерживали міръ отъ распаденія въ хаотическую массу разнородныхъ обломковъ. Законы и обычаи, которымъ повиновались правители и народы, лорды и ихъ слуги, совсѣмъ не мыслились, какъ нѣчто зависящее отъ мѣстнаго правительства, придающаго имъ обязательную силу. Римское право по преимуществу считалось имѣющимъ внутренній и абсолютный авторитетъ. Мы замѣчаемъ его вліяніе даже въ Англіи, гдѣ оно оффиціально никогда не было введено. Въ призракѣ Римской имперіи и ея умершихъ учрежденій люди искали того единства въ управленіи, которое отсутствовало въ дѣйствительной жизни. Прежнее единство клана исчезло, и только по мѣрѣ того, какъ строгіе правители сплачивали королевства, новая идея о единствѣ націи медленно и постепенно заняла опустѣвшее мѣсто римской имперіи. Тамъ и сямъ, какъ напримѣръ въ Англіи, которая рано опредѣлилась въ территоріальномъ отношеніи благодаря географическимъ условіямъ, и гдѣ по той же причинѣ набѣги иноземцевъ легко было отбить,—истинно національныя чувства и жизнь рано зародились и быстро развились. Но на континентѣ въ XV вѣкѣ націи еще образовывались; и только въ слѣдующемъ столѣтіи, когда французская монархія почувствовала свою дѣйствительную мощь, мастерскія опредѣленія Бодена выразили собою перемѣну политическаго строя молодой Европы.

Боденъ былъ человѣкъ очень ученый и за однимъ страннымъ исключеніемъ,—онъ ратовалъ противъ колдуновъ,—просвѣщенный по общественной экономіи и по другимъ вопросамъ; его взгляды во многомъ опередили его вѣкъ. Онъ не только пытался примѣнить на практикѣ, но громко признавалъ за необходимѣйшую вещь

основаніе политической теоріи на широкомъ основаніи историческаго наблюденія. Подобно Макіавелли онъ своимъ собственнымъ поведеніемъ являлъ образецъ гражданина, неизмѣнно любящаго свободу и справедливость, и пострадалъ за это. Тѣмъ не менѣе въ ученіи Бодена, какъ ранѣе у Макіавелли и позднѣе у Гоббса, мы замѣчаемъ тенденцію къ возвеличенію абсолютной формы. Онъ не только опредѣляетъ верховную власть, какъ нѣчто стоящее внѣ закона, но какъ источникъ и распорядитель закона, — принадлежитъ ли она одному, нѣсколькимъ, даже многимъ лицамъ, королю, собранію или обоимъ вмѣстѣ, — при чемъ онъ склоненъ отождествлять теоретическую верховную власть съ королемъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ они существуютъ. Относительно его родины это можно было сдѣлать безъ особеннаго труда: но Бодену нужны были иноземные образцы, а Англія, хотя въ ней при Тюдорахъ королевская власть и достигла своего апогея, — причиняетъ ему большія затрудненія. Онъ болѣе Гоббса склоненъ признавать возможность ограниченной монархіи. Императоръ, говоритъ онъ, не является вполнѣ представителемъ верховной власти, потому что ограниченъ приказаніями и предписаніями нѣмецкихъ князей. Можетъ быть, положенія Бодена имѣютъ постоянно въ виду французскую монархію. Безъ сомнѣнія, власть короля въ ней казалась ему, какъ она и была въ дѣйствительности, единственною властью способною управлять Франціею съ достаточнымъ безпристрастіемъ и равенствомъ. Но любопытно, какія границы ставитъ Боденъ, — въ этомъ отношеніи менѣе послѣдовательный, чѣмъ Гоббсъ, — монархической власти, только что провозгласивъ ее неограниченной. Верховная власть, какъ мы видѣли, есть абсолютная власть въ государствѣ, кто бы ни являлся ея носителемъ; слѣдовательно, эта власть не временная, не по уполномочію и не подчиняется никакимъ частнымъ правиламъ, которыя она не могла бы измѣнить, и не отвѣтственна ни передъ какой другой властью на землѣ. „Maiestas nec maiore potestate, nec legibus

ullis, nec tempore definitur... princeps populusque in quibus maiestas inest rationem rerum gestarum nemini praeterquam immortali Deo reddere coguntur“ *).

И такая власть, какъ юридическій и историческій фактъ, принадлежитъ королямъ Франціи. Но это значитъ только, что они не имѣютъ юридическихъ обязанностей въ отношеніи своихъ подданныхъ. Нравственныя же обязанности у нихъ есть или, какъ говоритъ Боденъ языкомъ своего времени, они связаны естественнымъ закономъ „Quod summum in Republica imperium legibus solutum diximus, nihil ad divinas aut naturae leges pertinet“. Такимъ образомъ, абсолютный властитель связанъ законами долга и чести, какъ въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ государямъ, такъ и въ отношеніи къ своимъ подданнымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ связанъ обѣщаніями своихъ предшественниковъ, хотя никакая верховная власть (какъ это замѣтили еще древніе писатели) не можетъ обязать его наслѣдниковъ въ смыслѣ изданія какого-нибудь неизмѣняемаго и постоянно обязательнаго закона. Боденъ довольно подробно доказываетъ и теоретически и историческими примѣрами безполезность попытокъ издавать неизмѣняемые законы. Верховная власть въ правѣ отмѣнять законы и, если существуетъ оговорка, запрещающая отмѣну, то эта оговорка тоже является своего рода закономъ и тоже можетъ быть отмѣнена, такъ какъ верховная власть можетъ и отмѣнить самый законъ и уничтожить все препятствующее такой отмѣнѣ. Если же законодательная власть не въ силахъ сдѣлать этого, то она не есть власть верховная. До сихъ поръ Боденъ стоитъ на твердой почвѣ и вполнѣ согласенъ съ новѣйшей теоріей. Онъ различаетъ законное обязательство въ собственномъ смыслѣ слова отъ обязанностей нравственности и чести съ одной стороны и отъ обяза-

*) Латинскій переводъ сочиненія Бодена, сдѣланный имъ самимъ, полнѣе и точнѣе по языку, чѣмъ французскій текстъ.

тельствъ, созданныхъ путемъ договора съ независимыми властями, съ другой. Онъ сдѣлалъ громадный шагъ на пути яснаго раздѣленія сферы закона отъ этической области въ предѣлахъ политической науки, — что по своему значенію уступаетъ развѣ только раздѣленію Аристотеля политики отъ этики.

Но дальше почва начинаетъ ускользать изъ подъ ногъ Боденъ. Онъ говоритъ намъ объ органическихъ законахъ или правилахъ, которые могутъ быть такъ тѣсно связаны съ той или другой формой верховной власти, что не могутъ быть отмѣнены даже самой этой верховной властью; въ примѣръ этого онъ приводитъ французское престолонаслѣдіе. Кромѣ того существуютъ общественныя учрежденія, какъ напримѣръ, семья и собственность, которыя онъ считаетъ основами государства и которыхъ верховная власть не имѣетъ права касаться *). Изъ неприкосновенности собственности онъ выводитъ заключеніе, что даже самый неограниченный монархъ не можетъ законно облагать своихъ подданныхъ безъ ихъ согласія. Теперь мы бы могли сказать, что это превосходныя политическія правила, но которыя не очерчиваютъ легально верховной власти государства или (употребляя классическій англійскій терминъ для обозначенія этого, по нашей конституціи) всемогущества парламента. Есть вещи, которыя ни одинъ правитель въ здравомъ разсудкѣ не станетъ дѣлать, и очень немногіе или даже никто не потребуетъ, чтобы ихъ дѣлали. Точно также есть многія вещи, на которыя частный человѣкъ имѣетъ право, но которыя онъ не захочетъ дѣлать, если онъ уменъ, или которыя ни одинъ человѣкъ средняго ума не станетъ дѣлать. Но его легальное право этимъ не отрицается. Также и у государства есть нѣкоторыя легальныя права,

*) Боденъ говоритъ, что Аристотель въ своемъ опредѣленіи государства упустилъ семью изъ виду. Такъ какъ Аристотель выводитъ государство изъ семьи и считаетъ семью государственной единицей. то трудно понять, что разумѣлъ Боденъ, высказывая этотъ упрекъ.

которыя никогда не прилагаются на дѣлѣ, и которыя было бы неполитично пускать въ дѣло, по крайней мѣрѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые мы можемъ себѣ представить. Такъ, въ Англіи король безспорно имѣетъ право отвергнуть билль, принятый обѣими палатами парламента, но этого не случалось уже болѣе полутораста лѣтъ, и насколько можно предвидѣть, никогда впредь не случится. Какъ грубое или безразсудное примѣненіе какого-либо юридическаго или политическаго права не превышаетъ правоспособности носителя этого права только потому, что оно грубо и безразсудно, такъ точно какой-нибудь неразумный или нравственно несправедливый актъ верховной власти все-таки остается актомъ верховной власти, несмотря на свою неразумность или безнравственность. Въ этомъ пунктѣ, поэтому, Боденъ несостоятеленъ. Но этому не надо удивляться: рѣдко случается, чтобы глубокій мыслитель, въ главномъ опередившій свое время, вполнѣ законченно разработалъ свои мысли или по крайней мѣрѣ видѣлъ ясно ведущій къ этому путь.

Мнѣнія Бодена относительно подробностей въ большинствѣ случаевъ вполнѣ соотвѣтствуютъ по достоинству его изложенію руководящихъ принциповъ. Онъ безусловно порицаетъ рабство и провозглашаетъ терпимость къ религіознымъ мнѣніямъ. Онъ предупреждаетъ, какъ мы уже видѣли, не только аналитическій методъ Гоббса, но даже и историческій методъ Монтескье своимъ подробнымъ изслѣдованіемъ вліянія климата и географическихъ условій на политическія учрежденія и на образъ правленія. Его сочиненіе получило очень скоро большую извѣстность. Наряду съ латинскимъ переводомъ, сдѣланнымъ самимъ авторомъ, появился въ началѣ XVII вѣка англійскій переводъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Боденъ не только расчистилъ путь Гоббсу и Монтескье, но что оба эти писатели,—рѣзко различаясь другъ отъ друга и методомъ, и способомъ, и цѣлями изложенія и изслѣдованія,—усиленно изучали его и пользовались имъ.

Обращаясь къ Англіи, мы видимъ, что самыя ран-

нія попытки теоретической разработки политическихъ ученій на основаніи изученія англійской конституціи и законовъ, относятся къ XV вѣку. Фортескью, какъ въ своей книгѣ De laudibus legum Angliae, такъ и въ не менѣе извѣстныхъ трактатахъ „О естественныхъ законахъ“ и „Объ англійской монархіи“ *) рисуетъ власть короля не абсолютною. но ограниченною закономъ, „не королевскимъ, а политическимъ“, какъ онъ выражается употребляя терминологію *De Regimine principum* св. Ѳомы Аквинскаго. Король есть глава политическаго тѣла и можетъ поступать только сообразно съ строеніемъ и въ каждомъ случаѣ пользуясь надлежащими органами этого тѣла. Въ общихъ выраженіяхъ высказывается также мысль, что власть короля произошла съ согласія народа. Но далѣе вопросъ о томъ, въ чемъ заключается истинная политическая верховная власть, не изслѣдуется и не предлагается никакой опредѣленной теоріи о происхожденіи правительства. „Утопія“ Томаса Мора заслуживаетъ упоминанія лишь благодаря своей литературной славѣ; и хотя въ ней имѣется не мало открытыхъ и иносказательныхъ тонкихъ критическихъ замѣчаній, случайно набросанныхъ, относительно состоянія англійскаго общества въ первой четверти XVI столѣтія, тѣмъ не менѣе мы не можемъ считать этотъ трудъ большимъ пріобрѣтеніемъ для политической науки. Это платоническія, даже ультраплатоническія мечтанія, возникшія подъ вліемъ Платона и эпохи Возрожденія. Она болѣе Платоновской Республики принадлежитъ къ области поэзіи. У сэра Томаса Смита въ его „De Republica Anglorum“, появившемся въ свѣтъ лишь послѣ смерти автора въ 1583 году, мы встрѣчаемъ нѣчто болѣе достойное предшественника Гоббса. Въ самомъ дѣлѣ, главы о верховной власти до того ясны и

*) „Монархія“ или иначе „Объ управленіи Англіи“ Фортескью издана въ 1885 г. Оксфордскимъ университетомъ съ введеніемъ и многочисленными примѣчаніями Плюммера, обнаруживающими извѣстнаго знатока средневѣковой исторіи и политики.

опредѣленны, что невольно хочется предположить, что ему была извѣстна книга Бодена. Онъ съ самаго начала опредѣляетъ политическое верховенство такъ же точно, какъ и Боденъ. Дойдя до англійскаго государственнаго устройства, онъ первый, насколько мнѣ извѣстно, подтверждаетъ самымъ положительнымъ образомъ всемогущество парламента, какъ бы въ противоположность утвержденіямъ Бодена, что въ Англіи существуетъ абсолютная монархія. „Парламентъ отмѣняетъ прежніе законы, издаетъ новые, распоряжается всѣмъ случившимся и всѣмъ имѣющимъ случиться, измѣняетъ права и владѣнія частныхъ лицъ, узакониваетъ незаконныхъ дѣтей, установляетъ формы религій, измѣняетъ мѣры и вѣсы, опредѣляетъ престолонаслѣдіе, судитъ въ сомнительныхъ случаяхъ, для которыхъ нѣтъ еще точнаго закона. Словомъ, все, что римскій народъ могъ дѣлать посредствомъ своихъ *Centuriatis Comitiis* или *tributis*, то же самое можетъ дѣлать и парламентъ въ Англіи, ибо онъ представляетъ и имѣетъ власть всего народа въ его цѣломъ, „какъ глава и тѣло“. Правда „De Republica“ Бодена напечатано только въ 1577 году, годъ смерти Смита. Но мы знаемъ, что книга Смита была написана въ то время, когда онъ былъ посланникомъ во Франціи, и принявъ во вниманіе, какъ долго книги часто не находили издателя, мы можемъ предположить, что книга Бодена, по крайней мѣрѣ, введеніе къ ней, тогда уже существовала и что многіе были знакомы съ ея содержаніемъ. Даже цѣлый вѣкъ спустя книги ходили долго въ рукописи. Принципы сэра Томаса Смита, откуда бы онъ ихъ ни почерпнулъ, во всякомъ случаѣ имѣютъ то достоинство, что они яснѣе всѣхъ появившихся до этого времени у англійскихъ авторовъ и на англійскомъ языкѣ.

Теперь мы подходимъ къ Гоббсу, съ котораго начинается современная школа политической теоріи. Аристотель установилъ отдѣленіе этики отъ политики. Начиная съ Гоббса, или вѣрнѣе благодаря ему мы обладаемъ дальнѣйшимъ отдѣленіемъ политики отъ за-

кона, — того, что мудро и цѣлесообразно, отъ того, что предусмотрѣно положительнымъ закономъ. Политическая теорія Гоббса высказывается болѣе или менѣе полно во всемъ, что имъ написано, въ особенности же въ его „Левіаѳанѣ“. Этотъ знаменитый и часто осуждаемый трактатъ содержитъ множество всякаго рода интересныхъ ученій, не исключая и богословскихъ эксцентричностей. Но принципы, положенные въ основу Гоббсомъ и имѣвшіе такое серьезное вліяніе на позднѣйшую политическую мысль, могутъ быть сведены къ двумъ. Одинъ изъ нихъ—это принципъ верховенства; другой представляетъ теорію возникновенія общественной власти путемъ договора. Мы уже видѣли, что ученіе о верховной власти было установлено еще въ предыдущемъ вѣкѣ Боденомъ. У него оно остановилось на чистомъ анализѣ факта общественнаго управленія. При каждой формѣ правленія можно найти власть, которая абсолютна и которой подчинены всѣ другія власти, но которая сама ничему не подчинена. Обладаніе такою властью есть верховенство, суверенитетъ, а лицо или собраніе обладающее ею, является ея носителемъ. Гоббсъ въ одномъ отношеніи менѣе смѣлъ и прямолинеенъ, чѣмъ Боденъ. Стараясь обосновать доктрину о суверенитетѣ и лишить совершенно почвы людей, оспаривающихъ авторитетъ государства, онъ вводитъ выдуманное имъ предположеніе объ основаніи государства путемъ первоначальнаго договора между его членами. Этотъ фантастическій договоръ, измѣняясь въ формѣ и подробностяхъ сообразно тѣмъ выводамъ, которыя хотѣлъ основать на немъ каждый отдѣльный авторъ, сталъ повторяться у позднѣйшихъ писателей подъ именемъ *первоначальнаго* или *общественнаго* договора. Если бы насъ спросили, что Гоббсъ этимъ достигъ, мы должны были бы сказать, что онъ отяготилъ свое ясное и опредѣленное ученіе совершенно ненужной фикціей только для того, чтобы построить на ней извѣстные выводы, которые отнюдь изъ нея не вытекали. Но это же можно примѣнить и ко многимъ мыслителямъ всѣхъ

временъ. Тѣмъ не менѣе Гоббсъ благодаря его поразительно точнымъ идеямъ и удивительной ясности доказательствъ и выводовъ вѣрныхъ и ложныхъ, останется первымъ классическимъ писателемъ англійской политической наукп.

Разсмотримъ теперь, какъ Гоббсъ приступаетъ къ изложенію своей теоріи государства. Люди, принимая ихъ въ общемъ, по природѣ равны; ни одинъ изъ нихъ не бываетъ настолько силенъ тѣломъ или разумомъ, чтобы не опасаться остальныхъ, и никто не бываетъ такъ слабъ, чтобы не быть опаснымъ для другихъ. Люди, безъ какой-нибудь общей власти надъ ними, находятся въ состояніи взаимнаго постояннаго страха и вражды, т. е. въ состояніи войны. Такое положеніе дѣлъ было бы невыносимо и при немъ невозможно существованіе ни собственности, ни закона, ни справедливости. Каждый человѣкъ стремится къ своей собственной безопасности и дѣлаетъ все, чтобы добыть ее. Миръ хорошъ, но жизнь еще болѣе необходима, и въ состояніи войны мы вправѣ употреблять всѣ средства для самозащиты.

Единственный путь къ миру состоитъ въ томъ, чтобъ люди постольку отказались отъ своихъ естественныхъ правъ, насколько это необходимо для того, чтобъ жить въ мирѣ. Это можетъ случиться лишь посредствомъ взаимнаго соглашенія; а вѣрное выполненіе такого соглашенія въ видахъ самоохраненія есть разумное правило, или какъ выражается Гоббсъ, „естественный законъ“. Но одного соглашенія жить мирно вмѣстѣ недостаточно. Личныя страсти и честолюбіе отдѣльныхъ членовъ союза скоро нарушили бы его, если бы у общества не было лучшаго основанія. Поэтому, „нужна общая власть, сдерживающая и направляющая поступки каждаго отдѣльнаго лица на общую пользу“. А это можетъ быть лишь тогда, когда каждое отдѣльное лицо откажется отъ своихъ собственныхъ правъ въ пользу лица или корпораціи, которая будетъ съ этихъ поръ облечена этими соединенными правами всѣхъ членовъ общины. Каждый отдѣльный членъ общины даетъ из-

бранному главѣ ея право управлять имъ, но лишь съ условіемъ, чтобы и всѣ другіе члены ея сдѣлали то же самое. Лицо или корпорація облеченная такими полномочіями, является правительствомъ и имѣетъ верховную власть; всѣ же остальные въ отношеніи ихъ являются подданными.

Нелегко рѣшить, принималъ ли Гоббсъ такой способъ основанія государства за дѣйствительный фактъ; я думаю, что онъ сказалъ бы, что для его доказательствъ не представляетъ никакой разницы, было ли это такъ въ дѣйствительности или же нѣтъ; во всякомъ случаѣ онъ хотѣлъ было указать, что тотъ, кто позволяетъ себѣ, отрицая исторію первобытнаго договора, оспаривать его, тотъ не имѣетъ права жить въ обществѣ. Далѣе Гоббсъ выводитъ изъ такого основанія государства атрибуты верховной власти. Власть правительства происходитъ отъ согласія подданныхъ, оно является ихъ агентомъ съ цѣлью направлять ихъ совокупную силу на общее благо, но агентомъ съ неограниченными полномочіями и съ властью, которой его нельзя лишить. Подданные не могутъ измѣнить формы правленія, потому что это было бы нарушеніемъ договора, какъ по отношенію къ правительству, такъ и по отношенію другъ къ другу. Правительство никогда не можетъ лишиться своего права на власть, потому что оно не заключало никакого договора, и поэтому ему нечего нарушать. Тотъ подданный, который возстаетъ противъ института правительства, тѣмъ самымъ перестаетъ быть членомъ общества и оказывается въ первобытномъ состояніи войны, въ которомъ каждый, кто имѣетъ возможность это сдѣлать, можетъ убить его, не нарушая никакого права. Въ силу этихъ основаній правительство неотвѣтственно и ненаказуемо. Никто не можетъ жаловаться на то, что дѣлаетъ его агентъ въ предѣлахъ данныхъ ему полномочій, а въ данномъ случаѣ, на всѣ поступки правительство заранѣе уполномочено всѣми подданными. Лица, имѣющія верховную власть, могутъ творить не-

справедливость, но не беззаконіе. Далѣе, правитель есть единственный судья въ томъ, что необходимо для защиты и безопасности государства, а въ частности въ томъ, какія ученія могутъ быть допущены къ распространенію въ немъ. Правительству же принадлежитъ власть законодательства и суда, объявленіе войны и заключенія мира, назначеніе совѣтниковъ и начальниковъ, награжденіе и наказаніе, распредѣленіе титуловъ и чиновъ, — всѣ эти права нераздѣльны; правительство можетъ передавать ихъ, но не можетъ лишиться ихъ. Гоббсъ совершенно увѣренъ въ томъ, что опредѣляемое имъ правительство не необходимо должно олицетворяться въ одномъ лицѣ, но тѣмъ не менѣе, онъ тщательно старается доказать, что въ Англіи верховная власть принадлежитъ одному королю. Въ главномъ своемъ сочиненіи онъ приводитъ однако мало опредѣленныхъ этому доказательствъ. Онъ говоритъ лишь, какъ до него говорилъ Боденъ, что верховная власть не должна быть раздѣляема, и это кажется ему роковымъ для смѣшанныхъ или ограниченныхъ монархій. Болтовня нѣкоторыхъ адвокатовъ конституціализма кажется ему доказательствомъ, что самый предметъ ихъ защиты не совмѣстимъ съ природой вещей; ему вообще кажется невозможнымъ, чтобы верховной властью было облечено нѣсколько лицъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ одинъ.

Границы верховной власти или вольности подданнаго,— двѣ вещи по Гоббсу равнозначущія,—опредѣляются такими правами каждаго члена государства порознь, которыя онъ не можетъ передать по договору. Такъ напримѣръ никого нельзя заставить убить себя, воздерживаться отъ самоохраненія или обвинять себя, или говоря вообще, обязанности подданныхъ къ правительству простираются настолько, по скольку правительство имѣетъ возможность охранять ихъ. Дальнѣйшія размышленія Гоббса о гражданскихъ законахъ даютъ ему поводъ распространиться болѣе подробно объ отношеніяхъ верховной власти въ государствѣ къ его муни-

ципальному праву. Его опредѣленія и предварительныя объясненія дѣйствительно содержатъ въ себѣ всѣ тѣ положенія, которыя были разработаны лишь въ настоящемъ столѣтіи англійской школой юристовъ: „Законъ вообще не совѣтъ, а приказаніе, не приказаніе перваго попавшагося первому же попавшемуся человѣку, но приказаніе повелителя такому человѣку, который заранѣе обязался повиноваться ему (т. е. своимъ согласіемъ быть его подданнымъ). Что касается законовъ государства, то въ нихъ прибавляется только имя приказывающаго, то есть persona civitatis, правящаго лица. На этомъ основаніи я опредѣляю законы государства такъ: это правила, которыя словомъ, письменами или какимъ-нибудь знакомъ выражаютъ каждому подданному волю его повелителя и которыми онъ долженъ пользоваться, чтобъ отличать справедливое отъ несправедливаго, т. е. отъ противнаго волѣ правителя“.

Поэтому съ юридической точки зрѣнія справедливо то, что дозволяетъ законъ, а не справедливо то, что онъ запрещаетъ, и больше ничего. Понять это есть первое условіе яснаго юридическаго и политическаго пониманія, и великая заслуга Гоббса заключается въ томъ, что онъ выяснилъ это такъ, что никакія недоразумѣнія невозможны. Кто понялъ это опредѣленіе Гоббса, тотъ никогда не можетъ быть введенъ въ заблужденіе вздорными положеніями, будто необязательны государственные законы, противные естественному праву или закону природы. Всѣ такія положенія несправедливы, потому что они смѣшиваютъ нравственныя и политическія основанія положительнаго закона съ его дѣйствительнымъ значеніемъ. Мы всѣ знаемъ изъ практики, что должностныя лица государства не могутъ принимать во вниманіе жалобы на то, что законы, утвержденные верховной государственной властью, по мнѣнію жалующагося, несправедливы, иначе и государство не могло бы существовать. Законамъ должно повиноваться не потому, что они разумны, а потому, что государство ихъ установило. Законы должны быть

въ разумно устроенномъ государствѣ и дѣйствительно являются результатомъ самаго тщательнаго изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ возможныхъ по самой природѣ даннаго случая, и предварительная критика ихъ должна быть допущена, даже желательна; но разъ законъ изданъ — ему нужно повиноваться. Гражданинъ, который противится авторитету государства, тѣмъ самымъ, насколько это въ его власти, разрушаетъ гражданское общество. Вотъ эту то основную истину и выразилъ Гоббсъ въ оригинально искусственной формѣ своего первоначальнаго договора. Вотъ нѣкоторыя слѣдствія, выведенныя Гоббсомъ изъ его опредѣленія государственнаго закона. Во всѣхъ государствахъ правительство есть единственный законодатель и, имѣя власть издавать и отмѣнять законы, оно не подчинено этимъ законамъ. Для практическихъ цѣлей удобнѣе было бы выразить это положеніе такъ, что крайній признакъ верховной власти въ данномъ государствѣ есть ея неограниченная законодательная власть. Если бы Гоббсъ приложилъ свое правило въ этой формѣ къ Англіи, то онъ неизбѣжно пришелъ бы къ тѣмъ же заключеніямъ, какъ и сэръ Томасъ Смитъ. Поэтому сила обычнаго права зависитъ отъ согласія правительства, выражающагося его молчаніемъ; такъ что обычаи перестаютъ быть закономъ, лишь только правительство прерываетъ свое молчаніе относительно нихъ.

Правда, что законъ, какъ говорятъ, не можетъ быть противенъ разуму, но съ той оговоркой, что государство или правительство, олицетворяющее это государство, есть верховный судья того, что разумно. Слѣдующій его выводъ удивитъ читателя, не ожидающаго отъ Гоббса ничего иного, кромѣ правилъ деспотизма; для того, чтобы законъ, какъ приказаніе, обращенное къ подданнымъ, вступилъ въ силу, онъ долженъ быть всенародно объявленъ. Тотъ, кто неспособенъ участвовать въ первоначальномъ договорѣ или понять его слѣдствія, не отвѣтственъ за нарушеніе закона; точно также не отвѣтственны и тѣ, кто не имѣлъ воз-

можности узнать о существованіи такого частнаго закона, если только это произошло не по ихъ собственной небрежности. Мы выше сказали, что различіемъ между законностью и политикой мы обязаны Гоббсу. Обзоръ основныхъ Гоббсовыхъ положеній даетъ намъ возможность видѣть, какъ онъ устанавливалъ это различіе. Гоббсъ опредѣляетъ законную верховную власть и законное обязательство съ удивительной силой и точностью, но затѣмъ онъ старается доказать, что положительный законъ поглощаетъ политику и даже, въ значительной степени, нравственность. Поэтому необходимо было сдѣлать дальнѣйшее раздѣленіе, — но это сдѣлано много времени спустя; въ Англіи этотъ трудъ совершилъ Остенъ, но его сочиненіе такъ загромождено ошибочной и вообще очень плохой нравственной философіей, что философія закона въ немъ совершенно искажена. Можно безъ преувеличенія сказать, что „Элементы юриспруденціи“ профессора Голленда были первымъ чисто научнымъ юридическимъ сочиненіемъ, появившемся въ Англіи,—въ томъ смыслѣ, что въ немъ впервые общая наука о правѣ ясно раздѣлена отъ этической части политики. Гоббсъ въ Англіи дѣйствительно сильно повліялъ на пробужденіе реакціи, но ея вожди, основывались на ошибочной части сочиненія Гоббса. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать ученіе о верховной власти точкой отправленія для свѣжей критики и новыхъ построеній, они старались избѣгать выводовъ Гоббса, выдумывая какой-то особенный родъ первичнаго договора, какъ предполагаемое основаніе общества *).

Задача эта, какъ мы увидимъ, была наконецъ предпринята публицистами XVIII вѣка; общественный договоръ, сдѣлавшійся лозунгомъ, благодаря энтузіазму, возбужденному Руссо, разросся изъ безплодной фикціи до громаднаго и опаснаго обмана народовъ. Мы встрѣ-

*) Толкованіемъ Гоббса, пытался заняться Спиноза въ своемъ неоконченномъ Tractatus Politicus; но въ силу всеобщаго пренебреженія къ философіи Спинозы, продолжавшагося цѣлое столѣтіе послѣ его смерти, эта книга не имѣла никакого вліянія.

чаемся съ проницательными и наблюдательными умами которыхъ эта фикція неудовлетворяла; мы увидимъ, какъ великій французъ Монтескьё положилъ основаніе историческому методу; наконецъ мы ознакомимся съ человѣкомъ, превзошедшимъ Монтескьё, а именно съ англичаниномъ Бёркомъ, который былъ однимъ изъ глубочайшихъ политическихъ мыслителей и вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ всякой вины съ своей стороны, однимъ изъ несчастнѣйшихъ государственныхъ людей.

III.

Осьмнадцатый вѣкъ и общественный договоръ.

Движеніе политической мысли, во главѣ которой стоитъ Локкъ, было результатомъ не только развитія научныхъ идей, но явилось также вслѣдствіе необходимости имѣть теорію для оправданія совершившихся фактовъ. Въ самомъ дѣлѣ, „Опытъ о гражданскомъ правленіи“ Локка есть въ сущности тщательная апологія революціи 1688 года, предпринятая, очевидно, съ цѣлью доказать не только справедливость и необходимость ея въ данномъ частномъ случаѣ, но и при повтореніи ея при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Сторонники Іакова II опирались на мнимо неоспоримыя права короля, проистекающія отъ мнимо божественнаго установленія монархіи. Ученіе объ этомъ божественномъ правѣ съ современной точки зрѣнія не имѣетъ никакой цѣнности. Оно не раціонально, не остроумно и даже не особенно древне. Правда, съ незапамятныхъ временъ королей окружалъ нѣкоторый ореолъ святости, но онъ относился къ сану, а никакъ не къ особѣ, внѣ этого сана. Изъ того, что человѣкъ пользовался нѣкотораго рода священными преимуществами, какъ король, никоимъ образомъ не можетъ вытекать, что, получивъ королевскій санъ, онъ никогда не можетъ его лишиться и что долженъ всегда безусловно удерживать и пользоваться его преимуществами. Понятіе объ этомъ санѣ, какъ о чемъ-то

превышающемъ человѣческую власть и юрисдикцію, появилось только въ томъ же столѣтіи. Какъ ни было оно безсмысленно, тѣмъ не менѣе поддерживаемое почтенными авторитетами, оно укоренилось во многихъ умахъ и стало краеугольнымъ камнемъ, или камнемъ преткновенія, для совѣсти многихъ добрыхъ людей. Вигамъ нужно было противоядіе, и Локкъ нашелъ его въ измѣненномъ толкованіи первоначальнаго договора. Гукеръ до нѣкоторой степени расчистилъ ему дорогу. За долго до его времени Фортескью, а можетъ быть и другіе, представили, хотя и въ смутныхъ чертахъ, англійскую конституцію, какъ нѣкоторый, сознательно обдуманный договоръ первоначальныхъ основателей государства. Въ первой книгѣ трактата Гукера „О законахъ церковнаго управленія“ эта мысль получила болѣе ясное очертаніе; высказанное безъ задней мысли ученіе о естественномъ происхожденіи государства отъ войны, возбуждавшее потомъ столько обвиненій противъ Гоббса, въ дѣйствительности намѣчено у Гукера въ главѣ о состояніи людей внѣ гражданскаго управленія; а происхожденіе правительства въ ясныхъ выраженіяхъ приписывается „сознательному намѣренію, обсужденію и соглашенію между людьми“. Гукеръ прибавляетъ свое собственное мнѣніе, что „нѣтъ ничего невозможнаго даже и по самымъ природнымъ свойствамъ въ томъ, что люди могутъ жить безъ всякой общественной власти“,—фраза, являющаяся какъ-бы сознательнымъ опроверженіемъ положенія Аристотеля, хотя, принявъ во вниманіе то уваженіе, съ какимъ Гукеръ всегда цитируетъ Аристотеля, трудно предположить, чтобъ онъ имѣлъ именно это въ виду. Мы можемъ однако прослѣдить, какъ въ этой, такъ и въ неоконченной восьмой книгѣ зарождающуюся теорію верховной власти,—но только въ самомъ зачаткѣ. Если бы этотъ геніальный человѣкъ, котораго послѣдующее поколѣніе особенно любитъ называть здравомыслящимъ, выработалъ что-нибудь болѣе опредѣленное въ этомъ направленіи, то вѣроятно онъ обратилъ бы больше вниманія на историческія условія англійской поли-

тической жизни и на практически возможныя формы правленія, чѣмъ Гоббсъ съ его смѣлымъ методомъ. Локкъ пытался облечь идеи Гукера, котораго онъ точно цитируетъ, въ болѣе опредѣленную форму. Его опредѣленіе политической власти удивительно пусто и загромождено разными ограниченіями, какъ будто онъ боялся дать орудіе деспотизму. Онъ начинаетъ съ естественнаго состоянія, но онъ представляетъ его себѣ иначе, чѣмъ Гоббсъ. Отличительнымъ признакомъ этого состоянія онъ считаетъ отсутствіе общественнаго суда съ принудительной властью; но люди въ этомъ состояніи не находятся въ абсолютной анархіи. Они покоряются закону разума, который учитъ всѣхъ людей. Они хотятъ только прислушиваться къ его голосу, а такъ какъ всѣ равны и свободны, то никто и не долженъ вредить жизни, свободѣ или имуществу другихъ. Состояніе войны возникаетъ только тогда, когда кто-нибудь, нарушая законы разума, лишаетъ ихъ руководительства, совершая насиліе надъ другими. У Локка есть и необходимый отвѣтъ на вопросъ, какое же право имѣютъ другіе люди противодѣйствовать или даже убить обижающаго. Въ природномъ состояніи каждый въ равной степени обладаетъ исполнительной властью, въ силу законовъ природы. И эта власть даже въ современныхъ обществахъ является единственнымъ оправданіемъ подчиненія иноземцевъ верховной власти того государства, на территоріи котораго они находятся. Здѣсь можно было бы ожидать отъ Локка немедленнаго перехода къ первобытному договору; но онъ слишкомъ для этого остороженъ. Онъ сперва хочетъ по возможности развить частное право и доказываетъ очень искусно, что естественное право собственности предшествовало установленію правительства. Такъ каждый человѣкъ имѣетъ собственность въ лицѣ самого себя *), и это простирается на всѣ тѣ предметы,

*) Противоположное мнѣніе Ульпіана dominus membrorum suorum nemo videtur (D. iy. 2, ad leg Aquil, 13) болѣе принимается современными юристами и философами.

естественное состояніе которыхъ онъ видоизмѣняетъ своимъ трудомъ или, какъ выражается Локкъ, „къ которымъ онъ примѣшиваетъ свой трудъ“. Конфликтъ интересовъ предусмотрѣнъ и, слѣдовательно, предустановленъ законами природы, такъ что право собственности ограничивается способностью пользоваться или, во всякомъ случаѣ, способностью постоянно охранять ее. Послѣ предварительнаго разсужденія объ устройствѣ семьи мы наконецъ доходимъ до политическаго общества, которое описано чрезвычайно неопредѣленно: „Человѣкъ по природѣ имѣетъ власть не только охранять свою собственность, т. е. свою жизнь, свободу и положеніе противъ нарушеній и нападеній другихъ людей, но и судить другихъ, и наказывать ихъ за нарушеніе этого закона (т. е. закона природы). Но никакое политическое общество не можетъ ни существовать, ни развиваться, не имѣя въ самомъ себѣ власти, охраняющей его собственность, и съ этой цѣлью наказывающей нарушеніе, причиняемое какому бы то ни было члену этой общины; тамъ—и только тамъ и есть политическое общество,—гдѣ каждый членъ отказался отъ своей естественной власти и отдалъ ее въ руки общины, что однако не исключаетъ у него права взывать къ покровительству законовъ, установленныхъ ею. Такимъ образомъ, если каждый отдѣльный членъ ея лишенъ права частнаго суда, то община дѣлается посредникомъ между своими членами, произнося судъ на основаніи установленныхъ правилъ безпристрастныхъ и равныхъ для всѣхъ“. Каждый человѣкъ, какъ и у Гоббса, передаетъ свою дѣйствительную власть общинѣ но передаетъ не абсолютно, а для извѣстныхъ опредѣленныхъ цѣлей. Кто присоединяется къ существующему обществу или государству, тотъ дѣлается участникомъ первоначальнаго договора, на основаніи котораго онъ пользуется его выгодами и связанъ всѣми его условіями, какъ будто присутствовалъ и участвовалъ въ первомъ его заключеніи. Локкъ затѣмъ доказываетъ (безъ сомнѣнія, въ противоположность Гоббсу), что неогра-

ниченная монархія вовсе не есть гражданское общество, потому что неограниченный монархъ, не будучи общимъ авторитетнымъ судьею между самимъ собою и своими подданными, находится въ отношеніи ихъ какъ бы въ первобытно естественномъ состояніи. Когда политическое общество образовалось, право большинства является въ силу практической необходимости. Безъ такого права община не можетъ дѣйствовать, какъ нѣчто единое; въ доказательство Локкъ приводитъ обычай дѣйствительной жизни: „Мы видимъ, что въ собраніяхъ, уполномоченныхъ дѣйствовать по имѣющимся положительнымъ законамъ, когда въ уполномочивающемъ ихъ законѣ ничего не говорится о числѣ ихъ членовъ, рѣшеніе большинства принимается за всеобщее рѣшеніе, какъ вполнѣ согласное съ законами природы и разума".

Политическое общество такимъ образомъ, по теоріи Локка, возникаетъ путемъ договора между первоначальными ея членами,—договора, возобновляемаго изъ поколѣнія въ поколѣніе каждымъ гражданиномъ, когда онъ достигаетъ возраста, дѣлающаго его способнымъ избрать подданство.

Если онъ избираетъ, какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ это и бываетъ, жизнь въ томъ же государствѣ, гдѣ онъ выросъ, то этимъ самымъ онъ становится участникомъ конституціи этого государства и признаетъ его верховную власть надъ собой; но верховная власть общества не абсолютна, а ограничивается тѣми идеями, ради которыхъ оно создано. Государство подобно акціонерной компаніи, операціи которой не могутъ выходить за предѣлы тѣхъ цѣлей, для которыхъ она составилась; люди учредили правительство вовсе не для контроля ихъ жизни, но для взаимнаго охраненія жизни, свободы и состоянія. Формы правленія бываютъ и могутъ быть различны, но основные принципы ихъ одни и тѣ же. Законодательная власть есть власть верховная, и всѣ члены государства должны повиноваться ей; но ея авторитетъ не произволенъ. Во-первыхъ, она должна быть направлена на то, на что

она учреждена, то есть на благо подданныхъ; во-вторыхъ, она должна блюсти правосудіе посредствомъ постоянныхъ законовъ и облеченныхъ властью судей, ибо если верховная власть несправедлива и полна произвола, то подданнымъ будетъ хуже, чѣмъ въ первобытномъ естественномъ состояніи; въ-третьихъ, никто не можетъ быть лишенъ какой бы то ни было части его собственности безъ согласія, полученнаго или отъ него лично или отъ его представителей. Локкъ выражается болѣе опредѣленно: „Не должно возвышать налоговъ на народное имущество безъ согласія народа, выраженнаго или непосредственно или чрезъ депутатовъ; въ четвертыхъ, законодатель не можетъ передать свои полномочія какому бы то ни было лицу или какой бы то ни было коллегіи“. Таковы органическія правила правленія, которыя (по скольку можно заключить изъ словъ Локка) не могутъ быть нарушены никакой властью. Какъ ни превосходны эти правила, но мы можемъ теперь сказать, что они скорѣй предписываются политической цѣлесообразностью, чѣмъ ограниченіемъ законной правоспособности власти, издающей самые законы. Локкъ, нужно сказать, ожидаетъ упрековъ въ томъ, что первобытно-естественное состояніе людей есть предположеніе, требующее доказательствъ, а первоначальный договоръ не болѣе какъ фикція. Онъ серьезно старается опровергнуть это возраженіе, но нельзя сказать, что вполнѣ успѣшно. „Первобытное естественное состояніе“, говоритъ онъ, „проявляется въ наше время, какъ нѣчто дѣйствительно существующее въ отношеніяхъ независимыхъ государствъ между собою; что же касается до необходимости очевидныхъ доказательствъ того, что первоначальное состояніе человѣческаго рода было въ общемъ такое, то“ говоритъ онъ, „самая неизвѣстность, окружающая первоначальные договоры, и отсутствіе положительныхъ свѣдѣній о нихъ тѣмъ болѣе даютъ мѣсто наиболѣе вѣроятной гипотезѣ, проливающей свѣтъ на происхожденіе общества“.

Въ силу этихъ положеній, которыя въ нѣкоторыхъ

пунктахъ удивительно напоминаютъ теорію верховной власти Бодена, Локкъ положительно утверждаетъ, что, пока существуетъ правительство, „власть законодательная есть верховная, потому что тотъ, кто можетъ предписывать законы другимъ, долженъ стоять выше ихъ“. Но эта власть не несмѣняема; такъ какъ она ввѣрена для извѣстныхъ цѣлей, то можетъ быть отнята за злоупотребленія. При всякой формѣ правленія, общество удерживаетъ высшую власть самосохраненія,— власть, которая, свергая всѣ существующія учрежденія и не будучи связана, не можетъ проявить себя, пока правительство не будетъ упразднено“. Гоббсъ сказалъ бы, что эта власть, о которой здѣсь идетъ рѣчь, есть просто благовидное названіе для фактической возможности успѣшнаго возстанія, которое повергаетъ общество снова въ первобытное состояніе войны, или для анархіи, которой слѣдуетъ избѣгать во чтобы то ни стало. Локкъ, какъ бы имѣя въ виду такое возраженіе, старается далѣе показать, что низложеніе правительства слѣдуетъ отличать отъ распаденія общества. Гдѣ общество распалось, не можетъ быть никакого правительства; но правительство можетъ мѣняться и быть совершенно низложено, между тѣмъ какъ общество остается невредимымъ. Локкъ, повидимому, предполагаетъ, что первоначальный договоръ имѣлъ двѣ стадіи. Сперва люди согласились жить общиной, затѣмъ уговорились что учрежденіе ихъ частной общины будетъ имѣть ту или другую форму.

Поскольку этотъ договоръ касается учрежденія общины вообще, то онъ неизмѣняемъ и неуничтожаемъ; по скольку же имъ вручается власть извѣстной династіи или собранію, онъ можетъ подвергаться пересмотру, когда коренное измѣненіе требуется для общаго блага. Локкъ иллюстрируетъ свое положеніе гипотетическими повидимому примѣрами, но въ нихъ чрезвычайно прозрачно сквозятъ намеки на англійскую конституцію и революцію 1688 года. Онъ избѣгаетъ ставить опредѣленно вопросъ о томъ, можетъ ли перемѣна

правительства имѣть мѣсто въ предѣлахъ положительнаго закона. Такое умолчаніе тѣмъ болѣе покажется намъ замѣчательнымъ, если мы вспомнимъ, что конвенціонный парламентъ „вполнѣ законно и свободно представляя собою всѣ сословія англійской націи“, выразился относительно этого пункта утвердительно и въ довольно ясныхъ выраженіяхъ. Невозможно, читая внимательно билль о правахъ, не видѣть, что составители его были убѣждены не только въ справедливости, но даже въ строгой законности своихъ поступковъ. Чувствовались только техническія трудности лишь относительно способа низложенія Іакова II. Революція велась, какъ реформа, всегда законнымъ путемъ, даже являясь возстановленіемъ закона, а не уничтоженіемъ законныхъ узъ, сдѣлавшихся невыносимыми. Но у Локка законность всегда поглощается политикой такъ же, какъ у Гоббса наоборотъ законность поглощаетъ политику.

Въ одномъ отношеніи Локкъ, противорѣча Гоббсу, становится на твердую фактическую почву и дѣлаетъ это съ большимъ эффектомъ. Онъ ожидаетъ возраженія, что эта гипотеза (о возможности низложенія политической власти) послужитъ закваской для частыхъ мятежей и отвѣчаетъ: „Нѣтъ, не болѣе чѣмъ всякая другая гипотеза; потому что когда народъ становится несчастенъ, бѣдствуетъ и чувствуетъ себя жертвой злоупотребленій и произвола власти, провозглашайте сколько угодно, что его правители сыны Юпитера, называйте ихъ святыми и божественными, говорите, что они сошли съ неба и получили оттуда свою власть, выдавайте ихъ за что хотите, все равно—случится тоже самое“. Проповѣдь Гоббса о неизмѣнности полномочій верховной власти, или утвержденіе Фильмера, что патріархальный титулъ царей происходитъ отъ Адама, не заставитъ народъ терпѣть правительство, если оно въ самомъ дѣлѣ невыносимо. Конечно и Гоббсъ вѣроятно сказалъ бы тоже самое; но во всякомъ случаѣ въ своемъ Левіаѳанѣ, онъ придавалъ почему-то преувеличенное

значеніе вліянію политическихъ теорій, распространяемыхъ подъ вліяніемъ гражданскаго или церковнаго авторитета. Онъ какъ будто думалъ, что большая часть народа повѣритъ всему, что бы ни говорили имъ ихъ господа, даже когда затронуты ихъ собственные интересы, и что правитель можетъ заставить народъ повѣрить, всему чему угодно, если только онъ позаботится о томъ, чтобъ быть единственнымъ господиномъ народа.

Въ остальномъ колебанія и недомолвки Локка и его послѣдователей могутъ быть отчасти объяснены практическими условіями, при которыхъ имъ приходилось писать. Они не смѣли прямо сказать, что англійскій король не былъ верховной властью въ политическомъ смыслѣ этого слова. Локкъ говоритъ, напримѣръ, что „въ нѣкоторыхъ государствахъ, гдѣ законодательная власть не всегда находится въ наличности, а исполнительная возложена на одно лицо, которое такимъ образомъ имѣетъ нѣкоторое участіе и въ законодательной власти, тамъ это лицо съ нѣкоторой натяжкой можетъ быть названо верховной властью“. Кромѣ этого Локкъ, очевидно, боится опредѣлять слишкомъ ясно. О верховной власти парламента (англійскій парламентъ всегда у него на умѣ, когда онъ говоритъ о законодательной власти), онъ нигдѣ не говоритъ такъ ясно, какъ Томасъ Смитъ за цѣлое столѣтіе до него; о прерогативахъ—онъ опять-таки далеко не такъ точенъ и ясенъ какъ Селденъ. Селденъ, въ какъ здровомыслящій юристъ, не видитъ въ нихъ ничего таинственнаго; прерогативы суть законы, въ частности относящіеся до королевской власти, а въ сущности ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ законовъ; у Локка же мы все еще встрѣчаемъ нѣкоторую тѣнь таинственности. Прерогативы у него—это какой-то туманный и необыкновенный произволъ, ограниченный, какъ и самая законодательная власть, правиломъ, что онъ долженъ быть добросовѣстно употребляемъ для общаго блага.

Поразительная фикція первоначальнаго договора понадобилась Гоббсу въ его Левіаѳанѣ, какъ источникъ

неограниченной власти, а Локку—съ цѣлью, показать, что умѣренное конституціонное правленіе не только оправдывается законами природы, но есть единственный образъ правленія, ими оправдываемый. Впослѣдствіи фикція эта послужила Руссо для цѣлей, которыя Гоббсъ считалъ безуміями анархіи и которыя смутили бы Локка. Какъ указываетъ Морлей, предположенія свои Локкъ защищаетъ со всѣхъ сторонъ практическими предосторожностями отъ возможности стать универсальной догмою. Руссо былъ популярнѣе Локка и догматичнѣе Гоббса, результатомъ чего явилось то, что его „Общественный Договоръ“ сдѣлался самымъ популярнымъ и самымъ роковымъ политическимъ обманомъ *).

„Общественный Договоръ“ Руссо отличается отъ другихъ подобныхъ теорій тѣмъ, что у него онъ служитъ претензіей создать общую и верховную власть, оставляя вмѣстѣ съ тѣмъ каждую договаривающуюся сторону вполнѣ свободной, какъ и прежде, и обязанной повиноваться только самой себѣ. Каждый человѣкъ отдаетъ самого себя и свои личныя права также, какъ и у Гоббса, но не государю, а цѣлому обществу. „Chacun se donnant à tous, ne se donne à personne“. Онъ выражаетъ договоръ такъ: „Каждый изъ насъ отдаетъ свою личность и свои способности въ общую сокровищницу подъ верховное управленіе общей воли, и мы принимаемъ каждаго члена какъ нераздѣльную часть цѣлаго“.

Каждый членъ называется *гражданиномъ*, какъ участ-

*) Тамъ есть, между прочимъ, одно изъ грубѣйшихъ заблужденій по международному праву, горячо поддерживаемое нѣкоторыми государственными людьми и публицистами континента (хотя конечно, вовсе не изъ чистой филантропіи): „La guerre n'est point une relation d'homme à homme, mais une relation d'état à état“. Это приводитъ непосредственно къ чудовищному предположенію, что никто спеціально не уполномоченный на это государствомъ, не имѣетъ права защищать своего собственнаго права отъ насилія нападающихъ; эта фраза употребляется вышеупомянутыми публицистами для доказательства въ этомъ смыслѣ.

никъ въ верховной власти, и *подданнымъ*, въ силу обязанности повиноваться законамъ, издаваемымъ государствомъ. Кто отказывается повиноваться общей волѣ, „того все государство принуждаетъ повиноваться“ или, что тоже, „принуждаетъ его быть свободнымъ“ — зловѣщая фраза. О верховной власти, такимъ образомъ созданной, говорится въ такомъ тонѣ, до котораго далеко и Гоббсу. Она неотъемлема, нераздѣльна и даже непогрѣшима, если только можно получить эту „общую волю“, правильно выраженную. Правительство обязано быть справедливымъ въ смыслѣ нелицепріятія. Законъ опредѣляется признакомъ всеобщности, такъ что выборъ короля или династіи не можетъ быть законодательнымъ актомъ.

Опредѣленіе, по которому Билль о правахъ является частью закономъ, а частью нѣтъ, Актъ о престолонаслѣдіи совсѣмъ не законъ,—такое опредѣленіе, повторяю, въ глазахъ англичанина, изучающаго политическія науки, не имѣетъ никакой цѣны. Цѣль Руссо, повидимому, состоитъ въ томъ, чтобы примирить принимаемыя имъ слова Гоббса, что ни одинъ законъ не можетъ быть несправедливъ, съ его собственнымъ опредѣленіемъ справедливости, требуемой отъ правительства. Далѣе, ни одна власть въ государствѣ не можетъ быть верховной. Законодатель не есть верховная власть, а только органъ и слуга общины, обладающей высшимъ авторитетомъ. Правительство не есть верховная власть, а лишь посредникъ между общиной въ ея цѣломъ и отдѣльными ея членами, какъ подданными. Какъ правитель не можетъ быть законодателемъ, такъ и законодатель не можетъ непосредственно управлять. Но всѣ правительства стремятся захватить верховную власть въ свои руки, — раньше или позже правитель и захватываетъ ее, причемъ и основной договоръ общества нарушается. Это неизбѣжный врожденный недугъ всѣхъ государствъ, отъ котораго въ концѣ концовъ они погибаютъ. Политическое тѣло, какъ и тѣло физіологическое, носитъ въ себѣ зародышъ смерти съ момента своего рожденія.

Руссо самъ видитъ, что осуществленіе верховной власти, согласно его опредѣленію, невозможно; какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, народъ обладающій верховной властью, можетъ сойтись вмѣстѣ? Онъ отвѣчаетъ, что нынѣшнія государства въ большинствѣ случаевъ черезчуръ велики, онъ желалъ бы возстановить древніе независимые греческіе города или нѣчто подобное. Если собранъ весь народъ, каждый гражданинъ въ равной степени является магистратомъ,—и все правительство на лицо.

Представительное правительство, гдѣ оно существуетъ, только обманъ; депутаты отъ народа не могутъ въ самомъ дѣлѣ являться представителями его власти; они могутъ быть только ограниченными агентами, рѣшенія которыхъ требуютъ утвержденія. Англійская свобода— иллюзія, потому что англійскій народъ — рабъ парламента, созданнаго имъ. Политическое представительство ничѣмъ не лучше феодальныхъ беззаконій. Такимъ образомъ, благодаря трудности выразить дѣйствительно „общую волю“, едвали найдется на землѣ хотя бы одинъ народъ, обладающій законами въ истинномъ смыслѣ. Но какъ же совмѣстить истинное и дѣйствительное верховенство народа съ объемомъ и оборонительными средствами нынѣшнихъ государствъ? Руссо обѣщался подробно заняться этимъ вопросомъ, но не исполнилъ своего обѣщанія ни въ „Общественномъ Договорѣ“, ни въ какомъ-либо другомъ изъ своихъ напечатанныхъ сочиненій *). Повидимому, онъ предполагалъ установить нѣчто вродѣ федеративнаго образа правленія, въ цѣляхъ внѣшней политики. Федеративная конституція Швейцаріи, хотя она въ его время и была очень несовершенна, безъ сомнѣнія, сильно вліяла на него въ этомъ направленіи.

*) Говорятъ, что онъ оставилъ матеріалы по этому поводу, которые были уничтожены изъ политическихъ опасеній. Цензорамъ не слѣдовало бы бояться опубликовать ихъ, такъ какъ трудно что-нибудь прибавить къ тому злу, которое причинилъ онъ своимъ „Общественнымъ Договоромъ“.

Многіе воображаютъ, что общественный договоръ заключаетъ въ себѣ или даже представляетъ собою договоръ между государемъ или правителемъ вообще и народомъ. Руссо формально отвергаетъ это. По его воззрѣніямъ правительство образовалось не путемъ договора, а путемъ заявленія. Предполагаемый договоръ, говоритъ онъ (и это довольно вѣрно, но очень странно слышать изъ его устъ) произошелъ не политическимъ, а естественнымъ путемъ, и не санкціонированъ никакимъ всеобщимъ авторитетомъ. Существуетъ только одинъ договоръ — это первоначальный договоръ при основаніи общества; онъ не оставляетъ мѣста никакому другому договору, потому что черезъ него общество пріобрѣло всѣ права своихъ отдѣльныхъ членовъ. Руссо такъ увѣренъ въ неотъемлемости верховныхъ правъ народа, что онъ даже одобряетъ передачу власти, которую писатели конституціоналисты, подобно Локку, считаютъ крайне опасной; онъ хладнокровно говоритъ о диктаторствѣ.

Въ дни комитета общественной безопасности якобинскіе правители Франціи только прилагали на дѣлѣ его принципы. Оставалась только одна значительная трудность, а именно приложить на дѣлѣ верховныя права народа. Руссо приходилось, подобно другимъ абсолютнымъ теоретикамъ, пояснить, почему несогласный съ обществомъ гражданинъ связанъ волею большинства. Онъ это дѣлаетъ болѣе софистическимъ и болѣе неуклюжимъ образомъ, чѣмъ Локкъ. Локкъ въ самомъ дѣлѣ довольно откровенно указываетъ на практическое удобство.

Таковъ бѣглый очеркъ политической системы Руссо, историческая важность которой опредѣляется ея отвѣтственностью за декларацію правъ человѣка *).

---

*) Полный текстъ этого документа, который большинство историковъ странно игнорируютъ по необъяснимымъ побужденіямъ, находится у Апри Мартена, въ его „Исторіи Франціи съ 1789 года“; впрочемъ, онъ потерялъ свое значеніе для современной французской политической науки, какъ это замѣчаетъ французскій переводчикъ настоящаго сочиненія.

Эта декларація, относящаяся къ самому раннему періоду революціи, представляетъ такую смѣсь законныхъ правъ и политической цѣлесообразности съ широко-вѣщательными банальностями, что производитъ иллюзію болѣе сильную, чѣмъ какой бы то ни было другой политическій документъ. Прирожденная свобода и равноправность всѣхъ людей, общая верховная власть народа и volonté générale, выражаемая положительными законами, все это взято прямо у Руссо. Было бы несправедливо отрицать всякую заслугу этой декларації. 7, 8 и 9 параграфы ея содержать важныя правила законодательства и административной юриспруденціи, безупречно выраженныя. Но поскольку Декларація воплощаетъ политическую теорію, она останется постояннымъ предостереженіемъ для націй и государственныхъ людей—не связывать себя формулами. О первоначальномъ договорѣ между королемъ и народомъ много говорилось въ Весминстерскомъ аббатствѣ при отреченіи Іакова II; но мы счастливо отдѣлались отъ него формулировавши его въ Биллѣ о Правахъ. Принципы 1789 года, какъ иногда называютъ эту Декларацію правъ человѣка, только помѣшали и страшно задержали развитіе политическихъ теорій во Франціи и примѣненіе ихъ на практикѣ.

Когда появился на свѣтъ „Общественный Договоръ“ Руссо, въ Англіи Блакстонъ разбиралъ принципы Локка совершенно въ противоположномъ направленіи. Если мы не будемъ смотрѣть на него глазами его запальчиваго критика Бентама и подойдемъ къ нему безъ предубѣжденія, то увидимъ, что онъ не только вѣренъ своимъ основаніямъ, но и существенно поправляетъ Локка во многихъ пунктахъ *).

---

*) Для насъ теперь легко выяснить себѣ конституціонную теорію Блакстона, но при этомъ нужно имѣть въ виду два обстоятельства: во-первыхъ, что Блакстонъ писалъ, какъ истинный юристъ; а англійская конституція, какова она была въ его время и остается до сихъ поръ, представляетъ безнадежную путаницу

Прежде всего онъ положительно отказывается признавать за историческій фактъ естественное состояніе и, благодаря этому, избѣгаетъ тѣхъ затрудненій, для которыхъ Локкъ изобрѣтаетъ замысловатые, но слабые доводы. „Общество формально началось не съ договора его членовъ“. Блакстонъ считаетъ семью за первобытную общественную единицу и сводитъ первобытный договоръ, продолжая употреблять этотъ терминъ, къ тому факту, что люди соединяются въ общество, потому что иначе не могутъ жить. Въ ученіи о верховной власти опять-таки онъ яснѣе Локка: „Во всѣхъ формахъ правленія есть и должна быть высшая, постоянная, абсолютная и безконтрольная власть, которой присущи jura summa imperii или права верховной власти. И возвращаясь къ теоріи сэра Томаса Смита, онъ утверждаетъ, вопреки Локку, что въ Англіи эта власть принадлежитъ парламенту и что нѣтъ законной возможности противостать ему. „Что дѣлаетъ парламентъ, ни одна власть на землѣ не можетъ уничтожить“. Раздѣленіе положительнаго законодательства отъ политической науки еще далеко не полно, но Блакстонъ ближе къ истинному положенію вещей, чѣмъ Гоббсъ и Локкъ.

Мы разсмотрѣли Руссо и Блакстона внѣ хронологическаго порядка для того, чтобы сопоставить различные взгляды на общественный договоръ. Ученіе это не избѣжало критики въ той странѣ, гдѣ оно возникло. Юмъ, съ большимъ удовольствіемъ, какъ намъ кажется, разоблачилъ это философское заблужденіе, служившее вигамъ почти въ качествѣ Credo, и разрисовалъ его неосновательность такими красками, что ничего больше не оставалось сказать. Но Юмъ могъ только разрушать,

---

въ отношеніи положительнаго закона. Во-вторыхъ, распредѣленіе дѣйствительной политической власти между короной и двумя палатами парламента во времена Блакстона еще не вполнѣ опредѣлилось. Мы теперь говоримъ, что политическая власть, какъ нѣчто отдѣльное отъ законной верховной власти, находится въ рукахъ большинства палаты общинъ. Блакстонъ не только не сказалъ, но и не могъ бы этого сказать.

а не созидать. Онъ ничего не сумѣлъ поставить на мѣсто этой излюбленной фикціи, которая продолжала оставаться въ обиходѣ политической терминологіи, по выраженію Стефена, еще долго спустя послѣ того, какъ ее похоронили. Его собственныя политическія концепціи были бѣдны и чисто механическія, а его идеалъ совершеннаго государства—одна изъ самыхъ нелѣпыхъ и наименѣе привлекательныхъ политическихъ фантазій, когда-либо появлявшихся. Французъ, котораго его соотечественники должны цѣнить, представилъ однако первое противоядіе фантазіямъ Руссо.

Монтескье со всѣми его ошибками и неправильностями является всетаки отцомъ современнаго историческаго изслѣдованія*). Его указанія часто грубы и непродуманы, его выводы поспѣшны, а сужденія несправедливы, но онъ крѣпко держался той великой истины, что серьезную политическую науку нельзя создать на воздухѣ, изъ разсужденій о какихъ-то воображаемыхъ людяхъ, не принадлежащихъ ни къ какой расѣ и ни къ какой странѣ, строя изъ нихъ всевозможныя произвольныя комбинаціи, какъ ребенокъ строитъ замки изъ деревянныхъ кирпичиковъ.

Онъ углубился въ изученіе политическихъ учрежденій, поскольку они принадлежатъ обществамъ опредѣленныхъ историческихъ типовъ и опредѣлены историческими условіями. Англичанамъ можно съ гордостью напомнить, что онъ былъ членъ Королевскаго Общества, которое давно поняло въ лицѣ его, что вопросы политики также, какъ и вопросы физическихъ наукъ могутъ быть изслѣдуемы научными способами, что придаетъ такимъ изслѣдованіямъ истинно научный характеръ. Монтескье имѣлъ въ виду двѣ задачи, которыя были сами по себѣ блестящи и далеко опережали воззрѣнія публицистовъ того времени; онъ пытался построить

*) См. монографію Альберта Сореля „Монтескье“, Парижъ, 1887 года. Великое произведеніе Монтескье появилось въ свѣтъ безъ подписи автора, въ Женевѣ, въ 1748 году и оффиціально дозволено къ обращенію во Франціи только два года спустя.

сравнительную теорію законодательства и государственныхъ учрежденій, приноровленныхъ къ политическимъ требованіямъ различныхъ формъ правленія, и сравнительную теорію политической науки и положительныхъ законовъ, основанную на широкомъ наблюденіи дѣйствительныхъ законодательныхъ системъ въ различныя эпохи и у различныхъ народовъ. Въ первой задачѣ его предшественникомъ въ нѣкоторомъ родѣ былъ Макіавелли, хотя въ области болѣе ограниченной и спеціальной; вторая же задача была совершенно новая. Мы уже сказали, что выполненіе ихъ далеко не соотвѣтствуетъ замыслу; для этого въ то время еще не было достаточно средствъ. О его „Духѣ законовъ“ меньше, чѣмъ о какой-либо книгѣ, можно судить по отдѣльнымъ выдержкамъ и бѣглому обзору; въ ней есть много главъ, которыя могутъ показаться простой болтовней собирателя разсказовъ. Даже и въ своихъ разсужденіяхъ Монтескье не всегда удаченъ. Онъ избѣгъ многихъ иллюзій своего времени, но онъ не могъ избавиться отъ искушенія XVIII вѣка, считать людей разумнѣй, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, онъ часто приписываетъ строго обдуманныя основанія государственной политикѣ разныхъ варварскихъ народовъ, основываясь на болѣе или менѣе вѣрныхъ сообщеніяхъ миссіонеровъ-іезуитовъ и другихъ. Онъ совершенно основательно признавалъ, что обычаи, кажущіеся намъ чудовищными или безумными, не могли возникнуть безъ всякаго основанія. Точно также онъ вѣрно замѣтилъ, что государственныя учрежденія каждаго общества зависятъ отъ его исключительныхъ условій и должны быть изучаемы въ связи съ ними; но, обращая вниманіе на условія, онъ совершенно упускаетъ изъ виду самихъ людей. Онъ не видитъ, что для того, чтобы понять гражданское общество, рѣзко отличающееся отъ нашего, мы должны прежде всего познакомиться съ древними его обычаями, съ нравами и характеромъ его членовъ, а также и со степенью общей культуры, которой они достигли. Словомъ, онъ остановился на открытіи, что учрежденія яв-

ляются дѣломъ расы, какъ и обстоятельствъ*), и сдѣлалъ даже дальнѣйшій шагъ по пути приложенія физіологіи къ политикѣ. Монтескье не столько пренебрегаетъ расовыми особенностями, сколько преувеличиваетъ измѣняющееся вліяніе внѣшнихъ условій. Тѣмъ не менѣе его историческій методъ, какъ онъ ни далекъ отъ совершенства, предохраняетъ его отъ многихъ крупныхъ ошибокъ; напримѣръ, онъ видѣлъ въ истинномъ свѣтѣ государственное устройство Китайской имперіи, о которомъ имѣли превратное понятіе всѣ моралисты XVIII вѣка, не исключая и Вольтера, и исключительно потому, что онъ первый потрудился изучить факты въ ихъ цѣломъ.

Далѣе, замѣчанія Монтескье объ Англіи, которыхъ не мало (хотя часто въ видѣ тщательно скрытыхъ намековъ или предположеній, какъ и у Локка), далеко не свободны отъ ошибокъ; но въ общемъ они представляютъ удивительное пониманіе дѣятельныхъ силъ англійской политики, и даже что еще значительнѣе, англійскаго характера **).

Безполезно много распространяться объ общей ясности и силѣ его ума. Писатель, который въ срединѣ XVIII вѣка поднялъ, хотя и въ формѣ ироніи, вопросъ о международной конвенціи противъ торговли рабами, не нуждается ни въ какой другой рекомендаціи. Онъ встрѣчаетъ съ рѣдкой прямотой старинное возраженіе противъ демократическаго правленія, состоящее въ томъ, что народъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, не компетентенъ въ политикѣ. И не слѣдуетъ, говоритъ Монтескье, ожидать, что онъ будетъ компетентенъ, да это

*) Сорель говоритъ: L'erreur de Montesquieu n'est pas d'avoir recherché l'influence de ces éléments (l'air, le sol, le pays, la race), c'est de n'en avoir considéré d'un seul et de ne l'avoir considéré qu'avec des données très incomplètes.

**) Относительно нѣкоторыхъ пунктовъ англійской внѣшней и колоніальной политики Монтескье, хотя и описываетъ факты, уже существовавшіе, является вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы пророкомъ; „Духъ Законовъ“ книга XIX, гл. 27. Сорель справедливо обращаетъ вниманіе между прочимъ на научную точность этой главы.

и не имѣетъ особеннаго значенія; главная суть въ томъ, чтобъ онъ былъ заинтересованъ ею. Опытъ и разсужденія исправятъ его ошибки. Dans une nation libre, il est très souvent indifferent, que les particuliers raisonnent bien ou mal; il suffit, qu'ils raisonnent; de là sort la liberté, qui garantit des effets de ces mêmes raisonnements".

Монтескье пользовался большой славой на своей родинѣ, но это не имѣло практическаго значенія. Политики революціи только пользовались ошибками Монтескье, преувеличивая ихъ. Онъ былъ гораздо лучше понятъ въ Англіи, гдѣ его прозвали даже духовнымъ отцомъ Блакстона; но это едва ли вѣрно; его сочиненіе, появившееся въ 1748 году, не могло имѣть большаго вліянія на идеи Блакстона, который онъ издалъ формѣ лекцій, читанныхъ въ Оксфордѣ въ 1753 году. Англичанинъ Беркъ испыталъ участь даже худшую, чѣмъ Монтескье; онъ имѣлъ печальное удовольствіе видѣть, какъ его самые мудрые совѣты пренебрегались и какъ это пренебреженіе сопровождалось тѣми грустными послѣдствіями, какія онъ предсказывалъ; и если въ концѣ концовъ онъ попалъ въ милость, то это случилось потому, что его историческія соображенія совпали со слѣпыми страстями тѣхъ, которые раньше отрекались отъ него, какъ отъ ренегата.

Я еще разъ долженъ сказать, что Монтескье такой авторъ, о которомъ трудно дать понять въ немногихъ словахъ, потому что, хотя онъ и старается быть систематичнымъ, онъ слишкомъ увлекается изслѣдованіемъ, и вообще слишкомъ неровенъ, чтобы объ немъ можно было судить по отрывкамъ. Даже сокращенный пересказъ сущности его сочиненія не можетъ дать понятія о его дѣйствительномъ значеніи, потому что достоинство его заключается въ томъ, какъ онъ ставитъ и обсуждаетъ вопросъ, чѣмъ въ самомъ вопросѣ.

Относительно Берка это затрудненіе еще больше; у него масса идей болѣе поучительныхъ, чѣмъ системы другихъ людей, но они такъ причудливо вплетены въ изслѣдованія частныхъ и жизненныхъ вопросовъ, что ихъ чрезвычайно трудно извлечь, чтобъ дать о немъ понятіе; это происходитъ отъ установившагося способа мышленія, представляющаго связную аргументацію. Свѣтъ великой мудрости проявляется во всемъ, что говоритъ Беркъ, но это разсѣянный свѣтъ, фокусъ котораго нигдѣ нельзя опредѣлить, а только намѣтить. Причина этого явленія кроется отчасти въ жизни Берка и условіяхъ его дѣятельности, а отчасти въ самой природѣ его мышленія; мы можемъ почти увѣренно сказать, что онъ ни при какихъ обстоятельствахъ не создалъ бы формальной политической теоріи. Онъ до крайности боялся формализма и никогда не былъ такъ счастливъ, какъ въ то время, когда употреблялъ всю силу самаго блестящаго политическаго мышленія, когда-либо проявлявшагося среди англійскихъ ораторовъ, для доказательства опасности утонченнаго умствованія. Онъ не боялся высказать, что опредѣленія страшатъ его. „Метафизика не можетъ жить безъ опредѣленій, но благоразуміе совѣтуетъ быть осторожнымъ въ опредѣленіяхъ. Онъ объявилъ, что рѣшился быть мудрымъ, насколько это предписано закономъ и необходимостью на практикѣ. Беркъ не только не былъ формальнымъ политическимъ учителемъ, но если бы мы стали искать у него послѣдовательности вообще, то не нашли бы ея. Когда онъ указываетъ на чудовищность уголовныхъ законовъ Ирландіи, то ставитъ крайне низко условное значеніе положительныхъ законовъ; курьезно предвосхищая даже въ буквальныхъ выраженіяхъ величайшаго ученаго новѣйшей исторической школы, Беркъ говоритъ, что „законъ, направленный противъ массы народа, по существу безсмысленъ и не можетъ имѣть силы авторитета, потому что, *при всѣхъ формахъ правленія, истиннымъ законодателемъ является народъ**), и хотя непосредственнымъ орудіемъ законо-

*) Ср. Савиньи: Das Gesetz ist das Organ des Volkrechts.

дательства служитъ одно лицо или нѣсколько, но болѣе глубокимъ и дѣйствительнымъ источникомъ его можетъ быть только согласіе народа, фактическое или предполагаемое, и такое согласіе абсолютно существенно для того, чтобы законъ имѣлъ дѣйствительную силу; но даже цѣлый народъ не имѣетъ права издать законъ, вредный для всей общины". Когда тотъ же самый Беркъ, опровергаетъ декларацію правъ человѣка, онъ, къ удивленію, говоритъ о законной власти совершенно инымъ тономъ. Въ трактатѣ „О законахъ папства" онъ говоритъ, что Гоббсъ произвелъ на свѣтъ чудовищное ученіе, а въ „Размышленіяхъ о французской революціи" мы можемъ уловить отзвукъ Гоббсова ученія, почти въ Гоббсовыхъ же словахъ: „Если гражданское общество есть результатъ договора, то этотъ договоръ является его закономъ, и никто не можетъ требовать какого-нибудь права, несоотвѣтствующаго съ этимъ закономъ". „Для того, чтобы добиться справедливости, человѣкъ отказывается отъ своего права опредѣлять, что справедливо, въ вопросахъ, наиболѣе близко его касающихся. Чтобы обезпечить себѣ свободу, онъ дѣлается подданнымъ, въ надеждѣ такимъ путемъ пользоваться общею свободой". Правительство не имѣетъ ничего общаго съ естественными правами; оно учреждено для того, чтобы удовлетворять нуждамъ людей и укрощать ихъ страсти, что „можетъ быть сдѣлано только внѣшней силой", или, какъ говоритъ Гоббсъ, лишь „общей силой, сдерживающей ихъ въ повиновеніи". Можно на минуту подумать, что Беркъ готовъ здѣсь пасть ницъ предъ Левіаѳаномъ, лишь бы Левіаѳанъ далъ въ его руки мечъ для избіенія якобинцевъ.

Однако-жъ это тотъ же самый Беркъ говоритъ въ обоихъ приведенныхъ нами отрывкахъ, и однимъ и тѣмъ же голосомъ. Его негодованіе противъ притѣсненій протестантовъ въ Ирландіи и якобинскихъ насилій во Франціи имѣетъ одинъ и тотъ же корень. Разсматривая ирландскія дѣла, какъ и англійскія и французскія, онъ постоянно взываетъ къ опыту противъ догма-

тизма. Онъ хочетъ одного, — чтобы руководителемъ политики была не голая буква положительнаго закона, не голые выводы изъ общихъ положеній, а правила равенства и пользы, охраняющія существующія права и вольности и опирающіяся на нихъ. Онъ хочетъ разсматривать политику какъ экспериментальную науку, а не какъ схему апріорныхъ положеній. Однажды его упрекнули въ отступничествѣ отъ его собственныхъ принциповъ. Его „Размышленія о французской революціи“ показались нѣкоторымъ противорѣчащими его прежней общественной жизни. Результатомъ того было „Воззваніе къ новымъ и старымъ вигамъ“, въ которомъ, путемъ критики якобинской общественной теоріи, Беркъ высказываетъ свои убѣжденія полнѣе и точнѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ своихъ сочиненіяхъ.

Насъ, говоритъ онъ, призываютъ во имя верховной власти народа признать вообще за нимъ неограниченное право, даже безъ настоятельной необходимости, измѣнять основные принципы государства. Но что такое народъ? Неопредѣленное количество отдѣльныхъ личностей. Воображаемые участники общественнаго договора не были народомъ, какъ и не могутъ вдругъ стать народомъ по какому-нибудь договору. „Толпа, сосчитанная поголовно, такъ же мало можетъ считаться народомъ послѣ счета, какъ и до него. Общее единство народа искусственно; но ars longa est, поэтому націю легче разрушить, чѣмъ создать. И какъ проявляется верховная власть народа? Волею большинства. Но какую власть имѣетъ большинство связывать своими рѣшеніями всѣхъ остальныхъ? Опять таки, это искусственная власть, даже въ высшей степени искусственная. Во-первыхъ, соединеніе многихъ въ одно составное лицо есть уже фикція; во-вторыхъ, то же фикція, и притомъ въ высшей степени насильственная фикція положительнаго закона — уполномочивать большинство дѣйствовать, какъ одно лицо. И на такихъ-то искусственныхъ концепціяхъ, смѣшивающихъ, по словамъ

Берка, судебные принципы съ гражданскими, французскіе революціонные мыслители хотѣли основать авторитетъ положительнаго закона. Имѣетъ ли большинство право рѣшать, и притомъ, въ какихъ случаяхъ, и какое большинство,—зависитъ отъ договора. Эти люди не имѣютъ права, на основаніи ихъ же собственныхъ принциповъ, пользоваться какою бы то ни было властью въ государствѣ. Если и давность и унаслѣдованіе не даетъ еще права на обладаніе, то ихъ право на территорію, называемую Франціею, такое же какъ и любой орды разбойниковъ и головорѣзовъ. Гражданскаго общества не получится отъ подсчета головъ; оно общественный организмъ, продуктъ общественной дисциплины. А если оно искусственно, то это для него болѣе естественное состояніе, чѣмъ дикій ничѣмъ несдерживаемый образъ жизни, потому что „искусственность въ природѣ человѣка“. Таковы въ сущности комментаріи Берка къ основной аксіомѣ Аристотеля. Человѣкъ родится гражданиномъ; родясь, онъ вступаетъ въ извѣстный уже существующій соціальный строй и связанъ съ этимъ строемъ обязанностями другихъ людей къ нему и своими по отношенію къ нимъ, обязанностями, которыя не установлены и не могутъ быть установлены имъ. Онъ является въ міръ не какъ единица, ни съ чѣмъ несвязанная, и не пріобрѣтаетъ какимъ то договоромъ фантастическаго права на нераздѣльную стотысячную часть невидимой верховной власти всего народа.

Никогда ни одинъ политическій софизмъ не былъ такъ растерзанъ на части и растоптанъ. „Le Contrat Social“ въ могущественныхъ рукахъ Берка обратился въ рухлядь и ветошки, въ грязные клочки грамоты о правахъ человѣка, какъ онъ называетъ его въ другомъ мѣстѣ. Трудно было бы предположить, чтобы такой критикъ самъ впадалъ въ софистику; но и однакожъ онъ не разъ спотыкался. Считая политическую науку въ высшей степени экспериментальной и практической, онъ ухватился за тотъ пунктъ ея, который, по его мнѣ-

нію, нуждался въ наибольшей защитѣ, и раздулъ его, пренебрегая оцѣнкой матеріала и другими сторонами вопроса. Поэтому часто у него встрѣчаются такія возраженія и доводы, которые у другого человѣка мы сочли бы признакомъ ограниченности. Признавал вполнѣ справедливо, что нужно относиться съ уваженіемъ къ преемственной связи настоящаго съ прошлымъ и къ учрежденіямъ, которыя невозможно замѣнить другими, онъ смотрѣлъ на анализъ высшихъ силъ общества какъ на какое-то святотатство. Онъ думалъ, что англійской конституціи грозитъ опасность, если мы признаемъ даже въ теоріи французскіе принципы 1789 года. Гарантія общественнаго спокойства у лицъ, симпатизирующихъ имъ, даже наиболѣе мирныхъ, можетъ основываться лишь на томъ, если они въ лучшемъ случаѣ признаютъ развѣ то, что различіе между ихъ республиканской системой и англійской ограниченной монархіей не стоитъ гражданской войны. А это Беркъ называетъ „самымъ слабымъ и ничтожнымъ охранительнымъ принципомъ, противъ тѣхъ, кто хотѣли бы начать гражданскую войну“. Какъ будто въ этомъ отношеніи любая общественная форма когда-нибудь имѣла другой охранительный принципъ или какъ будто можно выдумать что-нибудь могущественнѣе. Гоббсъ не нашелъ болѣе твердой почвы для своего Левіаѳана. Громадное большинство людей придерживаются прежде установленныхъ учрежденій вовсе не потому, что они восхищаются ими, даже не въ силу какихъ-нибудь пристрастныхъ предразсудковъ въ пользу этихъ учрежденій, а лишь изъ боязни неизвѣстнаго. Они цѣпляются и держутся за все извѣстное, если оно только выносимо въ силу привычки и извѣстности, и если рѣшаются разстаться съ обычнымъ порядкомъ, то только тогда, когда ихъ настоящее положеніе не только несовершенно, но просто невыносимо. Когда же дѣло дойдетъ до этого, то никакая священная давность прежняго порядка и никакія увѣщанія не въ силахъ помочь. Въ 1832 году большинство англійскаго народа

было убѣждено, что разница между непреобразованнымъ и преобразованнымъ парламентомъ стоила гражданской войны; и лишь благодаря тому, что было извѣстно это мнѣніе и готовность общества дѣйствовать въ случаѣ крайности, государство и было спасено. Беркъ не хотѣлъ видѣть этого во французской революціи; вотъ отчего происходятъ его натяжки и односторонность. Онъ не былъ неискренень, а тѣмъ болѣе ограниченъ; его упреки были по большей части вѣрны, если откинуть отъ нихъ реторическія преувеличенія: и то, что онъ предвидѣлъ изъ хода событій, сбывалось удивительно точно. Въ 1789 году и даже позднѣе, многіе добродушные люди и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ мечтали о счастливой и мирной замѣнѣ старой французской монархіи новымъ подобіемъ британской конституціи. Беркъ съ самаго начала предостерегалъ, что этого-то имъ и не суждено будетъ увидѣть; и онъ былъ страшно правъ.

Послѣ Берка въ Англіи стало невозможно примѣнять общественный договоръ — по Руссо или по Локку — къ какой-нибудь практической цѣли. Есть еще одинъ цѣнный вкладъ какъ въ политическую науку, такъ и въ область практической политики, которымъ мы обязаны Берку, — а именно раздѣленіе цѣлесообразности отъ законности. Можетъ быть, въ его сочиненіяхъ и трудно отыскать полное и формальное изложеніе этой мысли, но она сказывается во всѣхъ его рѣчахъ и письмахъ объ американской войнѣ. Англичане отстаивали право парламента облагать податями колонистовъ. Беркъ возражалъ, что каково ни будь отвлеченное право, но они возстаютъ противъ правосудія, приличія и человѣческой природы, и ради какого-то отвлеченнаго права готовы лишить англійскую корону значительныхъ владѣній. Событія къ несчастію наглядно доказали его правоту.

Все-таки Беркъ былъ слишкомъ великъ для своего времени. Онъ указалъ исторіи ея мѣсто въ политической наукѣ, но подобно величайшимъ мыслите-

лямъ въ области чистой философіи онъ не оставилъ послѣ себя учениковъ. Формальное развитіе политической науки въ нашъ вѣкъ ведетъ свое начало не отъ него; въ Англіи оно возникло совершенно другимъ путемъ, а на континентѣ въ силу независимаго импульса, хотя духомъ, а часто и формою, оно болѣе родственно Берку, чѣмъ кому бы то ни было изъ англичанъ.

IV.

Современныя теоріи верховной власти и законодательства.

Мы дошли теперь до начала настоящаго столѣтія, до эпохи, когда развитіе политическихъ ученій приняло такіе размѣры, что немыслимо въ такомъ общемъ очеркѣ, какъ нашъ, разсмотрѣть ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. По этому приходится невольно выбирать между различными отраслями политической науки. Попытаемся въ прилагаемой таблицѣ представить ихъ общій характеръ. Къ первой группѣ мы относимъ древнѣйшую отрасль ея—общую теорію государства и его возможныхъ формъ. Она получила много добавочныхъ опредѣленій въ трудахъ новѣйшихъ авторовъ, въ особенности въ Англіи, гдѣ ученіе о верховной власти подверглось гораздо болѣе всестороннему изслѣдованію и разработкѣ, чѣмъ предполагали его основатели. Ко второй группѣ относится изученіе отдѣльныхъ учрежденій и дѣятельности государства въ виду различныхъ частныхъ цѣлей,—что въ общемъ можетъ быть названо теоріей правленія. Здѣсь, повидимому, самое удобное мѣсто для изслѣдованія вопроса о томъ, что должно находиться въ вѣдѣніи государства и что не должно, — вопросъ, который выражается въ терминахъ и фразахъ, вродѣ „laissez faire“, „границы государственнаго вмѣшательства“ „индивидуальная свобода“. Болѣе техническій отдѣлъ этого предмета занимается государствомъ съ законодательной точки

зрѣнія т. е. другими словами, методомъ, формой и примѣненіемъ положительныхъ законовъ. Это можетъ быть названо теоріей законодательства въ широкомъ смыслѣ, а наука о законодательствѣ въ спеціально юридическомъ значеніи этого слова можетъ быть разсматриваема какъ отпрыскъ ея, хотя этотъ отпрыскъ значительно шире и исторически старше ея. Наконецъ, государство внѣшнихъ отношеніяхъ можетъ разсматриваться съ точки зрѣнія его правъ и обязанностей къ другимъ государствамъ. Систематическое ученіе объ этихъ правахъ и обязанностяхъ дается международнымъ правомъ и спекулятивными теоріями, которыя этимъ занимаются. Такое подраздѣленіе, исключая его послѣдней вѣтви, въ большинствѣ случаевъ является подраздѣленіемъ не самыхъ разсматриваемыхъ предметовъ, а формъ и отношеній, въ которыхъ тѣ же предметы могутъ представляться; кромѣ того, оно не претендуетъ на точный анализъ, который труденъ по самой природѣ предмета. Но оно можетъ дать наглядное представленіе о порядкѣ и разнообразіи современной политической науки.

Государственная наука.	Государственная политика.
A. Теорія государства.	**A. Государство.**
Происхожденіе государства.	
а. Историческое.	Существующія формы правленія.
в. Раціональное.	
Устройство государства.	Конфедераціи и федеративные союзы.
Классификація формъ правленія.	Независимыя государства.
Верховная власть въ политическомъ смыслѣ.	
B. Теорія управленія.	**B. Управленіе.**
Формы государственныхъ учрежденій.	Конституціонное право и его примѣненіе.
Представительное правленіе и министры.	Парламентскія системы.
Исполнительныя учрежденія.	Кабинетъ и отвѣтственность министровъ.

Оборона и порядокъ.	Административныя учрежденія.
Государственный доходъ и налоги.	Армія, флотъ, полиція.
Народное богатство.	Деньги, бюджетъ, торговля.
Область и границы положительныхъ законовъ.	Государственное покровительство и невмѣшательство.

C. Теорія законодательства.	**C. Законы и законодательство.**
Объекты законодательства.	Законодательная процедура (воплощеніе теоріи въ законодательныя формы: memorandum, exposé des motifs и т. д.).
Общій характеръ и раздѣленіе положительнаго права (Философія права и общая юриспруденція).	Юриспруденція отдѣльныхъ государствъ.
Методъ и санкція законовъ.	Суды и ихъ устройство.
Интерпретація и администрація.	Судебные прецеденты и судебная власть.
Языкъ и стиль (Номоноэтика или механика законодательства).	

Д. Теорія государства какъ юридическаго лица.	**Государство, какъ юридическое лицо.**
	Дипломатія, война и миръ.
Отношенія къ другимъ государствамъ и общинамъ.	Договоры.
	Международныя соглашенія о судебномъ преслѣдованіи, торговлѣ, путяхъ сообщенія и т. д.
Международное право.	

Вполнѣ естественно выбрать для болѣе подробнаго знакомства отдѣлы, важные сами по себѣ, наиболѣе привлекавшіе вниманіе англійскихъ писателей и вмѣстѣ съ тѣмъ связаные съ практическими вопросами законодательства и политики. Международное право, нѣсколько иначе отвѣчающее этимъ условіямъ, мы оставимъ въ сторонѣ, какъ предметъ слишкомъ спеціальный, и выберемъ отдѣлъ, касающійся отдѣла верховной власти и ея политическаго значенія, а также и границъ государственнаго вмѣшательства. По этимъ вопросамъ въ англійской литературѣ имѣются хотя и немногочисленныя, но важныя изслѣдованія, и то то, то другое изъ нихъ было не разъ предметомъ горячихъ споровъ современной англійской политики. Кромѣ того, какъ

одному, такъ и другому изъ этихъ вопросовъ было посвящены многочисленныя политическія пренія. Поэтому, вполнѣ удобно разсмотрѣть подробно, что именно сдѣлано англійскими писателями по этимъ двумъ вопросамъ, сдѣлавши по другимъ только самыя общія характеристики различныхъ новѣйшихъ школъ политической теоріи. Безспорно, что тутъ первое мѣсто принадлежитъ Бентаму, который черезъ сто лѣтъ послѣ Гоббса снова занялся теоріей верховной власти и показалъ, что разумное объясненіе ея даетъ немало плодотворныхъ практическихъ послѣдствій. Его *Fragment on Government*,—небольшая книжка, заключающая въ себѣ всѣ его руководящія идеи, появилась въ 1776 г. Въ ней заключены не только всѣ его идеи, но онѣ даже лучше изложены, чѣмъ въ позднѣйшихъ собственныхъ версіяхъ Бентама. Никто болѣе и усидчивѣе Бентама не работалъ въ старости надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать внѣшнюю форму своихъ мыслей по возможности менѣе доступной и болѣе смѣшной для публики. Къ счастію, эти мысли успѣли сдѣлаться теперь общимъ достояніемъ и послѣдніе томы полнаго собранія сочиненій Бентама могутъ покоиться, ни кѣмъ не тревожимые; развѣ какой-нибудь любопытный изслѣдователь безумій великихъ людей будетъ имѣть достаточно терпѣнія просмотрѣть, какое насиліе надъ англійскимъ языкомъ можетъ сдѣлать философъ, обуреваемый маніей изобрѣтательности. *Fragment* представляетъ безпощадную критику вступительной части комментарій Блакстона, находившихся тогда на верху своей первоначальной славы. Бентамъ доведенъ до негодованія тѣмъ тономъ добродушнаго оптимизма, которымъ проникнутъ классическій трактатъ Блакстона. Онъ называетъ Блакстона врагомъ реформъ, оффиціальнымъ защитникомъ злоупотребленій и темныхъ средствъ, а его софистику до того развращенной, что ее можно считать почти преступной. Не мѣсто здѣсь оцѣнивать правоту обѣихъ спорящихъ сторонъ, но всетаки нужно замѣтить, что хотя отвращеніе Бентама пристрастно

и несправедливо въ частностяхъ, но въ общемъ онъ былъ совершенно правъ, нападая на тѣхъ, кто считалъ англійскіе законы, по крайней мѣрѣ какими они были въ 1776 году, идеаломъ разумности, и считая Блакстона выдающимся представителемъ людей, раздѣлявшихъ это мнѣніе. Что касается до достоинствъ Блакстона, какъ толкователя ихъ, то онъ отдаетъ полную справедливость, что онъ—первый изъ всѣхъ изслѣдователей государственныхъ учрежденій ввелъ въ юриспруденцію языкъ „не только ученыхъ, но и джентльменовъ“. Но мы должны перейти къ ученію самого Бентама.

Основаніе новѣйшей англійской теоріи государства положено Бентамомъ въ его опредѣленіи политическаго общества. „Если извѣстное число лицъ (которыхъ мы можемъ назвать подданными) находятся въ постоянномъ повиновеніи какому-нибудь лицу или собранію лицъ, облеченному извѣстными полномочіями (правителю или правительству), то всѣ эти лица вмѣстѣ (правительство и подданные) образуютъ политическое общество“.

Обратимъ вниманіе на замѣчаніе Мэна, что Бентамъ ясно сознавалъ трудность опредѣленія, пользуется ли постояннымъ повиновеніемъ правительство въ данномъ обществѣ и потому общество должно ли считаться политическимъ или же оно естественное; естественнымъ же онъ считаетъ то, въ которомъ нѣтъ такого постояннаго повиновенія. Бентамъ отлично знаетъ, что среди фактически существующихъ человѣческихъ обществъ нѣтъ такого, которое бы совершенно соотвѣтствовало этому опредѣленію. Немного найдется примѣровъ, а можетъ быть ихъ и совсѣмъ не окажется, гдѣ бы вполнѣ отсутствовало всякое повиновеніе или чтобъ оно вполнѣ и безусловно существовало. Практическимъ признакомъ политическаго общества есть „появленіе оффиціальныхъ лицъ“, при условіи удаленія всей остальной массы народа отъ непосредственнаго управленія и законодательства.

Законы — это приказанія правительства или, употребляя принятый теперь терминъ, верховной власти.

Область правительственной власти неограничена; но на практикѣ она опредѣляется возможностью сопротивленія, которое при нѣкоторыхъ условіяхъ является нравственно справедливымъ и обязательнымъ, хотя условія эти не поддаются общему и точному опредѣленію. Въ цѣляхъ научнаго анализа верховную власть можно считать неограниченною. Различіе между свободными и деспотическими правительствами заключается въ положеніи носителей верховной власти, а никакъ не въ самой власти ихъ, — въ обезпеченіи отвѣтственности лицъ, облеченныхъ ею, и въ свободной критикѣ ея примѣненія, а не въ номинальныхъ ограниченіяхъ ея области. Говорить, что верховная законодательная власть не можетъ дѣлать того-то, и того-то или что она нарушаетъ законъ,—было бы противорѣчіемъ *).

„Но почему же? Что можетъ ей воспрепятствовать“? Люди, претендующіе изслѣдовать предѣлы верховной власти, въ сущности занимаются очень смутной и сбивчивой оцѣнкой того, насколько полезны или вредны отдѣльные акты ея, и если вредны, то настолько ли, чтобы противодѣйствіе было лучше чѣмъ подчиненіе.

Это одно уже представляетъ значительный шагъ впередъ. Бентамъ, подобно Гоббсу, указываетъ на безсмысленность ограниченій верховной власти; но онъ отличается отъ Гоббса тѣмъ, что дѣлаетъ различіе между чисто легальной обязанностью повиновенія (верховная власть предполагается безусловной) и полити-

*) Бентамъ исключаетъ тотъ случай, когда власть правительства „ограничена особымъ условіемъ заключеннымъ съ какимъ-нибудь другимъ государствомъ или государствами; въ этомъ случаѣ правительство даннаго государства не является истинной верховной властью, по крайней мѣрѣ въ полномъ значеніи этого слова. Мы встрѣчаемся съ подобнымъ явленіемъ во всѣхъ федеральныхъ государствахъ. Въ дѣлахъ, касающихся федеральныхъ государствъ, верховною властью является та, которая можетъ измѣнить федеральную конституцію. Но верховная власть каждаго отдѣльнаго государства (какъ и въ британскихъ колоніяхъ, пользующихся самоуправленіемъ) полновластна только въ конституціонныхъ границахъ своей компетенціи.

ческимъ ученіемъ о несопротивленіи. Верховный правитель или собраніе управляетъ безъ всякаго высшаго ограниченія въ формальномъ слыслѣ и только подъ страхомъ быть свергнутымъ въ случаѣ, если достаточному числу его подданныхъ покажется, что зла отъ повиновенія больше чѣмъ при сопротивленіи. Гоббсъ, если бы онъ могъ высказаться по поводу положенія Бентама, конечно, сказалъ бы, что зла отъ сопротивленія всегда больше. Бентамъ, конечно, отказался бы признать справедливость этого утвержденія и считаетъ Гоббсово натянутое описаніе бѣдствій естественнаго состоянія войны требующимъ доказательствъ. Короче сказать, одно дѣло быть законнымъ неограниченнымъ правителемъ, а другое—управлять по своему произволу. Политическія обязанности—одно, обязанности нравственныя—другое. Въ политическомъ (теперь мы бы сказали въ законномъ) смыслѣ верховное правительство не связано ничѣмъ. Бентамъ особенно строгъ къ Блакстону за его разсужденія о законодательныхъ обязанностяхъ правительства.

Но мы можемъ нѣсколько въ иномъ смыслѣ сказать что обязанность правительства издавать законы есть главнѣйшее открытіе Бентама въ политической наукѣ, потому что у Бентама, кромѣ формальной теоріи верховной власти, есть еще опредѣленная теорія о цѣляхъ, для которыхъ существуетъ правительство. Оно существуетъ для общей выгоды управляемыхъ, или,—употребляя болѣе точныя выраженія Бентама,—для того, чтобы доставлять наибольшее счастіе наибольшему количеству людей. Общая польза единственная мѣрка, по которой можно судить о его дѣйствіяхъ,—ею Бентамъ опредѣляетъ общее правило какъ для частной нравственности, такъ и для политической цѣлесообразности; а изъ сопоставленія этого правила съ его теоріей верховной власти выходитъ, что государству неизвинительно отставать въ благоустройствѣ. Величайшее счастіе есть цѣль всѣхъ человѣческихъ дѣйствій; существуютъ злоупотребленія и заблужденія; такъ пусть же верховная власть государства, могущественнѣйшая форма

человѣческой дѣятельности, старается уничтожить ихъ. Пусть правительственная и судебная машина будетъ упрощена, насколько возможно. Пусть исчезнутъ неразумныя и вредныя правила; пусть будутъ удалены причины злоупотребленій и извращеній, а политическія обязанности станутъ удобопонятны и ясны. Пусть исчезнетъ предразсудокъ, запрещающій отмѣнять старые законы только въ силу ихъ давности; пусть никакія привиллегіи, основанныя на обычаѣ, не служатъ препятствіями на пути къ общему благу. Но прежде всего, пусть не будетъ жалобъ на недостатокъ власти для осуществленія всего этого. У государства не даромъ есть неограниченная верховная власть. *Non est potestas super terram, quae comparetur ei*, говоритъ Гоббсъ; поэтому бойтесь этой власти и повинуйтесь ей. Такъ, говоритъ Бентамъ, повиновеніе хорошо; но повинуясь пунктуально, я буду судить свободно! Что такое верховная власть, если она не направляется свѣтомъ разума на достиженіе общаго счастья? Формула наибольшаго счастія пусть будетъ уздой, чтобъ обуздать Левіаѳана и впречь его въ колесницу полезности. Такова связь между теоріей государства и законодательной теоріей Бентама. Вмѣстѣ взятые, онѣ даютъ намъ идеалъ современнаго законодательства, въ которомъ государство дѣятельно не только въ видахъ доставленія лѣкарствъ отъ вновь появляющихся язвъ, но и съ цѣлью систематическаго преобразованія и улучшенія своихъ собственныхъ учрежденій. До послѣдняго столѣтія законодательство считалось исключительнымъ орудіемъ политики, и въ Англіи, по крайней мѣрѣ, на него смотрѣли съ недовѣріемъ. Таинственная власть обычая, которая до нашихъ дней правитъ вполнѣ на Востокѣ, еще носится въ воздухѣ Европы. Перемѣной, произошедшей въ духѣ и въ методахъ законодательства за послѣднія нѣсколько поколѣній, мы почти всецѣло обязаны Бентаму.

Намъ нечего заниматься здѣсь этическимъ значеніемъ ученія Бентама; довольно сказать, что оно было

существенно измѣнено даже его непосредственными послѣдователями. Но мы не можемъ сомнѣваться относительно могущества его вліянія въ сферѣ политики. Можетъ быть, оно имѣло бы менѣе успѣха, будь оно не такъ основательно. Оно какъ разъ обладало тою степенью всеобщности и очевиднаго благоразумія, который даже въ Англіи способствуетъ примѣненію на практикѣ отвлеченныхъ теорій. Каждому кажется, будто онъ знаетъ, въ чемъ заключается счастье, а для практическихъ цѣлей вѣдь мало имѣетъ значеніе, точно ли оно сознано или нѣтъ. Общее, ходячее представленіе о счастьѣ, объ удобствѣ, о благополучіи даже въ самой грубой формѣ понятно какъ стимулъ человѣческой дѣятельности; но чтобъ дать какое-нибудь ясное понятіе о природѣ обязанности нужно употребить много стараній и потратить не мало усилій. Къ тому же задача его состояла въ томъ, чтобы возвысить государство до сознанія его власти и цѣлей его дѣятельности; и Бентамъ вполнѣ достигъ этого своими упорнымъ и смѣлымъ преслѣдованіемъ своей идеи.

Здѣсь мы точно также не можемъ ничего сказать, какъ относительно многихъ уже осуществившихся реформъ, задуманныхъ еще Бентамомъ, такъ съ другой стороны и о тѣхъ его предложеніяхъ,—а и такихъ было не мало,—которыя вполнѣ несоотвѣтствуютъ человѣческимъ чувствамъ и привычкамъ. Вообще въ его сочиненіяхъ мы встрѣчаемъ необыкновенную смѣсь практическаго здраваго смысла съ совершенно неприложимыми крайностями и странностями *).

Намъ некогда разсматривать ихъ, да это и безполезно. Эксцентричности Бентама принесли только тотъ

---

*) Отсутствіе у Бентама пониманія общественныхъ чувствъ и стремленій поразительнѣе всего сказывается въ его ученіи о наказаніяхъ. Общепринято считать, что утилитаріанизмъ совмѣстенъ съ раціональной филантропіей, Бентамъ же одно время считалъ практически возможнымъ или вѣрнѣе желательнымъ сжигать поджигателей; это, какъ и многія другія его предложенія, отличается и жестокостью и нелѣпостью.

вредъ, что онѣ препятствовали принятію его истинно цѣнныхъ мыслей. Оставалось довершить раздѣленіе теоріи политической верховной власти отъ теоріи этическихъ и историческихъ основаній политическаго общества. Это было сдѣлано Джономъ Остеномъ, который съ рвеніемъ, кажущемся намъ теперь непонятнымъ *), разчистилъ путь для возникновенія чистой науки о положительномъ законѣ. Изслѣдователь въ этой области принимаетъ верховную власть государства за первоначальный источникъ существующихъ законовъ и законныхъ установленій, анализируетъ и классифицируетъ ихъ безъ всякаго соотношенія къ нравственнымъ, общественнымъ и историческимъ причинамъ, обусловившимъ ихъ возникновеніе. Это, конечно, можетъ быть сдѣлано лишь путемъ въ высшей степени формальной отвлеченной абстракціи, а такую едва-ли возможно сохранить идеально чистой даже тогда, когда мы имѣемъ дѣло съ простѣйшими фактами. Такова, впрочемъ, участь всякой научной и философской отвлеченности; и если бы пріемы Остена были менѣе догматичны,—я боюсь сказать, педантичны,—можно бы избѣжать многихъ недоразумѣній. Но онъ не только черезчуръ догматизировалъ въ избранной имъ области, онъ пренебрегаетъ точнымъ знаніемъ даже существующихъ законовъ, не говоря о томъ, что абсолютно игнорируетъ исторію. Далѣе, явилась необходимость критики его, что и было исполнено сэромъ Генри Мэномъ въ послѣднихъ двухъ главахъ его „Early History of Institutions“, а послѣ него Фредерикомъ Гаррисономъ въ рядѣ статей его, помѣщенныхъ въ Fortnightly Review. Еще позднѣе профессоръ Голландъ далъ результаты, добытые англійской школою, въ формѣ, свободной отъ прежнихъ про-

*) Я долженъ сознаться, что пріемы Остена настолько мнѣ несимпатичны, что я всегда боюсь быть къ нему несправедливымъ. Во всякомъ случаѣ, не будетъ однако несправедливостью сказать, что лекціи Остена не желательны въ качествѣ настольной книги для новичковъ въ юриспруденціи. Книги Голланда и Маркби, по моему, гораздо лучше.

тиворѣчивыхъ недоразумѣній и поэтому чуждой тѣхъ англійскихъ крайностей, благодаря которымъ мыслители материка Европы совсѣмъ не оцѣнили трудовъ Остена, а отчасти даже и Бентама. Значеніе послѣдняго для политической науки и законодательства игнорируется даже тѣмъ меньшинствомъ иноземныхъ критиковъ, которые въ психологіи и этикѣ вполнѣ симпатизируютъ англійской школѣ, и я думаю, что Мэнъ говоритъ правду, утверждая, что Остенъ вовсе неизвѣстенъ внѣ своего отечества. Правда, д-ръ Бруннеръ упоминаетъ о его сочиненіи, но только для того, чтобы сказать, что въ немъ нѣтъ ничего достойнаго вниманія *). Да и трудно ждать отъ современниковъ и послѣдователей Савиньи большого интереса къ авторамъ, изъ которыхъ одинъ былъ совершенно несвѣдущъ въ римскомъ правѣ и философіи права, а другой, зная его лишь механически и плохо его себѣ усвоивъ, часто цитируетъ его литературу, но всегда съ тономъ пренебреженія и отвращенія. Быть можетъ, теперь мы можемъ надѣяться на лучшее.

Между тѣмъ ученіе о верховной власти породило цѣлую отрасль изысканій въ области положительнаго права. Мы раздѣлили дѣйствительное существованіе и власть правительства отъ его теоретическихъ основаній и принциповъ. Голосъ правительства есть повелѣніе государства, а государство не признаетъ ничего выше себя. Но правительствомъ можетъ быть учрежденіе искусственно образованное. Таково оно теперь во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ міра. Это порождаетъ новое различіе между тѣмъ, что принадлежитъ къ его формѣ и что къ его существу; или—если мы подставимъ вмѣсто Бентамова термина *политическій* терминъ

*) Überblick über die Geschichte der Französischen, Normanischen und Englischen Rechtsquellen (in Introduction für Holtzendorf's Encyklopädie, 5 Ausg. 1889).

законный, а термину Бентама придадимъ новое спеціальное значеніе,—то мы можемъ сказать—между законной и политической верховной властью. Въ самомъ дѣлѣ, въ чьихъ рукахъ находится верховная власть въ случаѣ неединоличнаго, а сложнаго правительства? Даже въ простѣйшемъ случаѣ, когда есть только одно народное собраніе, напр. у аѳинскаго демоса, — формальнымъ носителемъ верховной власти является все это собраніе, но на практикѣ нѣтъ, потому что оно не единодушно. Власть, принадлежащая всѣмъ, сосредоточивается въ рукахъ большинства; кто хочетъ примѣнить ее, долженъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ убѣдить большинство, раздѣлять его взгляды и если это ему удастся, то этого довольно. Значитъ, тотъ, кто убѣдитъ большинство, напримѣръ Периклъ, и является обладателемъ верховной власти? Или, въ случаѣ, если Аспазія убѣдитъ въ чемъ нибудь самого Перикла? Не есть-ли это напрасные и безконечные поиски за причиной всѣхъ причинъ? Отвѣтъ ясенъ. Успѣшное убѣжденіе не есть еще верховная власть. Периклъ убѣждаетъ большинство аѳинскихъ гражданъ, но этому большинству нѣтъ нужды убѣждать кого-бы то ни было: оно приказываетъ. А большинство тѣмъ или другимъ путемъ всегда окажется. Мы можемъ предположить еще,—хотя и не думаемъ, чтобы это могло быть на самомъ дѣлѣ,—что собраніе, которому принадлежитъ верховная власть, раздѣлилось на двѣ равныхъ половины; тогда не будетъ никого, могущаго имѣть рѣшающій голосъ. Въ такомъ практически невозможномъ случаѣ верховная власть двухъ половинъ собранія нейтрализировалась бы, и государство осталось бы безвластнымъ. Идя далѣе, мы можемъ вообразить еще болѣе сложные случаи, когда въ собраніи голоса подаются не коллективно, а по секціямъ, по отдѣламъ, обсуждающимъ и рѣшающимъ вопросы каждый отдѣльно, но примѣняющимъ свои рѣшенія лишь послѣ постановленія общаго большинства; наконецъ, приложимъ эти идеи къ системѣ англійской конституціи, которая благодаря привычкѣ такъ близка

намъ и знакома, и которой цѣлый міръ подражаетъ съ большими или меньшими варіяціями отчасти сознательными, отчасти же невольными. Мы видѣли, въ какое затруднительное положеніе поставлены были прежніе публицисты нежеланіемъ раздѣленія этики отъ политики. Такое же затрудненіе встрѣчали англійскіе публицисты потому, что они не умѣли или не хотѣли различать легальную верховную власть отъ той практической силы, которая осуществляетъ ее на дѣлѣ. Парламентъ есть высшее учрежденіе въ Англіи или, употребляя техническій терминъ, есть носитель верховной власти. Это понимаетъ и признаетъ всякій со времени Гоббса, который тщетно пытался отрицать это (хотя теоретически и признавалъ возможность неединоличнаго носителя верховной власти). Но что такое парламентъ? Кому собственно въ немъ принадлежитъ верховная власть? Откроемъ послѣдній томъ статутовъ. „Постановлено ея величествомъ королевою, съ вѣдома и согласія духовныхъ и свѣтскихъ лордовъ и представителей общинъ, собранныхъ въ настоящемъ парламентѣ, въ силу его власти". Повидимому, тутъ три различныхъ власти; ихъ могло бы быть, какъ это видно изъ исторіи, и четыре. Положительный законъ страны, регулирующій государственныя учрежденія, требуетъ, чтобъ для изданія новаго закона всѣ три власти пришли по согласію. Королевская власть не можетъ издавать законовъ безъ государственныхъ штатовъ, ни при несогласіи одной палаты, какъ и палаты парламента не могутъ совмѣстно или отдѣльно издавать законы вопреки королевской власти. Но что понуждаетъ ихъ дѣйствовать въ согласіи? Какое существуетъ ручательство въ томъ, что между ними не будетъ царить постояннаго разногласія?

Почему англичане всегда увѣрены, что эта сложная государственная машина съ тремя повидимому независимыми частями будетъ дѣйствовать всегда совмѣстно? Эта конституція, вѣдь похожа на часы съ тремя различными системами колесъ, для показанія часовъ, ми-

нутъ и боемъ, но безъ всякаго приспособленія для того чтобъ они вращались одновременно. Публицисты прошлаго столѣтія ограничивались утвержденіемъ, что составныя части парламента въ самомъ дѣлѣ независимы и (употребляемъ выраженія ихъ времени) находятся по отношенію другъ ко другу въ первобытно естественномъ состояніи. Рискъ парализовать государственную власть, столь возможный, почитался особымъ достоинствомъ англійской конституціи, и ему-то именно приписывалось умиротворяющее вліяніе на партіи. Очень искусно доказывалось, что власть короля, верхней и нижней палатъ не только по существу различна, но это различіе власти есть доказательство мудрости нашихъ предковъ, потому что совмѣщеніе этихъ трехъ родовъ власти въ рукахъ одного лица или собранія было бы роковымъ для свободы. Делольмъ, очень родственный Блакстону, на котораго онъ часто ссылается *), доказываетъ, что не могло бы быть равновѣсія, если бы исполнительная власть не находилась въ однихъ рукахъ, а законодательная не была бы раздѣлена. Ученіе о верховной власти даже въ самой грубой формѣ совершенно упразднитъ эту теорію. Никто, понявшій Гоббса, не можетъ продолжать вѣрить въ равновѣсіе конституціональныхъ силъ. Бэджготъ (Bagehot) показалъ (какъ догадывались мыслящіе люди и ранѣе его, но не вполнѣ высказывали), что англійская конституція въ настоящее время практически отдаетъ верховную власть большинству Палаты Общинъ. Государственная машина дѣйствуетъ хорошо вовсе не потому, что власти уравновѣшены, а потому что на дѣлѣ есть одна только власть. Такое единство верховной власти скрыто тѣми мѣрами, которыя обезпечиваютъ его, и онѣ совсѣмъ незамѣтны во внѣшней формѣ нашей конституціи. Управленіе руководится системою понятій, большая часть которыхъ

*) Онъ впервые издалъ свое сочиненіе въ 1771 году, а просмотрѣнное имъ же англійское изданіе съ посвященіемъ Георгу III появилось въ 1784 году.

никогда не была въ достаточной степени опредѣлена и не пріобрѣла силъ положительнаго закона. Изученіе этихъ неформулированныхъ отношеній, вполнѣ отличныхъ отъ положительныхъ конституціонныхъ законовъ, существующихъ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ большинствѣ государствъ континента въ видѣ торжественныхъ государственныхъ актовъ, а у насъ въ видѣ Великой Хартіи, Билля о правахъ и Акта о престолонаслѣдіи,—это изученіе представляетъ матеріалъ для совершенно новой отрасли политической науки. Мнѣ неизвѣстно, чтобъ на континентѣ дѣйствительно существовала такая отрасль науки, но одна рѣчь объ этомъ есть достаточное доказательство, что ученіе англійской школы не сводится къ простому эмпиризму, какъ говорятъ враги Англіи.

Полезно знать своихъ враговъ, въ особенности, когда они почтенны и сильны. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ избранному нами спеціально предмету, нужно сказать нѣсколько словъ о направленіи политическаго мышленія на континентѣ. Мы уже упомянули, что вообще оно непріязненно относится къ англійской школѣ. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Но можно преувеличить противоположность между англійскими и континентальными публицистами, когда основнымъ различіемъ ихъ методовъ можетъ быть простое различіе въ опредѣленіяхъ и пріемахъ. Такъ, этическая теорія Бентама противополагается теоріи новѣйшихъ континентальныхъ философовъ или ихъ англійскихъ приверженцевъ наприм. Канта и Кольриджа, какъ система, основанная на опытѣ, между тѣмъ какъ тѣ имѣютъ источникомъ трансцендентальныя понятія. Обыкновенно считаютъ, что такая же противоположность существуетъ въ отношеніи и политическихъ теорій. Я думаю, что если она и существуетъ, то въ значительно меньшихъ размѣрахъ, даже и на почвѣ этики. Принципъ полезности кажется мнѣ неменѣе догматичнымъ, чѣмъ принципъ практическаго разума. Сравнительное достоинство каждаго изъ нихъ опредѣляется тѣмъ, насколько онъ правильно выражаетъ результаты опыта человѣчества, и оба поэтому

нуждаются въ опытной провѣркѣ. Но относительно политики ясно, что Бентамъ настолько же догматикъ, какъ и проповѣдникъ Naturrecht'a. Онъ указываетъ конечную цѣль государству путемъ отвлеченныхъ размышленій о мотивахъ человѣческихъ дѣйствій вообще, какими они ему представляются, не справляясь нимало ни съ исторіей ни съ соотвѣтствующими фактами,—и строитъ на этомъ основаніи общую теорію законодательства. Еще болѣе догматиченъ методъ Остена, который, при дальнѣйшемъ развитіи повелъ бы къ формальному анализу, совершенно безразличному и для практическихъ цѣлей и для дѣйствительнаго историческаго содержанія той или другой системы законодательства. Поэтому не будемъ утѣшать себя тѣмъ, что мы не похожи на догматизирующихъ нѣмцевъ.

Континентальныя школы,—или, лучше, двѣ вѣтви континентальной школы могутъ быть названы одна—этической, а другая—исторической. Къ этической школѣ я отношу (оставляя на это время въ сторонѣ всѣ мелкія раздѣленія, которыя мы не имѣемъ времени разсматривать) тѣхъ авторовъ, которые главнымъ образомъ направляютъ свои силы на изслѣдованіе общихъ нравственныхъ и общественныхъ условій существованія правительства и законовъ,—конечно, просвѣщенныхъ правительствъ и законовъ,—и толкованіемъ того, чѣмъ такія правительства и законы являются и чѣмъ должны быть, поскольку они опредѣляются наличностью этихъ условій. Такъ въ немногихъ словахъ я опредѣляю то, что вообще принято обозначать терминомъ естественное право, droit naturel, Naturrecht; я говорю,—принято вообще, потому что нелегко разобраться во всѣхъ тѣхъ различныхъ значеніяхъ, которыя придается термину „естественное право“ различными школами философовъ, начиная со стоиковъ. Очевидно, что это вполнѣ естественная отрасль политической науки; сколько мы можемъ извлечь изъ него, это другой вопросъ, но никого не должно порицать за такія усилія. Изученіе его не имѣетъ само по себѣ необходимой связи съ какимъ-либо отдѣльнымъ

этическимъ ученіемъ. Построенія образцовыхъ учрежденій и правилъ законодательства, въ такомъ изобиліи встрѣчающіяся у Бентама, основаны все на томъ же Naturrecht'ѣ, неограниченномъ и неприноровленномъ къ условіямъ Англіи, или какой-нибудь другой опредѣленной страны. Глава его „О передачѣ правъ", въ „Основаніяхъ гражданскаго права" въ такой же степени Naturrecht, какъ и у любого нѣмца, потому что излагаетъ законы, на основаніи общей природы человѣческихъ отношеній внѣ времени и мѣста. И Naturrecht Бентама не болѣе соотвѣтствуетъ положительному праву, изучаемому и примѣняемому юристами, чѣмъ и то, что мы встрѣчаемъ у Аренса или Канта. Англійскій юристъ можетъ встрѣтить такой уголокъ земли, гдѣ наслѣдство распредѣляется поровну между всѣми сыновьями завѣщателя, и такой, гдѣ наслѣдуетъ одинъ младшій сынъ; и этому юристу не будетъ никакого дѣла, который изъ этихъ двухъ законовъ можетъ служить въ большей степени выраженіемъ раціональной воли общины, или который изъ нихъ лучше направленъ въ цѣляхъ общаго благополучія. Каждый законъ осуществляется, разъ страна ему повинуется, безъ всякихъ разсужденій, разуменъ онъ или нѣтъ, и права кліентовъ этого юриста зависятъ исключительно отъ того, примѣняются ли къ нимъ существующіе законы. Существуетъ, впрочемъ, одна книга, исключительно принадлежащая чисто англійской школѣ, это—собраніе замѣчаній на первоначальную редакцію индійскаго уголовнаго кодекса, — одинъ изъ интереснѣйшихъ и поучительнѣйшихъ документовъ, извѣстный англійскимъ читателямъ по изданію сочиненій Маколея, сдѣланномъ лэди Тревельянъ. Но если исключить изъ нихъ то, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ условіямъ Британской Индіи и насколько на составителей помимо ихъ воли вліяли особенности англійскаго положительнаго закона, которому они безсознательно подчинялись, то въ нихъ мы найдемъ чистѣйшій Naturrecht.

Тѣмъ не менѣе, нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ нѣ-

которое различіе между англійскимъ и континентальнымъ способами разсматривать эти вопросы. Мы говоримъ „англійскимъ“, потому что Шотландія въ этомъ случаѣ придерживается взглядовъ континента. Чѣмъ же объясняется такое различіе? Нѣмецкіе философы и ихъ послѣдователи говорятъ: „Вы, англичане, не даете себѣ труда понять новѣйшую философію. Вы все еще придерживаетесь мрака до-кантовской эпохи и пока вы не освободитесь отъ этого мрака, у васъ никогда не будетъ настоящей теоріи государства и права. Когда вы дѣлаете видъ, что она у васъ есть, мы отлично понимаемъ, что значатъ ваши слова“. Съ другой стороны англичане отвѣчаютъ: „Мы сознаемся, что мало знаемъ о вашей трансцендентальной философіи, да и не заботимся объ этомъ; къ тому же намъ кажется, что и вы извлекаете оттуда немного, если не считать безконечныхъ разсужденій о Persönlichkeit и Menschenwürde, о le bien и l'idéal; а когда случается разрѣшать практическіе вопросы политики, то вамъ приходится имѣть дѣло съ тѣмъ же самымъ эмпирическимъ методомъ, какъ и намъ, только изложеннымъ болѣе запутаннымъ языкомъ“. Въ томъ и другомъ изъ этихъ упрековъ есть доля правды и очень много преувеличеній. Континентальные критики игнорируютъ англійскую школу, потому что предполагаютъ, что вся она подчинена формѣ утилитаріанизма Бентама, тогда какъ истинный характеръ англійской политической науки проявляется въ цѣлой серіи подраздѣленій, по которымъ наши публицисты отмежевали различныя области политической этикѣ, конституціонной политикѣ и положительному праву. Процессъ, начатый Гоббсомъ, былъ завершенъ Юмомъ. Гоббсъ началъ его безсознательно, стараясь сдѣлать законную верховную власть основнымъ и всеобъединяющимъ знаменемъ политической этики. Виги, съ помощью Локка, пытались воскресить этическій элементъ путемъ введенія естественнаго права,—при помощи теоріи общественнаго договора,—даже въ техническое понятіе о политической верховной власти. Общественный

договоръ былъ осмѣянъ Юмомъ и въ конецъ уничтоженъ Беркомъ, а раздѣленіе этической части политики, какъ теоріи законодательства и правленія, отъ аналитической части т. е. теоріи государственнаго и положительнаго права, было пущено въ ходъ Бентамомъ и его послѣдователями. Теорія законодательства до нѣкоторой степени заключаетъ въ себѣ этическую теорію, хотя, по моему мнѣнію, ей нѣтъ никакой нужды принимать въ разсчетъ чисто метафизическіе вопросы этики. Но аналитическая часть политической науки, заключая въ себѣ лишь чистую науку о положительномъ правѣ, совершенно независима отъ этическихъ теорій. Вотъ то, что англичане считаютъ конечнымъ научнымъ результатомъ работы прошлаго вѣка. Точность и отвлеченность, которыя имъ удалось достигнуть въ ихъ техническихъ терминахъ, все еще принимаются иностранными изслѣдователями и даже даровитыми шотландскими послѣдователями континентальныхъ методовъ, вродѣ покойнаго эдинбургскаго профессора Лоримера, за узость и близорукость мысли.

Наоборотъ, англійскій изслѣдователь является естественно уже предубѣжденнымъ благодаря такому непониманію и думаетъ, что едва ли можно ждать чего-либо путнаго отъ философовъ, которые еще не отдѣлили ясно въ своемъ умѣ понятіе о томъ, каковы вещи на самомъ дѣлѣ, отъ того, какими онѣ должны быть. Ему кажется, что нѣмецкая школа смѣшиваетъ аналитическую точку зрѣнія въ политикѣ съ практическою и вообще политику съ этикою. Когда онъ читаетъ, что имѣются какіе то „естественные законы, проистекающіе изъ природныхъ фактовъ и устанавливающіе принципы юриспруденціи какъ цѣлаго“, но что тѣмъ не менѣе „положительные законы никогда вполнѣ не были и вѣроятно никогда не будутъ вполнѣ раскрыты“—а эти выписки изъ книги профессора Лоримера являются хорошими образцами,—то онъ готовъ съ отчаянія не продолжать дальнѣйшаго изученія. Но такое отчаяніе несправедливо. Пусть онъ только не думаетъ, что англичане и нѣмцы, или

даже шотландцы, употребляя одни и тѣ же термины, говорятъ объ однѣхъ и тѣхъ же вещахъ. Пусть онъ только помнитъ о неизбѣжной разницѣ въ точкахъ зрѣнія между тѣми, которые имѣютъ два слова *право* и *законъ* (law and right) и тѣми, кто однимъ словомъ Recht или droit, опредѣляетъ оба эти понятія такъ что англійскія law и right (даже когда right употребляется въ смыслѣ частнаго права отдѣльнаго лица) представляются имъ какъ двѣ стороны одной и той же вещи, — „Recht im objectiven Sinne“ и „Recht in subjectiver Hinsicht“. Вѣроятно, нѣмцы считаютъ это своимъ преимуществомъ. Мы этого не думаемъ, но разницу эту все-таки нужно всегда помнить. И если мы будемъ разсматривать дѣло, какъ оно есть, не ожидая чего то особеннаго, то увидимъ, что это ужасное и таинственное Naturrecht есть въ сущности ничто иное, какъ теорія правленія и законодательства, или, — сохраняя ту широту, которая приписывается ему нѣмецкими авторами, — родъ телеологіи государства и его учрежденій, сильно, правда, отличающейся отъ чего бы то ни было соотвѣтствующаго въ англійской литературѣ и въ такой же степени проникнутой этической философіей Кантовской и послѣ-Кантовской школы, какъ и Бентамова теорія законодательства проникнута его утилитаріанизмомъ. Если мы отнесемся съ большими вниманіемъ и пониманіемъ, то мы можемъ надѣяться, что оба эти метода придутъ къ какому нибудь соглашенію или modus vivendi, или наконецъ, дождутся разумной и полезной критики отъ третьяго метода. Возьмите опредѣленіе закона у профессора Аренса. Законъ, по его словамъ, (переводимъ ихъ вольно), есть правило или образецъ, руководящій вообще условіями, содѣйствующими правомѣрному достиженію какого-либо блага, или обезпечивающій благо единичнымъ личностямъ и обществамъ, по скольку эти условія зависятъ отъ произвольныхъ дѣйствій*). Англичанинъ скажетъ: „По скольку я по-

*) Вступленіе (въ прежнихъ изданіяхъ, а не въ двухъ послѣднихъ) къ „Энциклопедіи права“ Гольцендорфа.

нимаю, это опредѣленіе говоритъ, для чего существуетъ законъ, но не говоритъ мнѣ, что онъ такое?“ Да, но у насъ такъ приспособленъ умъ. Нѣмцы не заботятся о чистомъ анализѣ или объ анатоміи политическихъ идей. Мы только что разсмотрѣли опредѣленіе, относящееся къ цѣлямъ закона, а вовсе не къ его положительному характеру. Но это опредѣленіе предполагаетъ будто намъ извѣстно, что такое благо. Что Аренсъ разумѣетъ подъ благомъ? Онъ правда даетъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ. „Благо есть все, что мы признаемъ пригоднымъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей“, предполагая, какъ вытекаетъ изъ опредѣленія, нормальнаго и разумнаго человѣка и включая сюда потребности культуры и духовнаго прогресса. Такимъ образомъ законъ, повидимому, имѣетъ своей цѣлью вообще обезпечить разумное удовлетвореніе желаній людей, живущихъ въ обществѣ. Но удовлетворенныя желанія — элементы счастья. Счастье есть совокупность удовлетворенныхъ желаній, каковы бы ни были эти совокупныя желанія и ихъ относительное достоинство. Такимъ образомъ, счастье есть въ нѣкоторомъ смыслѣ цѣль законовъ и правленія, и признавать, что законъ проистекаетъ изъ разумной природы человѣка, — значитъ въ практическомъ отношеніи приближаться къ выводамъ Бентама. Такъ что разницу этихъ двухъ точекъ зрѣнія нельзя приписать какимъ бы то ни было существеннымъ различіямъ между англійскимъ и нѣмецкимъ умомъ. Мнѣ кажется, что гораздо болѣе существенную роль играютъ историческія условія. Въ Англіи положительные законы страны въ теченіи цѣлыхъ столѣтій были неизмѣнны, сильны, охватывали всесторонне общественную жизнь, и потому положительный законъ является достойнымъ предметомъ для точнаго научнаго изслѣдованія. Въ Германіи вплоть до нашихъ дней существовала масса независимыхъ государствъ; многія изъ нихъ были очень малы, но въ каждомъ имѣлись свои мѣстные законы, всѣ болѣе или менѣе составленные по одному образцу искавшіе авторитетной поддержки за отсутствіемъ спе-

ціальнаго учрежденія или обычая, — въ римской или германо-римской традиціи. При такомъ положеніи вещей теорія естественно должна была стремиться къ общему корню идеи, пренебрегая ея безчисленными частными приложеніями въ дѣйствительной жизни. Многозначительно, что тоже самое явленіе мы встрѣчаемъ и въ Соединенныхъ Штатахъ; множество независимыхъ муниципальныхъ юрисдикцій (кромѣ немногихъ штатовъ, образовавшихся не изъ англійскихъ переселенцевъ) черпаютъ изъ источника общаго права еще больше, чѣмъ германскія государства изъ римскаго права, и придерживаются общаго корня англійскаго законодательства. Несмотря на англійскую традицію и родство, большинство новѣйшихъ американскихъ публицистовъ рѣшительно предпочитаютъ континентальный образъ мысли. Они вѣрятъ въ общее право, какъ англійскіе судьи XVII вѣка, и въ естественное право, какъ нѣмецкіе философы.

Историческій методъ въ политической наукѣ, какъ онъ понимается на континентѣ, не противоположенъ тому, который я назвалъ бы дедуктивнымъ, но стоитъ отдѣльно отъ него. Публицисты исторической школы болѣе ищутъ объясненія того, что представляютъ изъ себя различныя учрежденія, путемъ изслѣдованія того, чѣмъ оно было прежде и какимъ образомъ оно стало тѣмъ, что есть теперь,—чѣмъ анализа ихъ нынѣшняго состоянія. Савиньи, величайшій изъ юристовъ новѣйшаго времени, является славнымъ представителемъ исторической школы въ Германіи, хотя приложеніе его метода къ общей теоріи политики составляетъ незначительную часть его замѣчательнаго труда. Изъ англичанъ Беркъ признанъ самими нѣмцами предшественникомъ Савиньи, а политическія сочиненія Кольриджа, хотя менѣе практичныя по духу и методу, должны быть отнесены къ той же школѣ. Общая идея историческаго метода можетъ быть выражена афоризмомъ, который сталъ довольно распространенъ въ наши дни, а именно—учрежденія не созидаются, а постепенно растутъ. Такимъ образомъ Савиньи, вмѣсто того, чтобы дать формальное

опредѣленіе закону описываетъ его какъ продуктъ всей общественной жизни націи; не какъ нѣчто, созданное націею по выбору или договору, а подобно обычаю и языку, тѣсно связанное съ ея существованіемъ и помогающее націи стать тѣмъ, что она есть; онъ говоритъ (мы уже на это указывали) почти тѣми же словами какъ Беркъ, что народъ есть всегда истинный законодатель. Das Gesetz ist das Organ des Volksrechts. Также и Кольриджъ въ своемъ очеркѣ о церкви и государствѣ, разсматриваетъ англійскую церковь не ту, какова она въ дѣйствительности, и не ту, какою онъ желалъ бы, чтобы она была въ идеальномъ государствѣ,—но только въ томъ, что онъ называетъ ея идеею, — т. е. то, къ чему, по его мнѣнію, церковь Англіи предназначается ея условіями и положеніемъ въ государствѣ и чѣмъ по крайней мѣрѣ она могла бы быть. Этотъ методъ ведетъ къ нѣкоторому оптимизму, и въ этомъ его опасность; не къ раціоналистическому оптимизму XVIII столѣтія, который считаетъ прекраснымъ то, что есть, а къ отвлеченному оптимизму, который старается видѣть лучшее въ томъ, что будетъ, и къ чему все стремится. Я въ другомъ мѣстѣ указывалъ на сходство между историческимъ методомъ и новѣйшимъ ученіемъ объ эволюціи, такъ что мы можемъ назвать этотъ оптимизмъ оптимизмомъ исторической эволюціи. Далѣе, историческій методъ многостороненъ и по этой причинѣ я насколько можно избѣгалъ слова „школа“. Излишне останавливаться на томъ, какой мощный свѣтъ пролилъ сэръ Генри Мэнъ на законодательство и политическія идеи; а что касается до приложенія его взглядовъ къ англійской конституціи, то это прекрасно сдѣлалъ Фриманомъ. Книга Корнуэлля Льюиса „Методы наблюденія и сужденія въ политической наукѣ“, хотя скорѣй и принадлежитъ, по принятой мною терминологіи, къ философіи исторіи, является тоже прекраснымъ англійскимъ образцомъ этого метода.

Недостатокъ мѣста служитъ мнѣ извиненіемъ въ томъ, что не разсмотрю и даже не укажу на другія новѣй-

шія фазы развитія политической мысли. Очень соблазнительно отмѣтить результаты философскихъ построеній, соединенныхъ съ богатымъ техническимъ знаніемъ и исторической эрудиціей, въ трудахъ Блюнчли; и указать на то мѣсто позитивизму, которое долженъ занять въ ряду новѣйшихъ теорій или выяснить отношеніе между предшествующей англійской наукой и системой, развитой недавно Гербертомъ Спенсеромъ, которая, по моему мнѣнію, гораздо болѣе важна, чѣмъ система Огюста Конта. Но ни одного изъ этихъ предметовъ не могу коснуться на этихъ немногихъ страницахъ. Можно позволить себѣ лишь нѣсколько словъ по вопросу о „границахъ государственной власти“,—тѣмъ болѣе что предметъ этотъ популярно разсматривался тремя лучшими новѣйшими мыслителями—Миллемъ, Спенсеромъ и Гексли, а потому болѣе или менѣе знакомый всѣмъ образованнымъ читателямъ. Это вопросъ можно сказать, возникаетъ изъ ученія о верховной власти. Если очевидно безполезно и даже противорѣчиво ограничивать верховную власть какимъ-нибудь формальнымъ или положительнымъ установленіемъ, то стоитъ подумать, всякіе ли общіе политическіе законы можно пытаться осуществить властью государства или благоразумнѣе тѣ или другіе предоставлять дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Въ области политической экономіи мы уже имѣемъ опредѣленныя правила этого рода, хотя примѣненіе ихъ еще и оспаривается. Но тутъ вопросъ шире,—рѣчь идетъ объ общемъ контролированіи государствомъ частныхъ дѣйствій его гражданъ каждаго порознь или цѣлыхъ ассоціацій,—и имъ-то мы теперь займемся.

Онъ былъ опредѣленно поставленъ въ его нынѣшней формѣ Вильгельмомъ Гумбольтомъ въ маленькой книжкѣ, написанной въ 1791 году, но напечатанной только послѣ смерти автора, т. е. 60 лѣтъ спустя. За это время многое измѣнилось. Между прочимъ тотъ самый Гумбольдтъ, который въ этой книжкѣ высказываетъ, что народное образованіе есть одна изъ такихъ областей, въ которыя государство не должно вмѣши-

ваться, сталъ самъ прусскимъ министромъ народнаго просвѣщенія. Я не знаю, отрекся ли онъ отъ своего прежняго мнѣнія; правда, ему не было надобности этого дѣлать, такъ какъ онъ не печаталъ ея; и дѣла въ такихъ случаяхъ краснорѣчивѣе словъ. Эта книжка его является, конечно, естественнымъ протестомъ дѣятельнаго ума противъ черезчуръ отеческаго правленія маленькихъ германскихъ государствъ за послѣднюю половину прошлаго вѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ написалъ ее въ общихъ выраженіяхъ. Но вѣдь въ столь же общихъ выраженіяхъ изложены и доводы Локка въ защиту революціи 1688 года. Не наше дѣло изслѣдовать, насколько положенія Гумбольда оказались приложимыми къ Пруссіи или другимъ германскимъ государствамъ въ 1851 году. Было бы однако страннымъ, даже на первый взглядъ, неосновательнымъ примѣнять ихъ въ то время, по настроенію правительства и общественнаго мнѣнія, въ Англіи. Но намъ суждены лишь несчастныя заимствованія у нашихъ сосѣдей. Въ метафизикѣ незадолго передъ тѣмъ сэръ Вилльямъ Гамильтонъ изобрѣлъ, благодаря удивительному непониманію Канта, призракъ, названный „безусловнымъ“, на которомъ онъ и немногіе его послѣдователи надѣялись основать систематическую философію. Почти точно такимъ же способомъ, англійскій публицистъ, выступившій послѣ блестящимъ противникомъ Гамильтона, подхватилъ идею Гумбольдта, и результатомъ этого явился всѣмъ намъ знакомый этюдъ Милля „О свободѣ“. Ему откликнулся въ Венгріи Eötwös (не нынѣшней Венгріи, а Венгріи 40 лѣтъ назадъ), а со Франціи Эдуардъ Лабулэ, который нѣсколько лѣтъ спустя собралъ и примѣнилъ доводы этихъ писателей,—съ какимъ успѣхомъ, извѣстно каждому, кто хотя поверхностно знаетъ, чѣмъ была французская администрація довольно часто впродолженіе нынѣшняго столѣтія теперь, а особенно во время Второй Имперіи. Не слѣдуетъ точно также упускать изъ виду, что традиціи Бентама и политическій утилитаріанизмъ содѣйствовали отчасти ученію о минимизаціи функцій

государства. Законъ, будучи разсматриваемъ исключительно какъ приказаніе или запрещеніе, началъ считаться по природѣ своей зломъ; и изъ этого слѣдовало, что вліяніе его должно быть по возможности меньше, насколько это необходимо для сохраненія общества. Въ послѣднее время сталъ этого взгляда придерживаться и Спенсеръ (хотя онъ высказался еще въ томъ же духѣ въ самомъ раннемъ своемъ произведеніи „Соціальная Статика“, за нѣсколько лѣтъ до появленія этюда Милля *), въ чемъ ему противосталъ Гексли, остроумно прозвавшій минимизаціонную доктрину „административнымъ нигилизмомъ“.

Этотъ терминъ не былъ принятъ Спенсеромъ, предложившимъ другой болѣе нейтральный и менѣе рѣзкій и *спеціализированной администраціи*. Спенсеръ подтвердилъ свое мнѣніе о вредѣ государственнаго вмѣшательства въ 1884 г. въ „The Man versus the state“. Въ одномъ пунктѣ, именно относительно регулированія желѣзныхъ дорогъ, онъ повидимому забываетъ, что желѣзныя дороги обязаны своимъ существованіемъ государственному вмѣшательству въ частную собственность, и то, что онѣ подвергаются спеціальному контролю (выгоденъ ли онъ для общества или нѣтъ) есть только вознагражденіе государству за спеціальныя привиллегіи, а потому въ этомъ нѣтъ во всякомъ случаѣ существенной несправедливости. Недавно Гексли обратился къ этимъ же вопросамъ съ новыми уступками въ терминологіи; онъ употребляетъ терминъ „региментація“ какъ противоположность „индивидуализму“. Частныя положенія Милля были подвергнуты сильной критикѣ

*) Есть въ „Соціальной Статикѣ“ вещи, которыя Спенсеръ теперь едва ли сталъ бы защищать, напримѣръ, предполагаемое имъ право индивидуума игнорировать государство, которое есть истинное reductio ad absurdum индивидуализма. Въ естественномъ организмѣ членъ, который попробовалъ бы игнорировать все остальное тѣло, скоро и жестоко поплатился бы за это. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ какъ эти строки написаны, Спенсеръ уже объявилъ, что „Соціальная Статика“ не вполнѣ соотвѣтствуетъ его теперешнимъ мнѣніямъ.

сэромъ Джемсомъ Стефеномъ въ его книгѣ „Свобода, Равенство, Братство“. Такимъ образомъ англійскіе читатели могутъ съ успѣхомъ, прочтя томъ или два лучшихъ современныхъ писателей, легко освоиться съ аргументами по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ теоретической политики. Теперь это пререканіе обратилось, кажется, болѣе на экономическіе и соціальные, нежели на политическіе вопросы. Оно наблюдается въ вопросахъ о частной собственности, кооперації, распредѣленіи прибыли и тому подобныхъ предметахъ, говорить о которыхъ не въ предѣлахъ моей задачи.

Единственную замѣтку я позволю себѣ прибавить къ этому: минимизаторы не различаютъ въ достаточной степени дѣятельности государства. Есть много вещей, которыхъ государство не можетъ сдѣлать средвами центральнаго управленія, но которыя отлично могутъ быть выполнены мѣстнымъ управленіемъ. Но это вопросъ лишь о прямомъ дѣйствіи государства или черезъ посредство его агентовъ, а никакъ не о государственной дѣятельности или частной предпріимчивости. Одинаково противно принципамъ Гумбольдта и Спенсера, будетъ ли городской совѣтъ заниматься вопросомъ о проведеніи газа и воды въ этомъ городѣ, или торговый совѣтъ. Едва ли нужно указывать, что при примѣненіи принциповъ чистаго индивидуализма, всѣ національные и общественные музеи, картинныя галлереи, парки и тому подобныя учрежденія перестали бы поддерживаться на общественный счетъ и дальнѣйшее ихъ существованіе зависѣло бы исключительно отъ частной благотворительности и отъ добровольныхъ пожертвованій.

Что касается до вопроса, насколько онъ приложимъ вообще, я не вижу возможности разрѣшить его иначе, какъ возвратившись къ очень старому вопросу: для чего существуетъ государство? Хотя я не могу судить самого себя, но тѣмъ не менѣе я думаю, что мы дошли до такого пункта, гдѣ намъ, лучше всего всего сказать: „вернемся къ Аристотелю“. Минимизаторы говорятъ,

что государство призвано лишь для защиты. Аристотель говоритъ намъ, что хотя оно и возникло изъ необходимости защиты, но имѣетъ и болѣе высокія цѣли: *γενομένη μὲν οὖν τοῦ ζῆν ἕνεκεν, οὖσα δὲ τοῦ εὖ ζῆν.* Не только матеріальную безопасность, но и улучшенія личной и общественной жизни,—вотъ чего стремимся мы достигнуть въ той организованной кооперації многихъ человѣческихъ жизней и работъ, которая называется государствомъ. Я не вижу ни смысла ни цѣли въ ограниченіи корпоративной дѣятельности націи. Мы должны указать границы самоохраненіемъ, говоритъ Милль; отрицательнымъ регулированіемъ, въ противоположность положительному, добавляетъ Спенсеръ. Но гдѣ кончается защита и гдѣ начинается вмѣшательство?

Если считать отрицательнымъ разумнымъ постановленіемъ то, что человѣка, выстроившаго свой домъ въ городѣ такъ, что онъ выступаетъ на улицу, подвергаютъ наказанію, то почему же мы должны считать положительнымъ и неразумнымъ постановленіемъ запрещенія вообще строить дома такъ, чтобъ они захватывали часть улицы. Чисто отрицательное постановленіе, а потому и вполнѣ справедливое—наказать человѣка, занесшаго заразу, не принявъ соотвѣтственныхъ предосторожностей. Но почему несправедливо заранѣе предписать правила предосторожности, если опасность существуетъ, недожидаясь, чтобы кто-нибудь заразился на самомъ дѣлѣ? Спенсеръ предписываетъ государству охрану собственности и договоровъ. Я слышалъ, какъ одинъ ревностный послѣдователь Спенсера дальше своего учителя, утверждалъ, что государство должно охранять только собственность въ точномъ смыслѣ, охрану же договоровъ предоставлять договаривающимся. Я думаю, что индивидуалисты такими аргументами только ставятъ себя въ неловкое положеніе. Можетъ быть, кто-нибудь возразитъ, что законъ есть запрещеніе, а запрещеніе есть насиліе, а насиліе можетъ быть употреблено государствомъ лишь противъ активной силы. Другими словами, государство должно охранять лицъ непосредствен-

но, а собственность лишь черезъ посредство лицъ; это будетъ новой степенью къ побѣдоносному водворенію „полной свободы подданнаго“,—и того естественнаго состоянія, которое, по Гоббсу, есть состояніе всеобщей войны. Я же предпочитаю сказать вмѣстѣ съ Гексли, не любившимъ громкихъ фразъ, что правительство есть корпоративный разумъ общины; и повторю слова Берка, этого философа и государственнаго человѣка, что государство не есть товарищество въ дѣлахъ, касающихся только грубо животнаго существованія, временной и гибнущей природы, а товарищество и во всѣхъ наукахъ, и во всѣхъ искусствахъ, товарищество во всякаго рода добродѣтели и во всевозможномъ усовершенствованіи и, наконецъ, закончу изреченіемъ Гоббса: „non est super terram potestas, quae comparetur ei“, придавая этимъ словамъ болѣе глубокій и широкій смыслъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Кирхенгеймъ, А. фонъ. Обзоръ юридической литературы за 1884—1894 гг. Ц. 45 к.

Кнаппъ, Г. Ф. Виды организаціи труда въ сельской промышленности. М. 1897. Ц. 50 к.

Ланге. Эмоціи (психо-физіологическій очеркъ). Ц. 30 к.

Legrain. Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ. Ц. 75 к.

Маллесонъ. Первоначальное воспитаніе дѣтей. Ц. 50 к.

Масе. Исторія кусочка хлѣба. Изд. 2-е. Спб. 1874. Съ 20-ю табл. рисунковъ. Ц. 75 к.

Милль, Д. С. Автобіографія. Ц. 75 к.

Милль, Д. С. Огюстъ Контъ и позитивизмъ. Съ приложеніемъ статей Спенсера и Уорда и портрета О. Конта. Ц. 1 р.

„На добрую память изъ русскихъ писателей“. Сборникъ статей и отрывковъ изъ лучшихъ русскихъ писателей и поэтовъ. Ц. 1 р. 25 к. Въ изящ. перепл. 1 р. 50 к.

Поллокъ. Исторія политическихъ ученій. Ц. 40 к.

Рибо, Т. Эволюція общихъ идей. М. 98 г. Ц. 80 к.

Святловскій 1-й, В. В. Фабричный рабочій (изъ наблюденій фабричнаго инспектора). Варшава. 1889. Ц. 3 р.

Святловскій 2-й, В. В. Государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи. Ц. 50 к.

Святловскій 2-й, В. В. Л. Брентано, его жизнь, воззрѣнія и школа. Съ портретомъ Брентано. Ц. 1 р. 25 к.

Спенсеръ, Г. Классификація наукъ. Ц. 50 к.

Тейлоръ, И. Происхожденіе арійцевъ и доисторическій человѣкъ. Съ 30-ю рисунками Ц. 1 р. 25 к.

Теннисонъ, А. Магдалина. Переводъ въ стихахъ А. М. Федорова, со ст. И. И. Иванова: „Теннисонъ и его поэзія“, и портретомъ Теннисона. Ц. 50 к.

Токвиль, А. Демократія въ Америкѣ. Переводъ съ 14 франц. изд. В. Н. Линдъ. М. 1897. XV+628 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Тома, Ф. Внушеніе. Его значеніе въ воспитаніи. Ц. 40 к.

Уордъ, Л. Психическіе факторы цивилизаціи. Полный переводъ безъ пропусковъ и сокращеній. Ц. 1 р.

Фрейманъ, В. Ф. Свойства, классификація и каталогизировка библіотекъ. Ц. 25 к.

Фуллье, А. Темпераментъ и характеръ. Ц. 1 р.

Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. Ц. 2 р.

Чаннингъ, Э. Исторія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Ц. 1 р.

Шерръ, І. Всеобщая исторія литературы, переводъ подъ редакціей П. И. Вейнберга. Два большихъ тома (25 вып.), со множествомъ гравюръ, картинъ, автографовъ, факсимиле и др. приложеній. Болѣе 1.000 стр. текста. Ц. по подпискѣ безъ доставки 7 р., съ достав. и перес. 9 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

„СИСТЕМЫ ЛОГИКИ“

Дж. Ст. Милля.

Новый переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей **В. Н. Ивановскаго. Книга I.** Введеніе. Имена и предложенія. **Книга II.** Умозаключеніе. **Книга III.** Наведеніе. **Книга IV.** Процессы, вспомогательные наведенію. **Книга V.** Заблужденія. **Книга VI.** Логика нравственныхъ наукъ. Подписная цѣна **3** руб. безъ пересылки и **4** руб. **50** к. съ пересылкой и заказной бандеролью. 1-я, 2-я и 3-я книги вышли. **По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.** Допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ вносится 2 руб.; при выходѣ 4-й книги рубль; книги 5-я и 6-я выдаются безплатно. Подписываться съ разсрочкой можно только у издателей въ магазинѣ **„Книжное Дѣло“.** Желающимъ сочиненіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ. **Гг. иногородніе благоволятъ обращаться въ магазинъ „КНИЖНОЕ ДѢЛО“. Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНІЕ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

Всеобщая Исторія Религій,

составленная въ сотрудничествѣ д-ра Э. Буклей въ Чикаго, библіотекаря Г. О. Ланге въ Копенгагенѣ, д-ра Ф. Іереміасъ въ Лейпцигѣ, проф. д-ра І. І. П. Валстонъ въ Утрехтѣ, проф. д-ра М. Т. Гутсми въ Утрехтѣ и д-ра Э. Леманнъ въ Копенгагенѣ, **Д. П. Шантепи-де-ля-Соссей,** д-ра и орд. проф. теологіи въ Амстердамѣ. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ ред. В. Н. Линдъ. Все сочиненіе состоитъ изъ двухъ большихъ томовъ, свыше 1000 страницъ и выходитъ выпусками, по пяти въ каждомъ томѣ. Содержаніе каждаго выпуска слѣдующее: Въ I томѣ: 1) Введеніе. Первобытные народы: Китайцы; Японцы. 2) Египтяне. 3) Семитическіе народы средней Азіи. 4) Евреи. 5) Исламъ. Во II томѣ: 1) Индусы. 2(Персы. 3) Греки. 4) Римляне. 5) Славяне, Литовцы, Германцы, Кельты. Подписная цѣна безъ доставки въ Москвѣ **4** руб., съ доставкой и пересылкой **5** р. **50** к. Первый выпускъ вышелъ въ декабрѣ 1897 года, остальные выпуски будутъ выходить ежемѣсячно, такъ, чтобы все изданіе вышло никакъ не позже конца 1898 года. Поокончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

Изданіе магазина **„Книжное Дѣло“** въ Москвѣ. Допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р. и при полученіи 2, 4, 6 вып. по 1 рублю.